

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
- И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «История»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев д-р ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный медицинский университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- А. Н. Алексеенко д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
- В. П. Булдаков д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)
- В. Фудзимото д-р истории, проф. (Осацкий университет экономики и права, Япония)
- Д. Вулф д-р истории, проф. (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)
- В. Дённингхаус д-р истории, проф. (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)
- Л. В. Дериглазова д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет, Россия)
- С. В. Кондратьев д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет, Россия)
- А. С. Лавров д-р ист. наук, проф. (Университет Париж – Сорбонна, Париж, Франция)
- Г. Г. Пиков д-р ист. наук, д-р культурологии, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Родигина д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- С. Ю. Сапрыкин д-р ист. наук, проф. (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)
- Д. Смил д-р истории, проф. (Школа истории колледжа королевы Марии Лондонского университета, Великобритания)
- И. Халфин д-р истории, проф. (Тель-Авивский университет, Израиль)
- П. Холквист д-р истории, проф. (Пенсильванский университет, США)
- В. И. Шишкин д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- А. Х. Элерт д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)
- М. Юнге д-р истории (Рурский университет, Бохум, Германия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
- A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)
- O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)
- A. K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
- S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
- H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “History”

Executive Editor

A. V. Dmitriev Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

S. O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State Medical University, Russian Federation)

Board Members

- A. N. Alekseenko Doctor of Sciences (History), Professor (S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk, the Republic of Kazakstan)
- V. P. Buldakov Doctor of Sciences (History) (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- W. Fujimoto Doctor of Sciences (History), Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)
- D. Wolff Doctor of Sciences (History), Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)
- V. Dönninghaus Doctor of Sciences (History), Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)
- L. V. Deriglazova Doctor of Sciences (History), Professor (Tomsk State University, Russian Federation)
- S. V. Kondratiev Doctor of Sciences (History), Professor (Tyumen State University, Russian Federation)
- A. S. Lavrov Doctor of Sciences (History), Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)
- G. G. Pikov Doctor of Sciences (History), Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. N. Rodigina Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)
- S. Yu. Saprykin Doctor of Sciences (History), Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)
- J. Smele Doctor of Sciences (History), Professor (Queen Mary’s college of London University, United Kingdom)
- I. Halfin Doctor of Sciences (History), Professor (Tel Aviv University, Israel)
- P. Holquist Doctor of Sciences (History), Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)
- V. I. Shishkin Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- A. Kh. Elert Doctor of Sciences (History) (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- M. Junge Doctor of Sciences (History) (Ruhr University, Bochum, Germany)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2022. Том 21, № 8: История

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

- Митрофанов В. П.* Мировой судья и формирование ополчений графств в Англии конца XVI – начала XVII века (на примере графства Норфолк) 9
- Магадеев И. Э.* Микрокосм французских представлений о США: американский визит маршала Ф. Фоша в 1921 году 21

Российская история

- Гурьянова Н. С.* Исторические штудии противников церковной реформы в XVII – первой четверти XVIII века 34
- Бондарь Л. Д.* Лингвистические исследования в научной экспедиции в Сибирь (1719–1727): Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг 44
- Мацумура Т.* Преступления и наказания русских офицеров в эпоху декабристов 67
- Матханова Н. П., Родигина Н. Н.* Репрезентации сельского населения региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX века: «иностранцы» 77
- Почекаев Р. Ю.* Борьба России против жестоких уголовных наказаний в Бухарском эмирате (коммуникационные аспекты) 91
- Зверев В. А., Пономарев И. И.* Естественное движение населения в Сибирском казачьем войске за двадцать лет (1894–1914): к вопросу о начале демографического перехода на востоке России 103
- Морозова Т. И.* Каналы и инструменты трансляции официального образа Советской власти населению Сибири в условиях новой экономической политики 119
- Волкова И. В.* Структура власти и дисциплинарные техники в предвоенной советской школе 132
- Дашковский П. К., Зиберт Н. П.* Положение протестантских общин Западной Сибири в контексте усиления антирелигиозной политики СССР в конце 1950-х – начале 1960-х годов 146

Научная информация

<i>Слугина В. А.</i> Апробация и проблематизация новых подходов в исторических исследованиях: опыт проведения регулярного научно-методологического семинара «История межкультурной коммуникации в политическом пространстве Евразии (XV–XIX вв.)» (апрель – декабрь 2021 года)	159
Список сокращений	162
Информация для авторов	163

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2022, vol. 21, no. 8: History

CONTENTS

World History

- Mitrofanov V. P.* Justice of the Peace and the Formation of County Militias in England in the End of the 16th and Beginning of the 17th Century (on the Example of Norfolk County) 9
- Magadeev I. E.* Microcosm of the French Images of the USA: American Visit of the Marshal F. Foch in 1921 21

Russian History

- Gurianova N. S.* Historical Studies of the Opponents of Church Reform in the 17th – the 1st Quarter of the 18th Century 34
- Bondar L. D.* Linguistic Research in the Scientific Expedition to Siberia (1719–1727): D. G. Messerschmidt and Ph. J. Strahlenberg 44
- Matsumura T.* Crimes and Punishments of Russian Officers at the Time of the Decembrists 67
- Matkhanova N. P.*, *Rodigina N. N.* The Representations of Rural Population of the Region in the Reports of Siberian Governor-Generals in the 2nd Half of the 19th Century: “Foreigners” 77
- Pochekaev R. Yu.* Russia’s Fight against the Savage Punishments in the Emirate of Bukhara (Communicative Aspects) 91
- Zverev V. A.*, *Ponomarev I. I.* Natural Population Dynamics of the Territory Controlled by the Siberian Cossack Host over Twenty Years (1894–1914): To the Question of the Beginning of the Demographic Transition in the East of Russia 103
- Morozova T. I.* Ways and Tools of Channeling the Official Image of Soviet Authorities to the Population of Siberia during the Period of the New Economic Policy 119
- Volkova I. V.* The Structure of Power and Disciplinary Techniques in the Pre-War Soviet School 132
- Dashkovskiy P. K.*, *Ziebert N. P.* The Status of Protestant Communities in Western Siberia in the Context of Strengthening of the Anti-Religious Policy of the USSR in the Late 1950s – Early 1960s 146

Scientific Information

<i>Slugina V. A.</i> Approbation and Problematization of New Approaches in Historical Research: the Experience of Holding a Regular Scientific and Methodological Seminar “The History of Intercultural Communication in the Political Space of Eurasia” (15 th – 19 th Centuries) (April – December 2021)	159
List of Abbreviations	162
Instructions to Contributors	163

Научная статья

УДК 942.055; 316. 485.2

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-9-20

Мировой судья и формирование ополчений графств в Англии конца XVI – начала XVII века (на примере графства Норфолк)

Владимир Петрович Митрофанов

Пензенский государственный университет
Пенза, Россия

cnit@pnz.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9002-3561>

Аннотация

Рассматривается деятельность мирового судьи графства Норфолк Натаниэля Бэкона по формированию ополчений. Он занимался многими вопросами формирования и вооружения ополчений графства: сбор денежных средств с населения для приобретения вооружения, подготовка и проведение военных смотров ополченцев, составление сертификатов воинских команд и др. Определено количество единиц холодного и огнестрельного оружия, амуниции и боеприпасов, приобретенных населением ряда сотен и церковных приходов графства, организация и порядок проведения военных смотров ополчений и т. д. Ему удалось добиться неплохого уровня обеспеченности огнестрельным оружием ополченцев графства. Материал статьи наглядно иллюстрирует некоторые сложности и нюансы «военной революции» раннего Нового времени в Англии и роль мировых судей.

Ключевые слова

Англия, Натаниэль Бэкон, Норфолк, сотни, смотры ополчений, воинские команды, мировой судья, вооружение

Для цитирования

Митрофанов В. П. Мировой судья и формирование ополчений графств в Англии конца XVI – начала XVII века (на примере графства Норфолк) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-9-20

Justice of the Peace and the Formation of County Militias in England in the End of the 16th and Beginning of the 17th Century (On the Example of Norfolk County)

Vladimir P. Mitrofanov

Penza State University
Penza, Russian Federation

cnit@pnz.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9002-3561>

Abstract

The article examines the activities of the justice of peace of the English county of Norfolk Nathaniel Bacon on the formation of the county militia in the late 16th and early 17th centuries. Analysis of his “notes”, correspondence with representatives of the central government and other documents shows that the justice of peace was involved in many issues of the formation and armament of the county militias. He reported regularly on these matters to the Privy Coun-

© Митрофанов В. П., 2022

cil. In the center of his attention was the collection of monies from the population for the acquisition of weapons, the preparation and conduct of military reviews of the militia, the preparation of certificates of military commands, the procedure for conducting military inspections of militias, etc. Bacon had constant contact with both the lord-lieutenant of the county and with the captains of military commands, sheriffs and constables of hundreds. One of the difficult tasks that he had to solve was the collection of funds from representatives of various classes for the needs of the military teams of the county militia. In general, the magistrate managed to achieve a good level of provision of firearms for the county militias. The material of the article clearly illustrates, using the example of a separate county, some of the complexities and nuances of the “military revolution” of the early modern times in England and the role of justices of the peace in this.

Keywords

England, Nathaniel Bacon, Norfolk, hundreds, reviews of the musters, military teams, justice of peace, weapons

For citation

Mitrofanov V. P. Justice of the Peace and the Formation of County Militias in England in the End of the 16th and Beginning of the 17th Century (on the Example of Norfolk County). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-9-20

«Военная революция», которая происходила в конце XVI в. [Федосов, 2013], не могла обойти стороной и английское королевство, хотя в нем и отсутствовала постоянная армия. Основной причиной этого историки считали островное расположение королевства и, следовательно, необходимость иметь лишь флот, способный противостоять потенциальному противнику на морях и предотвратить вторжение на Британские острова. Существовавший в то время территориальный принцип формирования ополчений графств был единственной альтернативой регулярной армии. Правда, корона могла собрать и небольшую наемную армию, как это было, например, в 1585–1587 гг. для ведения боевых действий на территории Нидерландов [Митрофанов, 2019]. Однако она обходилась казне дорого, а военная эффективность ее была невысокой. Но поскольку Англия участвовала в войнах на континенте и использовала вооруженные силы для подавления внутренних социальных конфликтов, то военная история Англии эпохи Тюдоров и первых Стюартов привлекала внимание историков. Что касается отечественной историографии, то в контексте значительных достижений англоведения в советский и постсоветский период историки, тем не менее, мало уделяли внимания военной организации английского королевства данного периода, равно как и участию мировых судей в формировании ополчений графств. Лишь частично исследован вопрос об ополчениях графств в плане привлечения в них крестьян во второй половине XVI – первой половине XVII в. [Митрофанов, 2014]. Только в небольшой статье автора настоящих строк частично анализируются материалы мирового судьи Натаниэля Бэкона, касающиеся ополчения графства и вербовки моряков для королевского флота [Митрофанов, 2011]. В немногочисленных работах отечественных авторов о мировых судьях в Англии эпохи Тюдоров и Стюартов деятельность мировых судей в отношении ополчений графств специально не рассматривалась [Дмитриева, 1995; Бельцер, 2007]. Правда, А. А. Бельцер отметил некоторые моменты в отношениях мировых судей и правительства Елизаветы I Тюдор по военным вопросам [2007, с. 116–118].

В англоязычной исторической литературе военная история Англии XVI–XVII вв. изучена гораздо лучше. В ряде монографий и статей исследованы многие важные вопросы военной истории английского королевства эпохи Тюдоров и Стюартов. Внимание историков привлекали прежде всего кульминационные события, как, например, разгром английским флотом испанского в 1588 г., т. е. так называемой «Непобедимой Армады», а также некоторые иные аспекты военного дела [Werham, 1994; 1966; Rapple, 2009]. Отдельные исследователи приводят интересные данные, проливающие свет на участие крестьян и горожан в военных смотрах различных графств. Особенно много подобного материала содержится в работе канадского историка Линдси Бойнтон «Елизаветинская милиция, 1558–1638» и некоторых других англоязычных историков [Boynton, 1967; Cruickshank, 1966; Sainty, 1970]. Также имеются и иные работы англоязычных историков, в которых анализируются различные аспекты военной истории Англии данного периода. Так, например, одной из последних можно считать

диссертацию Пола Скенелла, защищенную в 2012 г. в Открытом университете Великобритании, «Совершенствование британского военного профессионализма на протяжении раннего Нового времени (1572–1637)». В ней автор исследует данную проблему на основе анализа дневников современников о военном деле в Англии [Scannell, 2013]. Он подробно изложил историографию проблемы, отметив и упомянутые выше работы Л. Бойнтон, Ч. Крукшенка. Британский историк привлек 246 дневников за период 1500–1700 гг., принадлежавших представителям различных категорий населения, из которых установлено авторство собственно солдат 19, и авторами 41 дневника были военные моряки или солдаты [Ibid., p. 31]. Хотя все они содержат интересный материал, и диссертант их обстоятельно проанализировал, но деятельность мировых судей в плане ополчений графств в них не упоминается. Достаточно полный историографический обзор последних работ англоязычных авторов по военной истории Англии раннего Нового времени был дан канадским историком из университета Торонто Д. Лоуренсом [Lawtence, 2011]. Из него следует, что наиболее близкими к проблеме участия мировых судей в военном деле являются именно упомянутые выше работы Л. Бойнтон и Ч. Крукшенка.

В указанной выше англоязычной литературе историками были отмечены различные должностные лица, на которых центральная власть возлагала обязанности в отношении ополчений графств. Это лорды-лейтенанты и их помощники, шерифы, городские власти, мировые судьи, констебли и некоторые другие.

Мировые судьи как один из важных институтов местного управления, восходящий ко временам Средневековья (конец XII – XIII в.), отмечался современниками. Так, в трактате одного из антиквариев Уильяма Ламбарда достаточно подробно перечисляются их обязанности. Правда, автор рассматривает их деятельность в основном в правовом плане, но отмечает и их причастность ко многим социальным аспектам местного управления графств [Eirenarcha..., 1582]. В интересующий нас период мировые судьи графств продолжали существовать в качестве неоплачиваемых должностных лиц из числа местного дворянства, которые не только выполняли судебные обязанности, но и занимались решением многих социальных, религиозных и экономических вопросов на местах [Дмитриева, 1995; Бельцер, 2007, с. 55–121].

Англоязычные историки основательно исследовали должностные обязанности мировых судей в социально-экономических, религиозных и правовых вопросах [Dalton, 1746], отметив, в том числе, их участие в формировании ополчений графств [Beard, 1904, pp. 134–135]. Однако их деятельность в отношении ополчений графств специально не рассматривается [Gleason, 1969]. Даже при анализе повседневной работы местных властей в Норфолке в елизаветинскую эпоху известный специалист по локальной истории британский историк Альфред Хассел Смит не акцентировал внимание на исследовании этого вопроса на примере графства Норфолк [Smith, 1974].

В рамках данной статьи предпринимается попытка на материале графства Норфолк проследить степень участия мирового судьи Натаниэля Бэкона в формировании воинских команд. С этой целью обратимся к его бумагам за период 1580–1620 гг., в которых содержится много различных сведений по интересующим нас вопросам. В основе методологии исследования – метод case-studies, а также локальный метод. Анализ и синтез документальных и нарративных источников, содержащихся в бумагах Бэкона, Актах Тайного совета, Календарях государственных бумаг, а также фактического материала из работ некоторых англоязычных авторов позволит выяснить степень участия мирового судьи в отношении ополчений графства Норфолк в различные годы указанного выше периода. Это, в свою очередь, позволит в последующем при разработке проблемы участия мировых судей в деятельности по формированию ополчений в других регионах английского королевства провести сравнительный анализ и сделать определенный вывод по данной проблеме относительно более крупных регионов или же территории всего английского королевства в данный период.

Военный аспект занимал немаловажное место в политике правительства Елизаветы I Тюдор и Якова I Стюарта, о чем свидетельствуют документы в Календарях государственных бумаг, Актах Тайного совета и других материалах государственного происхождения (CSPD, 1865, 1867, 1894; APC, 1896, 1897, 1897a, 1900). Вступившая в 1558 г. на престол Елизавета I Тюдор, чью легитимность в качестве королевы, как известно, не признавали католические страны, не могла править спокойно, не имея соответствующих вооруженных сил. Правда, первые годы ее правления не были отмечены активными военными преобразованиями. В основном они начались с 1573 г. Очевидно, королева осознала реальную угрозу для себя после событий Варфоломеевской ночи 1572 г. во Франции. Именно после этого активизировались усилия ее Кабинета в области военного дела. Разразившаяся затем война с Испанией на морях и события, связанные с «Великой Армадой» в 1588 г., требовали от королевы и ее верховных сановников неослабного внимания к военным вопросам. В этой связи, видимо, неслучайно за годы ее правления в стране было издано 78 трактатов по различным аспектам военного дела [Schwoeger, 1974, p. 8].

Как показал в своей монографии Л. Бойнтон, отсутствие постоянной армии английские монархи компенсировали за счет формирования на местах воинских команд (training bands) из числа горожан и крестьян, командирами которых в основном были представители дворянства. Финансировались такие ополчения графств за счет денежных сборов с местного населения. Вопросами их формирования и боевой готовности занимались лорды-лейтенанты графств и их помощники. Тем не менее, правительство постоянно подключало к этой работе и мировых судей. Их всегда включали в состав так называемых комиссий по проведению смотров ополчений графств (musters) (CSPD, 1856, p. 231, 257, 658; 1865, p. 473, 665; 1894, p. 152). Обычно практиковались две категории таких смотров. Первая – всеобщие смотры, т. е. смотры всех воинских отрядов графства, которые проводились с элементами военных учений. В принципе это не было чем-то совершенно новым. А вот вторая категория, введенная с 1573 г., – специальные смотры, или особые смотры, проводимые в церковных приходах и сотнях графств, стали их новым видом. По сути дела, это были уже конкретные смотры отдельных воинских команд, набранных из местного населения. По данным Л. Бойнтон, в период с 1558 по 1588 г. всеобщие смотры устраивались в среднем раз в три года. Однако во время военной опасности для королевства их проводили один-два раза в год, а иногда и чаще. Общее руководство ими по всей стране осуществлялось Тайным советом. На места рассылались соответствующие распоряжения о необходимости проведения таких смотров в тот или иной срок. Обязанность по их проведению возлагалась на лордов-лейтенантов и их помощников, шерифов графств, констеблей сотен и мировых судей (CSPD, 1856, p. 488; 1865, p. 473.; APC, 1896, p. 8, 13, 14, 17, 37, 45, 51, 59, 103, 105, 348; 1897, p. 12, 387–388, 394; 1897a, p. 19, 22, 31, 45, 65, 205).

Как правило, смотры ополчений проводились в течение двух дней с интервалом в несколько дней, поэтому их называли «первый смотр» и «второй смотр». На «первом смотре» происходила инспекция самих ополченцев, их оружия, лошадей и амуниции, а представителями власти высказывались замечания о выявленных недостатках. Затем ополченцам предоставлялось некоторое время для их устранения. После этого устраивался «второй смотр». При этом командиры воинских команд и местные власти стремились унифицировать вооружение и экипировку ополченцев.

Такой порядок их проведения, сложившийся в эпоху Тюдоров, в целом сохранился и в период правления первых Стюартов. Центральная власть не оговаривала четко сроки смотров, а лишь предписывала проводить их в период «между севом и жатвой», т. е. с учетом интересов крестьян и фермеров [Boynnton, 1967, p. 20].

На примере графства Норфолк можно проследить ряд важных аспектов процесса формирования ополчений и участия в нем мирового судьи Натаниэля Бэкона благодаря его записям за период 1580–1620 гг. Эти источники были опубликованы в 1936 г. Ф. Р. Бруксом, и в них имеются материалы о воинских командах ополчения в графстве Норфолк (Bacon's Papers.

Supplementary, 1936). Данный нарративный источник содержит различные документы о формировании воинских команд в сотнях графства, их оснащении вооружением, амуницией, боеприпасами, лошадьми и т. д. в конце правления Елизаветы I Тюдор и в период правления Якова I Стюарта. К сожалению, сведения имеются не по всем годам, а также не по всей территории графства.

При первом монархе из новой династии с 1608 г. возобновились относительно регулярные смотры воинских команд, которые до этого не практиковались в Норфолке с 1591 г. За 1608 г. в бумагах Бэкона сохранились списки вооружений ополченцев из нескольких десятков селений пяти сотен графства. Они свидетельствуют о том, что в этих сотнях, из 32 тогда существовавших в Норфолке, удалось собрать далеко не в полной мере запланированное количество стволов огнестрельного и единиц холодного оружия, а также амуниции и боеприпасов. Всё это мировой судья тщательно зафиксировал на бумаге и, очевидно, затем отправил эти сведения в Лондон, в Тайный совет. Правда, в этот документ были внесены данные только по девяти церковным приходам (Wacon' Papers. Supplementary, 1936, p. 26–27).

В последующие годы мировой судья продолжал регистрировать все полученные им из разных источников сведения о проведенных смотрах воинских команд в сотнях своего графства, их вооружении и т. п. Судя по ним, устраивались смотры не регулярно. Бэкон приводит достаточно подробные данные о каждом таком смотре. Так, если на смотре в 1608 г. в сотне Бразеркросс (Brothercross) была зафиксирована всего 41 единица вооружения, из которых 25 были огнестрельным оружием, то на смотре в 1619 г. в сотне Норт Гренхо (North Greenhoe) общее количество вооружения составило 132 единицы, из которых огнестрельного оказалось 81 (Ibid., p. 25–26). В абсолютных цифрах как будто произошел рост общего числа единиц имеющегося оружия, в том числе и огнестрельного, но в процентном отношении увеличение количества стволов огнестрельного вооружения в этой сотне было небольшим по сравнению с сотней Бразеркросс, и составил порядка 5 %. Столь незначительный прирост произошел, очевидно, за счет экстенсивного фактора, т. е. просто большего количества селений в этой сотне, поставлявших вооружение для ополченцев.

Помимо этого вооружения в данной сотне имелись также 3,5 фунта пороха, 300 запальных фитилей, 13 каменных 9-фунтовых ядер, семь повозок. Имелось еще какое-то вооружение, хранившееся у одного бывшего констебля, за что ему следовало выплачивать вознаграждение в размере 1 ф. ст. 4 п. (Ibid., p. 25). Получается, что в целом доля единиц огнестрельного оружия в этой сотне графства составляла тогда чуть более 60 % от общего количества вооружения.

Отметим, что расклад поставок общего количества вооружений 15 селениями этой сотни в 1619 г. варьировал в пределах от 1 до 15 единиц. А поставка ими огнестрельного вооружения – в пределах от 1 до 13 стволов, что довольно существенно. Основную долю вооружения дали четыре селения этой сотни, а именно 62 единицы оружия из 132, т. е. почти 47 %. Показательно, что селение Стиффки (Stiffkey), где проживал сам мировой судья Н. Бэкон, дало в два раза меньше стволов огнестрельного оружия (всего 4 ствола. – В. М.), чем основные селения-поставщики.

Правительство Якова I Стюарта интересовал вопрос об обученных военному делу ополченцах, поскольку считалось, что они должны были владеть не только холодным оружием, но и огнестрельным, а это требовало тщательной подготовки. Бэкон держал под контролем и этот вопрос. В его бумагах имеется один из списков обученных воинских команд одной из сотен Мирсолл Хаулт (Mersoll Hoult) графства. Он составлен в результате проведения там очередного военного смотра и был включен в так называемый «сертификат смотра», т. е. своего рода подробный отчет о нем, который затем был отправлен в Лондон. В этом списке перечисляются 28 церковных приходов, которые в целом обеспечили этих обученных ополченцев 44 мушкетами, 32 ружьями и 51 латами. Однако не все приходы поставили эти виды вооружения, а 20 единиц вооружения вообще недопоставили, поэтому Бэкон сделал важную приписку о том, что необходимы еще мечи, шлемы, подставки для ружей, кинжалы, эфесы

для мечей (Bacon' Papers. Supplementary, 1936, p. 28). Очевидно, он понимал, что сотня имеет возможности для приобретения недостающего вооружения, ибо там существовало 126 фермерских хозяйств, располагавших сотнями акров земли, да еще 694 мелких крестьянских домохозяйств (Ibid., p. 6).

Весьма показательно, что сам мировой судья накануне проведения каждого смотра ополчений тщательно продумывал все детали и оговаривал их во время своих встреч с лордом-лейтенантом графства и его помощниками. В ходе таких встреч обсуждались и «щекотливые вопросы», как, например, о кандидатурах на должность кураторов смотров (Master of musters) и размерах оплаты их службы. Он также советовался с ними в отношении сроков проведения смотров ополчений. Так, например, в 1609 г. он предлагал провести их в конце октября накануне Дня всех святых (Hallowmas) (Ibid., p. 27). Предлагая именно это время, мировой судья, очевидно, исходил из того, что к концу октября все основные сельскохозяйственные работы уже закончены и отлучение крестьян и фермеров на смотры, на несколько дней, не отразится негативно на их хозяйствах.

Судя по бумагам, Бэкон часто получал от Тайного совета депеши о необходимости проведения смотров ополчений, в которых ему давались, как правило, подробные инструкции на этот счет. Как член комиссии по проведению смотров ополчений он должен был неукоснительно следовать им. Например, в сентябре 1614 г. он получил такого рода письмо из Лондона. В нем отмечалось, что воинские команды ополченцев должны быть «хорошо вооружены и оснащены, чтобы было достаточно всадников и пехотинцев» (Ibid., p. 30). Тайные советники напоминали (видимо, это было клише в подобных письмах. – *В. М.*), что во время смотра следует тщательно проверить всё оружие на предмет выявления каких-либо дефектов. При этом они извещали, что о количестве требуемого обмундирования и денежного обложения населения на военные нужды сообщат ему позднее. В письме особо подчеркивалось, что «в этом деле должно принять участие и духовенство графства». Напомнили они и о том, что следует проверить наличие в графстве запасов пороха, запальных фитилей и ядер, а также сигнальных огней (Ibid.).

Очередной смотр провели в октябре 1615 г., хотя в бумагах Бэкона имеется запись, датированная 28 июля 1615 г., о процедуре его проведения, которую он согласовал с помощником лорда-лейтенанта. В ней отмечены перемещения капитанов воинских команд, и определены дни проведения смотра. Это значит, что к данному смотру подготовка началась еще летом и длилась порядка двух месяцев.

В бумагах также имеется сертификат смотра ополчения еще в одной из сотен Норт Гренхо (North Greenhoe) графства, представленный мировому судье капитаном ополчения неким эсквайром Кристофером Калторпом и куратором смотра «мистером» Хаверсом. В нем указаны 15 селений данной сотни с раскладом поставки каждого из них лат, количества стволов мушкетов и легких ружей. Из них наибольшее количество вооружений выставили три селения: Хиндерингэм (Hynderingeham) – 15, Уолсингем Парва (Walsingham Parva) – 14, Уэлз (Wells) – 13, что составило в целом 42 единицы из общего количества 114 единиц вооружения. Причем огнестрельного вооружения они предоставили почти половину от общего количества. В то же время одно из селений сотни, а именно Игмер (Egmer), представило всего 1 единицу и даже не оружия, а амуниции – латы. Селение Стиффки (Stiffkey), место проживания мирового судьи, дало 7 стволов. Остальные селения предоставили от 4 до 8 единиц вооружения. Кроме того, в данной сотне было «собрано» 25 «зерен» пороха и 300 запальных фитилей, две сотни фунтов ядер, а также более полусотни лопат и заступов. Сообщалось также и о местах хранения этих боеприпасов и инструмента (Ibid.). Таким образом, команда ополченцев этой сотни была обеспечена неплохим запасом вооружения и боеприпасов.

Одной из важных обязанностей Бэкона как мирового судьи был сбор денежных средств на нужды ополчения. В бумагах содержатся сведения об этом для закупки вооружения ополченцам графства, а также и на другие военные нужды. В частности сохранились данные о денежных суммах по сотне Бразеркросс (Brothercross), которые были собраны на эти цели

за период с 1596 по 1601 г. Они свидетельствуют о том, что два основных города графства Кингс Линн и Ярмут собрали средства и выставили по одному кораблю для экспедиции в Кадис в 1596 г., а также собрали на это морское предприятие 11 ф. ст. (Bacon' Papers. Supplementary, 1936, p. 31), что совсем не много.

Среди цифровых данных о денежных сборах для отправки солдат в Ирландию и на проведение военных смотров в сотне отмечены еще и выплаты на закупку продовольствия для королевского двора. Такие сборы денежных средств проводились ежегодно в период с 1597 по 1599 г. и составили 17 ф. ст. 11 ш. 8 п. в 1597 г., 16 ф. ст. в 1598 г., 10 ф. ст. 10 ш. в 1599 г. (Ibid.). Кроме того, немалая часть собранных денежных средств была предназначена на военные цели за пределами графства с конкретным указанием, сколько солдат для войск в Ирландии выставляет сотня. Причем это количество варьировало по годам: от 1 солдата в 1599 и в 1600 гг. до 8 солдат в 1597 г. и соответственно 3–4 в 1598 и в 1599 гг. Жители сотни финансировали поставки в Ирландию в 1598 г. какого-то количества голов легких лошадей, а в 1599 г. произвели закупку пороха и фитилей на 14 ф. ст. 14 ш. Более 5 ф. ст. 2 ш. было затрачено на оплату куратору смотра в 1600 г. В итоге всего за пять лет было выплачено на военные нужды 168 ф. ст. 12 ш. 6 п. да еще более 43 ф. ст. на закупку продовольствия для королевского двора, что также представляло немалую сумму. Отмечены и другие денежные сборы за тот же период (например, на работный дом – 3 ф. ст. 13 ш. 4 п.) (Ibid.).

Таким образом, часть денег на военные предприятия также собиралась на местах, и мировым судьей был напрямую к этому причастен.

В бумагах Бэкона имеется письмо от Тайного совета к лорду-лейтенанту графства, датированное июлем 1616 г., в котором ему предлагается провести смотр оружия и выявить имеющиеся дефекты, а также определить, насколько обучены воинские команды графства, проводились ли учения с ними по обращению с оружием. Как и в других случаях, цель состояла в том, чтобы графство было достаточно обеспечено вооружением и боеприпасами. Всё это, однако, возлагалось на мирового судью: ему следовало исполнить и сообщить об этом в Лондон до октября того же года (Ibid., p. 30). Видимо, смотры ополчений, по замыслу лондонского Кабинета, должны были стать в Норфолке ежегодными.

Выполняя эти указания, Бэкон стремился располагать подробной информацией от капитанов воинских команд о состоянии вооружения ополченцев, вплоть до сведений о проведенном ремонте различного вооружения. Но, пожалуй, для него более трудной была задача по сбору денег на приобретение вооружения для ополченцев. Например, ему подчас непонятно было, как собирать на эти цели деньги с небольших маноров и как облагать духовенство, горожан, если они имеют земли в сельской местности? Ведь в таком случае как землевладельцы они должны были уже поставлять лошадей для ополчения, но они отказывались это делать. Возникали и другие трудности на этой почве, поэтому мировому судье, наверняка, приходилось проводить большую работу с людьми, убеждать их выполнять свои обязанности по выплате денежных средств на военные нужды. В этой части, пожалуй, наиболее «больным» вопросом для Бэкона как члена комиссии по проведению смотра ополчений графства был вопрос о сборе денежных средств с англиканского духовенства, ибо последние неохотно раскошеливались на приобретение вооружения. Поскольку духовенство было далеко не бедной частью населения графства, то оно облагалось более значительными денежными суммами, которые предназначались именно для закупки огнестрельного оружия. Бэкону при поддержке лордов-лейтенантов графства всё-таки удавалось убеждать представителей англиканского духовенства выделять определенные средства на эти цели. Так, в 1608 г. высшее духовенство Норфолка, г. Нориджа и других городов предоставило по одной легкой лошади с амуницией. А всё англиканское духовенство графства тогда предоставило ополченцам 27 мушкетов, 75 легких ружей, 27 лат и 27 карабинов (petronels). Декан и глава Нориджского собора лично дал двое лат, два легких ружья, а шесть пребендариев – латы каждый (Ibid., p. 26). Духовенство четырех церковных приходов одной из сотен (Brothercross) поставило 2 пики и 2 мушкета (Ibid.). Видимо, это были неплохие показатели поставок во-

оружения представителями англиканского клира. Но когда дело доходило до аналогичных финансовых сборов с других социальных слоев: крестьян, джентри, горожан, то и те вели себя не лучшим образом, крайне неохотно выделяя требуемые денежные средства на нужды ополчений.

В контексте многих других гражданских обязанностей, по всей видимости, смотры воинских команд графства были для Бэкона самыми хлопотными мероприятиями, к которым он имел отношение в силу занимаемой им должности. На этой почве случалось множество коллизий, которые приходилось решать. В его письмах, набросках писем и отчетов с мест от помощников лордов-лейтенантов графства и констеблей сотен имеются подробные сведения о составе воинских команд с именами их командиров и обеспеченности их различным вооружением и боеприпасами. Очевидно, через его руки проходили все так называемые «сертификаты» воинских команд сотен графства с перечислением личного состава, вооружения и т. д., поэтому он располагал на этот счет подробными сведениями. В то же время он явно избегал брать на себя ответственность в решении сложных вопросов. Так, например, после «порохового заговора» в 1605 г. он не взял на себя смелость определить место хранения запасов пороха в графстве, а оставил это ответственное решение для согласования с лордом-лейтенантом графства. Бэкон тщательно обдумывал и записывал для себя все подобные непростые вопросы, которые готовил для обсуждения с высшим начальством. Так, однажды он набросал на бумаге около десятка подобных вопросов (Bacon' Papers. Supplementary, 1936, p. 25). Несомненно, Бэкон относился к делам, связанным с военным делом, очень ответственно: подробно фиксировал на бумаге все полученные им с мест сведения о количестве ополченцев, их командирах и видах вооружения, имевшихся у них, и т. п. Однако исполнительная дисциплина должностных лиц на местах в сотнях и церковных приходах графства была не на должном уровне, и ему зачастую не удавалось получать требуемые сведения в полном объеме. Например, в 1616 г. так и не удалось собрать все необходимые сведения о воинских командах. Из 32 сотен графства были получены сведения лишь по 14-ти. И опять-таки он отметил, что местное духовенство уклоняется от денежных выплат на закупку вооружений, а также не признает полномочия куратора смотря ополчений (Ibid., p. 32). Тем не менее, полученные мировым судьей данные представляют определенный интерес. В частности, в них указаны имена капитанов воинских команд, из которых лишь четверо дворяне, на это указывает титул «sir» перед их именем. Подробно расписано имеющееся вооружение в каждой из этих сотен. Правда, общее количество ополченцев в сотнях указано лишь в двух случаях: в сотнях Таншед (Tunshead) – 170 чел. и Лаундитч (Launditch) – 150 чел. Почему-то не оказалось сведений о численности ополченцев по другим 12 сотням. Только по пяти сотням есть данные о количестве необученных ополченцев (69 чел.). Всё это можно считать следствием недостаточной работы местных констеблей сотен и других должностных лиц.

Всё же в тот год ополченцы были неплохо обеспечены огнестрельным оружием. Только мушкетов имелось 740 и 230 легких карабинов! Значительным был и общий запас пороха – 2 224 фунта, запальных фитилей 1 082 фунта и 1 404 фунта пуль (Ibid., p. 33). Важно, что все указанные сотни предоставили именно огнестрельное оружие, хотя и разное количество стволов. Но, тем не менее, примерно половина всех ополченцев этих 14 сотен была обеспечена огнестрельным оружием. Кстати, такой расклад вооружений и боеприпасов по сотням графства косвенно свидетельствует об относительной материальной обеспеченности их жителей на тот момент. Так, например, одна из воинских команд была сформирована на базе двух сотен графства, жители которых предоставили для них 80 копий, 80 мушкетов и 40 легких карабинов, т. е. только 120 единиц огнестрельного оружия из общего количества 200 единиц различного вооружения. Кроме того, в дополнение к этим сведениям Бэкону сообщалось о том, что имеется еще восемь конных отрядов во главе с капитанами (Ibid.).

В бумагах содержатся и некоторые другие данные, датированные также 1616 г., о вооружении для ополченцев других сотен графства. Кроме того, у Бэкона были на руках сертифи-

каты смотров ополчений, список дат и мест проведения военных смотров. Из них видно, что они проводились в период с 26 сентября по 5 октября 1616 г., указаны также имена комиссаров по их проведению и имена капитанов воинских команд. Все они проводились около г. Норича (Bacon' Papers. Supplementary, 1936, p. 32).

Интересно, что в одной из записей от 30 июля 1616 г. говорится о том, что лорд-лейтенант Арунделл переслал ему копии инструкций Тайного совета о проведении смотра ополчения, да еще с рекомендацией исправить недостатки, особенно нехватку лошадей (Ibid.). Фактически он переложил всю черновую работу по подготовке военного смотра на мирового судью. Кроме того, Бэкон, очевидно, участвовал в собраниях помощников лорда-лейтенанта графства, где обсуждались основные вопросы организации и проведения смотров ополченцев, суммы обложения населения на приобретение вооружений, рассматривались всевозможные жалобы и т. п., определялся список командиров, а также рассматривался список лиц, уклоняющихся от участия в ополчении. Причем уклонистов могло быть «большое количество», среди которых были даже капитаны воинских команд (Ibid., p. 34).

Проведенный анализ источников свидетельствует о том, что мировой судья графства Норфолк Натаниэль Бэкон занимался прежде всего сбором денежных средств с разных категорий населения на нужды ополчения, а также на формирование войск для отправки в Ирландию в 1590-е гг.

Кроме этой сложной и хлопотливой обязанности он фиксировал наличие вооружения у ополченцев и отправлял сведения об этом в Тайный совет. Также он регистрировал проведение смотров, наличие вооружения, амуниции и боеприпасов у ополченцев. Он же держал под личным контролем степень обученности ополченцев военному делу, участвовал в составлении сертификатов военных смотров. Бэкон постоянно держал связь с капитанами воинских команд на предмет вооружения ополченцев и т. п. Он также принимал участие в собраниях помощников лордов-лейтенантов, на которых обсуждались текущие вопросы военных смотров, вооружение ополченцев и др. Наконец, мировой судья контактировал с лордами-лейтенантами графства по вопросам назначения кого-либо куратором смотров и платы за этот вид службы, а также входил в состав членов комиссий по проведению военных смотров. В свете его обширной переписки с Тайным советом представляется, что он был одним из главных должностных лиц в графстве, подробно информировавшим этот правительственный орган о состоянии местных воинских команд, и играл ключевую роль в формировании и вооружении ополчений графства.

Фактически мировой судья был постоянно в курсе всех дел относительно состояния ополчений в сотнях своего графства. Его многочисленные бумаги, касающиеся ополчений графства, свидетельствуют о неформальном отношении Бэкона к этим делам. Более того, он вникал практически во все нюансы. Можно сказать, что в значительной степени именно от деятельности на этом поприще мирового судьи зависело обеспечение воинских команд ополчений огнестрельным вооружением, а значит, и их боеспособность.

Проводили ли мировые судьи иных графств Англии подобную работу в отношении ополчений? Если да, то центральная власть могла быть уверена в надежности тылов в случае вооруженных конфликтов со своими противниками на континенте и в Ирландии. Однако в полной мере ответ на этот вопрос может быть получен лишь после изучения аналогичных источников по другим графствам королевства.

Список литературы

- Бельцер А. А. «Слуги для всех дел»: Корона и мировые судьи в тюдоровской Англии: Учеб. пособие к спецкурсу. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2007. 136 с.
- Дмитриева О. В. В поисках надежного мирового судьи: чистки местной администрации в елизаветинской Англии // Средние века. 1995. Вып. 58. С. 48–68.

- Митрофанов В. П.** Из истории военных ополчений графств Англии начала XVII в. (по материалам мирового судьи Н. Бекона) // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 523–527.
- Митрофанов В. П.** Некоторые аспекты непроектной сферы жизни английских крестьян (вторая половина XVI – первая половина XVII вв.) // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2014. № 10 (33). URL: <https://history.jes.su/s207987840000896-4-1> (дата обращения 02.08.2021).
- Митрофанов В. П.** Английские войска в Нидерландах (1585–1587 гг.): модель поведения по военному уставу графа Лестера // Семеновские чтения: Тр. XI Всерос. науч. конф. с международным участием памяти профессора В. Ф. Семенова (Москва, 24 марта 2018 г.). М., 2019. С. 251–259.
- Федосов Д. Г.** «Военная революция» XVI–XVII веков // Всемирная история: В 6 т. М., 2013. Т. 3: Мир в раннее Новое время. С. 62–66.
- Beard C. A.** Office of Justice of Peace in England in its Origin and Development. New York, Columbia Uni. Press, 1904, 184 p.
- Boynnton L.** The Elizabethan Militia, 1558–1638. Toronto, Toronto Press, 1967, 334 p.
- Cruikshank G. C.** Elizabeth's Army. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1966, 316 p.
- Dalton M.** The Country Justice: Containing the Practice, Duty and Power of the Justices of the Peace, as well in as out of their Sessions. London: Savoy, 1746. 654 p. URL: <https://archive.org/details/countryjusticeco00dalt/page/494/mode/2up> (дата обращения 20.11.2021).
- Eirenarcha: or of the Office of the Iustices of Peace in two Bookes: Gathered 1579 and now Reused, and Firste Published, in the 24 Yeare of the Peaceable Reigne of our Gracious Queene Elizabeth: by William Lambard of Lincolnes Inne Gent. 1582. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo2/A05017.0001.001?view=toc> (дата обращения 20.11.2021).
- Gleason J.** The Justice of Peace in England. 1558–1640. Oxford, Clarendon Press, 1969, 285 p.
- Lawrence D. R.** Reappraising the Elizabethan and Early Stuart Soldier: Recent Historiography on Early Modern English Military Culture. *History Compass*, 2011, no. 9/1, pp. 16–33.
- Rapple R.** Martial Power and Elizabethan Political Culture. Military Men in England, 1558–1594. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2009, 332 p.
- Sainty J. C.** Lieutenants of Counties, 1585–1642. London, Athlone Press, Uni. of London, 1970, 46 p.
- Scannell P.** The Development of British Military Professionalism through Early-Modern European Warfare (c. 1572–1637) Viewed through Soldiers' Published Literature. PhD Thesis. The Open University, 2013. URL: <http://oro.open.ac.uk/54696/1/594386.pdf> (дата обращения 20.11.2021).
- Schwoerer L. G.** “No Standing Armies!”. The Antiarmy Ideology in Seventeenth-Century England. Baltimore, John Hopkins Uni. Press, 1974, 210 p.
- Smith A. H.** County and Court: Government and Politics in Norfolk. 1558–1603. Oxford, Clarendon Press, 1974, 396 p.
- Werham R. B.** Before the Armada: The Emergence of English Nation, 1485–1588. New York, Harcourt, Brace and World, 1966, 447 p.
- Werham R. B.** The Return of the Armadas: The Last Years of the Elizabeth on War against Spain, 1595–1603. Oxford, Clarendon Press, 1994, 452 p.

Список источников

- Bacon' Papers. Supplementary – Bacon' Papers. Supplementary Stiffkey Papers // Royal Historical Society. Camden Society. Third series. London, Office of society, 1936, vol. LII: Supplementary Stiffkey Papers, 128 p.

- CSPD – Calendar of State Papers. Domestic Series. Eds. M. A. Everett Green et al. London, H. M. Stat. office, 1856, vol. 1547–1580, 799 p.; 1865, vol. 1581–1590, 826 p.; 1867, vol. 1591–1594, 699 p.; 1894, vol. 1595–1597, 687 p.
- APC – Great Britain. Privy Council. Acts of The Privy Council of England. Eds. J. R. Dasent et al. London, H. M. Stat. off., 1896, vol. 12 (1580–81), 418 p.; 1897a, vol. 15 (1587–88), 484 p.; 1897b, vol. 16 (1588), 477 p.; 1900, vol. 20 (1590–91), 409 p.

References

- Beard C. A.** Office of Justice of Peace in England in its Origin and Development. New York, Columbia Uni. Press, 1904, 184 p.
- Beltser A. A.** “Slugi dlya vsekh del”: Korona i mirovye sud’i v tyudorovskoi Anglii [“Servants for All Cases”: The Crown and Justices of the Peace in Tudor England: Textbook Manual for a Special Course]. Samara, Samara State Pedagogical Uni. Press, 2007, 136 p. (in Russ.)
- Boynton L.** The Elizabethan Militia, 1558–1638. Toronto, Toronto Press, 1967, 334 p.
- Cruikshank G. C.** Elizabeth’s Army. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1966, 316 p.
- Dalton M.** The Country Justice: Containing the Practice, Duty and Power of the Justices of the Peace, as well in as out of their Sessions. London, Savoy, 1746, 654 p. URL: <https://archive.org/details/countryjusticeco00dalt/page/494/mode/2up> (accessed: 20.11.2021).
- Dmitrieva O. V.** V poiskakh nadezhnogo mirovogo sud’i: chistki mestnoi administratsii v elizavetskoi Anglii [In Search of a Reliable Justice of the Peace: Purges of Local Administration in Elizabethan England]. *Srednie veka [Middle Ages]*, 1995, iss. 58, pp. 48–68. (in Russ.)
- Eirenarcha: or of the Office of the Iustices of Peace in two Bookes: Gathered 1579 and now Reused, and Firste Published, in the 24 Yeare of the Peaceable Reigne of our Gracious Queene Elizabeth: by William Lambard of Lincolnes Inne Gent. 1582. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A05017.0001.001?view=toc> (accessed: 20.11.2021).
- Fedosov D. G.** “Voennaya revolyutsiya” XVI–XVII vekov [“Military Revolution” of the 16th – 17th Centuries]. In: *Vsemirnaya istoriya [World History]*. In 6 vols. Moscow, 2013, vol. 3: *Mir v rannee Novoe vremya [The world in Early Modern Times]*, pp. 62–66. (in Russ.)
- Gleason J.** The Justice of Peace in England. 1558–1640. Oxford, Clarendon Press, 1969, 285 p.
- Lawrence D. R.** Reappraising the Elizabethan and Early Stuart Soldier: Recent Historiography on Early Modern English Military Culture. *History Compass*, 2011, no. 9/1, pp. 16–33.
- Mitrofanov V. P.** Iz istorii voennykh opolchenii grafstv Anglii nachala XVII v. (po materialam mirovogo sud’i N. Bekona) [From the History of the Military Militias of the Counties of England at the Beginning of the 17th Century (Based on the Materials of the Justice of Peace N. Bacon)]. *Izvestiya PGPU imeni V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki [Izvestiya of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. Humanitarian Sciences]*, 2011, no. 23, pp. 523–527. (in Russ.)
- Mitrofanov V. P.** Nekotorye aspekty neproizvodstvennoi sfery zhizni angliiskikh krest’yan (vtoraya polovina XVI – pervaya polovina XVII vv.) [Some Aspects of the Non-Productive Sphere of Life of English Peasants (2nd Half of the 16th – 1st Half of the 17th Centuries)]. *Istoriya: Elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal [History: Electronic Scientific and Educational Journal]*, 2014, no. 10 (33). (in Russ.) URL: <https://history.jes.su/s207987840000896-4-1> (accessed: 02.08.2021).
- Mitrofanov V. P.** Angliiskie voiska v Niderlandakh (1585–1587 gg.): model’ povedeniya po voennomu ustavu grafa Lestera [British Troops in the Netherlands (1585–1587): A Model of Behavior According to the Military Regulations of the Earl of Leicester]. In: *Semyonovskie chteniya: Trudy XI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem pamyati professora V. F. Semyonova (Moskva, 24 marta 2018 g.) [Semyonov Readings: Proceedings of the XI All-Russian Scientific Conference with International Participation in Memory of Professor V. F. Semyonov (Moscow, March 24, 2018)]*. Moscow, 2019, pp. 251–259. (in Russ.)

- Rapple R.** Martial Power and Elizabethan Political Culture. Military Men in England, 1558–1594. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2009, 332 p.
- Sainty J. C.** Lieutenants of Counties, 1585–1642. London, Athlone Press, Uni. of London, 1970, 46 p.
- Scannell P.** The Development of British Military Professionalism through Early-Modern European Warfare (c. 1572–1637) Viewed through Soldiers' Published Literature. PhD Thesis. The Open University, 2013. URL: <http://oro.open.ac.uk/54696/1/594386.pdf> (accessed: 20.11.2021).
- Schwoerer L. G.** "No Standing Armies!". The Antiarmy Ideology in Seventeenth-Century England. Baltimore, John Hopkins Uni. Press, 1974, 210 p.
- Smith A. H.** County and Court: Government and Politics in Norfolk. 1558–1603. Oxford, Clarendon Press, 1974, 396 p.
- Werham R. B.** Before the Armada: The Emergence of English Nation, 1485–1588. New York, Harcourt, Brace and World, 1966, 447 p.
- Werham R. B.** The Return of the Armadas: The Last Years of the Elizabeth on War against Spain, 1595–1603. Oxford, Clarendon Press, 1994, 452 p.

List of Sources

- Bacon' Papers. Supplementary – Bacon' Papers. Supplementary Stiffkey Papers // Royal Historical Society. Camden Society. Third series. London, Office of society, 1936, vol. LII: Supplementary Stiffkey Papers, 128 p.
- CSPD – Calendar of State Papers. Domestic Series. Eds. M. A. Everett Green et al. London, H. M. Stat. office, 1856, vol. 1547–1580. 799 p.; 1865, vol. 1581–1590, 826 p.; 1867, vol. 1591–1594, 699 p.; 1894, vol. 1595–1597, 687 p.
- APC – Great Britain. Privy Council. Acts of The Privy Council of England. Eds. J. R. Dasent et al. London, H. M. Stat. off., 1896, vol. 12 (1580–81), 418 p.; 1897a, vol. 15 (1587–88), 484 p.; 1897b, vol. 16 (1588), 477 p.; 1900, vol. 20 (1590–91), 409 p.

Информация об авторе

Владимир Петрович Митрофанов, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57222092708
WoS Researcher ID Y-1069-2018

Information about the Author

Vladimir P. Mitrofanov, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57222092708
WoS Researcher ID Y-1069-2018

*Статья поступила в редакцию 02.08.2021;
одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 28.11.2021
The article was submitted 02.08.2021;
approved after reviewing 10.10.2021; accepted for publication 28.11.2021*

Научная статья

УДК 94(420).083; 94(44).083

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-21-33

Микрокосм французских представлений о США: американский визит маршала Ф. Фоша в 1921 году

Искандэр Эдуардович Магадеев

Московский государственный институт (университет) международных отношений
Москва, Россия

iskander2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6521-2202>

Аннотация

Впервые в отечественной историографии исследуется немаловажное событие во франко-американских отношениях после окончания Первой мировой войны – визит в США, предпринятый в октябре – декабре 1921 г. маршалом Ф. Фошем. Значение визита усиливалось ввиду его совпадения с кануном и начальной стадией Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Автор приходит к выводу о том, что американское турне Фоша осветило различные грани франко-американских отношений. С одной стороны, атмосфера поездки и внимание, уделенное ей в США, свидетельствовали о том, что память о союзном взаимодействии времен войны была жива и вносила позитивный вклад в образ Франции. Однако, с другой стороны, восторженное отношение к Фошу не конвертировалось в политические дивиденды для французской дипломатии на Вашингтонской конференции.

Ключевые слова

Франция, США, Фош, Вашингтонская конференция, международные отношения

Для цитирования

Магадеев И. Э. Микрокосм французских представлений о США: американский визит маршала Ф. Фоша в 1921 году // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 21–33. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-33

Microcosm of the French Images of the USA: American Visit of the Marshal F. Foch in 1921

Iskander E. Magadeev

Moscow State Institute (University) of International Relations
Moscow, Russian Federation

iskander2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6521-2202>

Abstract

The article analyses an important event in the Franco-American relations of the post-WWI period, namely, the visit to the USA paid by Marshal F. Foch in October – December 1921. This is the first research on this topic in Russian historiography. The author explores the American voyage of Foch through several interconnected problems: 1) what was the French elites' image of the USA; 2) how did this image influence the Paris diplomacy; 3) what efforts did the French make to ameliorate the image of the Third Republic in the USA? The parallel preparation and the beginning of the Washington conference of 1921–1922 amplified the importance of the visit. The centenary of the conference stimulates interest in its under-researched aspects. Author concludes that Foch's American voyage throws the light on the different areas of the relations between France and the USA. On the one hand, the cordial atmosphere of the visit and

© Магадеев И. Э., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 21–33

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 21–33

its resonance testified the vivacity of the memory about the Franco-US allied cooperation during the WWI and its positive impact on the French image. On the other hand, the warm reception of Foch in the USA did not serve to benefit the French diplomacy during the Washington conference.

Keywords

France, USA, Foch, Washington conference, international relations

For citation

Magadeev I. E. Microcosm of the French Images of the USA: American Visit of the Marshal F. Foch in 1921. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 21–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-21-33

Тему франко-американских отношений в 1920-е гг. сложно отнести к числу досконально разработанных в историографии. Как правило, взаимодействие Парижа и Вашингтона в первое десятилетие после Первой мировой войны рассматривалось в общих трудах по мировой политике в межвоенный период [Системная история..., 2009, с. 159–160, 173–177; Girault, Frank, 2004, р. 249–255, 266–269] или в исследованиях франко-американских отношений, имевших широкие хронологические рамки [Blumenthal, 1986, р. 100–147]. Детализация анализа оставалась небольшой. В центре внимания находились наиболее значимые проблемы: военные долги Франции перед США [Artaud, 1998], отношение Соединенных Штатов к проблеме французской безопасности [Leffler, 1979], «пакт Бриана – Келлога» 1928 г. о запрете войны как инструмента государственной политики [Манькин, 1980; Cohrs, 2006, р. 448–476].

Цель данной статьи – выявить роль культурно-идеологических факторов во франко-американских отношениях в начале 1920-х гг., определить влияние «образа Другого» на политическое взаимодействие двух стран на важном изломе их развития – накануне и на начальном этапе Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. по ограничению военно-морских вооружений и по иным международно-политическим вопросам. Автор стремится дать ответы на следующие вопросы: каким был образ США, существовавший во французских военных и политических элитах; насколько французские представления о США коррелировали с реальным взаимодействием французской и американской дипломатий на Вашингтонской конференции; были ли эффективными попытки представителей Третьей Республики улучшить образ собственной страны в восприятии американских элит и общества; на какие компоненты этого образа Париж делал упор в своей дипломатической и пропагандистской деятельности?

Исследовательская проблематика статьи находится на стыке «истории международных отношений» и «культурной истории» – двух историографических направлений, которые нередко существуют порознь. Использование наработок каждого из них позволит полнее раскрыть многообразие реального исторического процесса. Новизна исследования, помимо введения в научный оборот ранее неизвестных источников, заключается в реконструкции культурно-идеологического измерения во взаимодействии Франции и США на Вашингтонской конференции. Это взаимодействие не сводилось к дискуссиям по дипломатическим и стратегическим вопросам, наиболее изученным в историографии, а имело «задний фон» в виде представлений друг о друге, сформировавшихся на протяжении истории, а также находившихся под влиянием недавнего прошлого – союзных отношений времен Первой мировой войны.

Для достижения указанной цели автор опирается на анализ малоизученного эпизода во взаимодействии Парижа и Вашингтона. Речь идет о визите французского военачальника, председателя Союзного военного совета в Версале и бывшего главнокомандующего силами Антанты на Западном фронте, маршала Ф. Фоша в Соединенные Штаты в октябре – декабре 1921 г. Отчет о поездке за авторством давнего помощника Фоша, майора французской армии Ж. де Мьерри, отложившийся в Национальном архиве Франции, составил основу источников-

вой базы исследования¹. Ранее данный документ не был введен в научный оборот. На страницах отчета Мьерри рассмотрение глубинных тенденций франко-американского взаимодействия сочеталось с апелляцией к ходовым культурно-идеологическим образам и стереотипам. Это обстоятельство корреспондирует с исследовательской проблематикой статьи.

Для включения отчета Мьерри в общий контекст франко-американских отношений автор привлек опубликованные французские, американские, британские и советские дипломатические документы, материалы прессы, дневник начальника Генштаба французской армии генерала Э. Бюа. Данная статья призвана дополнить выводы монографии, посвященной анализу «культурной дипломатии» Франции в США в 1920-е гг., которая принадлежит перу канадского историка Р. Янга [Young, 2004].

Понятие «микроскосма», использованное в заглавии, призвано в сжатой форме суммировать методiku исследования: соотнесение общих, макроисторических, тенденций во франко-американском взаимодействии по итогам Первой мировой войны и локального, но важного эпизода из «микроистории» отношений двух стран – американского визита Фоша. Исходя из данного подхода, автор сначала кратко рассматривает взаимодействие представителей Франции и США на Вашингтонской конференции, затем характеризует малоизвестные события визита Фоша, неизбежно прибегая к историческому нарративу, а затем, опираясь на отчет Мьерри, выявляет роль культурно-идеологических стереотипов во франко-американских отношениях начала 1920-х гг.

Вашингтонская конференция, рассматривавшаяся в Париже как дипломатическая неудача, способствовала ухудшению представлений о США во Франции и о Франции в США. Нежелание французских властей идти на сокращение своих сухопутных и части военно-морских сил укрепило в Вашингтоне образ «милитаристской Франции».

Негативные симптомы существовали и раньше. Об этом французскую сторону предупреждал бывший командующий американскими экспедиционными силами в Европе генерал Дж. Першинг, сохранивший достаточно добрую память о взаимодействии с Фошем (хотя это взаимодействие не было бесконфликтным). 23 сентября 1921 г. во время беседы с Ж.-М. Казенавом, директором французских служб в Нью-Йорке, Першинг подчеркивал, что лично он понимает особое отношение Франции к проблеме разоружения: Париж ссылаясь на «германскую угрозу» и не хотел сокращать сухопутные вооружения, не получив англо-американских гарантий безопасности. Однако «основная часть американского народа не осознает этого, считая, что Германия разоружена. Поскольку Франция не разоружается, считают, что она настроена милитаристски» (DDF, 2005, p. 536). Аналогичные сведения поступали в Париж и от американских финансистов (Ibid., p. 706). 23 ноября главный военно-морской эксперт Франции на Вашингтонской конференции, адмирал Ф. де Бон, предупреждал Париж о закреплении в американском обществе «неверного ощущения, что благополучие народов зависит от сокращения военно-морских вооружений». Он опасался влияния подобного настроения на ход конференции. Последняя могла привести к тому, что французский флот окажется «в приниженном положении» (Ibid., p. 613).

Адмирал во многом оказался прав. В личном послании от 16 декабря 1921 г., адресованном председателю Совета министров и министру иностранных дел Франции А. Бриану, государственный секретарь США Ч. Хьюз подчеркивал: «В настоящее время, когда мы стремимся помочь Франции в полном восстановлении ее экономической жизни, информация о том, что она намеревается потратить сотни миллионов на строительство линкоров, будет воспринята с крайним разочарованием» (FRUS, 1938, p. 132).

В элите Третьей Республики по итогам конференции, в свою очередь, укрепилось представление о «сговоре» англосаксонских держав. В преддверии международного форума посол Франции в США Ж. Жюссеран предполагал, что американские власти предложат столь

¹ Voyage de Foch aux États-Unis et au Canada. Relation détaillée, s.d. In: Archives Nationales de la France, Papiers Foch, 414 Archives privées 5. (Далее – Voyage de Foch.)

масштабное сокращение военно-морских флотов, что Великобритания и Япония откажутся на него пойти (DDF, 2005, p. 461). Однако реальный ход конференции оказался иным.

23 ноября де Бон информировал Париж о продолжении «секретных переговоров между США, Великобританией и Японией с целью выработать соглашение по военно-морским вооружениям» (Ibid., p. 612). 20 декабря министр колоний А. Сарро, ставший главой французской делегации после отъезда Бриана и бывшего председателя Совета министров Франции Р. Вивиани, определенно писал о неблагоприятном развитии конференции. В Вашингтоне «под английским, как представляется, влиянием сложилось враждебное нашим требованиям объединение [государств]» (МАЕ. Conférence, 1923, p. 75). Через два дня Сарро еще более определенно сообщал о том, что давление Хьюза на Францию – часть англо-американской договоренности по сокращению флотов США, Великобритании и Японии (DDF, 2005, p. 770–771).

Эта точка зрения через прессу транслировалась и в более широкие общественные круги. Политический обозреватель популярной французской газеты «Журналь» 18 декабря полагал, что «блок великих военно-морских держав» стремился «устрашить» более слабые на морях страны (Saint-Brice, 1921, p. 1). Эту статью заметили в посольстве Великобритании во Франции, рассматривая ее как один из характерных примеров французского недовольства ходом конференции (BDFa, 1991, p. 73).

Вписанный в данный исторический контекст, американский визит Фоша позволит яснее представить себе состояние французских представлений о США накануне достаточно серьезного охлаждения отношений двух стран. Воссоздание событийной канвы поездки маршала создаст основу для аналитических выводов в завершающей части статьи.

До 1914 г. поездки французских политических и военных лидеров в Соединенные Штаты – страну, по-настоящему заявившую о себе в глобальной политике в годы Первой мировой войны и вышедшую из конфликта «без единой видимой царапины и значительно более могучей, чем прежде» [Туз, 2017, с. 25], – были относительной редкостью. Визит за океан Бриана, возглавившего французскую делегацию на Вашингтонской конференции, был первым в его жизни. Более того, этот политик стал «первым председателем Совета министров [Франции], который посетил США» (DDF, 2005, p. 536).

Столкнувшись с напористой американской позицией на самой конференции, Бриан был неприятно удивлен растущей уверенностью Соединенных Штатов в собственных силах. По воспоминаниям французского дипломата Ж. Лароша, Бриан опасался оказаться «зжатым между двумя колоссами – Россией и Соединенными Штатами» и пришел к выводу о необходимости «создавать Соединенные Штаты Европы, по крайней мере – в экономической сфере» (Laroche, 1957, p. 101).

Поездка за океан в 1921 г. оказалась первой и в жизни Фоша. Официальной его целью было участие в ежегодном конгрессе консервативной организации ветеранов Первой мировой войны – Американского легиона, почетными командующими которого являлись Першинг и Фош². Связи между Францией и Легионом были достаточно прочными. Учредительный съезд этой американской организации состоялся в Париже 15–17 марта 1919 г. В августе 1921 г. по приглашению президента Третьей Республики А. Мильерана Франция посетила внушительная делегация Легиона (ок. 250 чел.), представители которой встретились с Фошем в его родном городке Тарб на юге страны (The American Legion, 2018, p. 48).

Приглашение посетить США, сделанное Фошу от лица Американского легиона 6 апреля 1921 г., не было чем-то необычным. Однако дополнительное значение ему придавала поддержка визита со стороны правительства США. Американские власти были готовы отправить во Францию специальный корабль, на котором Фош мог совершить плавание через Атлантику (NYT, 1921. April 7, p. 1). Пресса США следила за судьбой приглашения, выражая беспокойство по поводу отсутствия немедленного ответа французского маршала (NYT, 1921,

² Voyage de Foch, p. 1.

April 9, p. 9). 22 апреля стало известно, что Фош «выразил живой интерес в том, чтобы встретиться с бывшими сослуживцами» (Mercedes-Sun Star, 1921, April 23, p. 2). В середине октября в прессе появились слухи о том, что из-за расстройства пищеварения и состояния здоровья (2 октября маршалу исполнилось 70 лет) Фош мог отменить запланированную поездку, однако они были оперативно опровергнуты сотрудниками его штаба (The Washington Herald, 1921, October 15, p. 1).

Официальный Париж рассчитывал на то, что поездка маршала улучшит образ Франции в американском общественном мнении и создаст благоприятный фон для действий французской дипломатии в Вашингтоне. Во время беседы с Казенавом 23 сентября Першинг рекомендовал организовать кампанию по разъяснению позиции Парижа, элементом которой стало бы «заявление Фоша» (DDF, 2005, p. 313). Помимо прочего, американский вояж Фоша должен был стать определенным ответом на сентябрьский визит Першинга во Францию. Официальной целью последнего было возложение специальной медали Конгресса на могилу Неизвестного солдата во Франции и перенос праха одного из американских военнослужащих в США (Ibid., p. 312).

Отбыв из Гавра 22 октября на крупнейшем на тот момент французском лайнере «Париж», который лишь недавно (с 15 июня) стал курсировать по трансатлантическому маршруту, Фош прибыл в Нью-Йорк через 6 дней³. Через Вашингтон, где он встретился с президентом У. Гардингом и рядом других официальных лиц, маршал отправился в Канзас-Сити (штат Миссури) для реализации официальной цели своего визита – участия в конгрессе Американского легиона (31 октября – 1 ноября). Мероприятие произвело на Мьерри позитивное впечатление своей массовостью («от 15 до 18 тыс. человек долго и бурно приветствовали маршала») и организованностью. Эти обстоятельства, с точки зрения Мьерри, «свидетельствовали о жизнеспособности Американского легиона и о силе чувств, которые память о войне вызывает у населения»⁴. Конгресс Легиона и открытие мемориала Свободы в Канзас-Сити стали «беспрецедентной встречей» пяти видных военачальников стран Антанты времен Первой мировой войны: Фоша, Першинга, британского адмирала Д. Битти, итальянского генерала А. Диаса и бельгийского генерала Ж. А. М. Жака [Paul, 2006, p. 142]. Визит Битти в США, проходивший параллельно с поездкой французского маршала, стал символическим отражением англо-французской дипломатической конкуренции в борьбе за американское общественное мнение.

2 ноября Фош продолжил путь в западном направлении, посетив военно-штабной колледж американской армии в Форт-Ливенворт (штат Канзас). Однако вскоре маршал, путешествовавший по США в специальном поезде, предоставленном Американским легионом, повернул на восток, подстраиваясь, по всей видимости, под приезд в Нью-Йорк французской делегации во главе с Брианом (прибыла 8 ноября) (DDF, 2005, p. 536).

Во время подготовки к Вашингтонской конференции генеральный секретарь МИД Франции Ф. Бертелло подчеркивал, что «присутствие маршала Фоша в Соединенных Штатах во время конференции позволит узнать его точку зрения по вопросам разоружения» (DDF, 2005, p. 403). Однако составители «Французских дипломатических документов» не обнаружили в архивах никаких следов подобных консультаций (Ibid., p. 403). По всей видимости, Бриан решил не рисковать. Фош, известный своей строптивостью по Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., когда он вступил в противоречие с председателем Совета министров Франции Ж. Клемансо, мог оказаться весьма неудобным помощником. Во время американского турне Фош вновь критиковал Клемансо. Последний, с точки зрения маршала, не обеспечил достаточных гарантий безопасности Франции по итогам войны, прежде всего – границы по Рейну [Greenhalgh, 2011, p. 508]. Военный министр Франции Л. Барту, как свидетельствовала дневниковая запись Бюа от 7 октября, возражал против участия Фоша в Ва-

³ Voyage de Foch, p. 1.

⁴ Ibid., p. 6.

шингтонской конференции, считая, что маршал своим присутствием дезорганизует работу французской делегации (Journal, 2015, p. 1081).

В итоге французская дипломатия позиционировала Бриана и Фоша как глав двух отдельных делегаций (Annual Report, 1922, p. 400). Если председатель Совета министров Франции сосредоточил свою активность в Вашингтоне, то маршал должен был создать нужный информационный фон в американской прессе и глубинке. Еще 11 октября, обсуждая будущую поездку Фоша, Бриан просил маршала обязательно посетить «Запад и Юг страны, куда известные гости никогда не едут. Это обеспечит нам отличную пропаганду» (Journal, 2015, p. 1083). Не исключено, однако, что Бриан тем самым хотел отдалить Фоша от Вашингтона, не допустив даже косвенного его участия в конференции.

В целях создания позитивного образа своей страны Фош нередко апеллировал к опыту взаимодействия Франции и США, призванному послужить ориентиром для будущего. Лейтмотивом выступлений маршала стало не только напоминание о союзных отношениях Франции и США в годы войны, но и призыв к сотрудничеству двух стран в деле поддержания мира. Подобный настрой, звучавший из уст прославленного военачальника, должен был укрепить представление о миролюбии Франции (NYT, 1921, October 21, p. 14). Характерным примером была речь, произнесенная маршалом 4 ноября в Индианаполисе (штат Индиана), которую оратор, не говоривший по-английски и общавшийся через переводчика, завершил следующим пассажем: «Никто не хочет войны. Каждый сегодня хочет мира. Мы победили в войне, теперь наша задача состоит в поддержании мира, и если мы хотим найти формулу для этого, то она аналогична той, что принесла успех в войне. Союз ради мира, прочного мира...» (Marshal Foch Day, 1922, p. 88).

Фош хотел поспособствовать укреплению франко-американских отношений, не только апеллируя к общности целей послевоенной стабилизации, но и намекая на наличие общих противников. В телеграмме в Москву от 3 ноября поверенный в делах РСФСР в Польше Л. Л. Оболенский, основываясь на французской информации, переданной в редакции польских газет, полагал, что «Фош ведет в Америке кампанию за интервенцию, именно теперь, против Советской России» (ДВП, 1960, с. 476). Позиция непризнания и отказ от официальных контактов с большевиками роднили Париж и Вашингтон. Однако о серьезной разработке планов прямой интервенции речи не шло. В сентябре 1921 г. российский дипломат-эмигрант В. А. Маклаков был ближе к истине, считая, что речь идет о попытке Парижа сблизиться с Вашингтоном в политическом отношении («Совершенно лично и доверительно!», 2001, с. 15).

Приняв 11 ноября участие в торжественной церемонии захоронения праха Неизвестного солдата на Арлингтонском национальном кладбище в пригороде Вашингтона, Фош через несколько дней покинул столицу (Journal, 2015, p. 1109–1111). Предприняв турне по ряду городов Восточного побережья США (19 ноября он был в Кембридже (штат Массачусетс), 23 ноября – в Ричмонде (штат Виргиния)), Фош вновь устремился на запад, двинувшись, однако, более северным маршрутом, чем ранее, во время поездки в Канзас-Сити.

27 ноября Фош был в г. Бисмарке (штат Северная Дакота), 1 декабря – в Портленде (штат Орегон) на Тихоокеанском побережье США. Затем маршрут маршала повернул на юг (4 декабря он находился в Лос-Анджелесе) и обратно на восток (Los Angeles Herald, 1921, December 5, p. 1). Проехав через Хьюстон (штат Техас) и Новый Орлеан (штат Луизиана), 9 декабря Фош был уже на противоположной оконечности США, в г. Монро (штат Северная Каролина). Через день он выступил в Военной академии в Вест-Пойнте (штат Нью-Йорк), заставив главу этого учреждения, генерала Д. Макартур, принимавшего участие в войне на Западном фронте, эмоционально вспомнить о былых сражениях. В недатированном письме, отправленном своей невесте, Макартур писал о чувствах, нахлынувших на него, как только Фош вышел из вагона: «...я почувствовал, как схватило мое сердце, и задрожала кровь в венах. Казалось, что я вновь чувствую дым и кровь моей славной “Радуги” (неофициальное название 42-й пехотной дивизии, которой командовал Макартур. – И. М.)» [Carroll, 2005,

р. 348]. Это свидетельство подтверждало, что апелляция к опыту взаимодействия Франции и США в годы войны была одним из эффективных компонентов информационно-пропагандистской кампании Фоша.

15 декабря маршал отплыл из Нью-Йорка во Францию, получив от всплакнувшего американского ветерана Р. Ванамейкера, председателя городского комитета по приему почетных гостей, свой последний подарок во время визита – звездно-полосатый флаг США. Фош произнес прочувствованную речь, отметив: «Хотя я возвращаюсь во Францию, дабы встретить Рождество вместе со своей семьей, мое сердце остается в Соединенных Штатах» (Times Independent, 1921, December 22, p. 2).

Размах турне Фоша, учитывая к тому же его возраст, впечатляет: маршал «проехал около 40 тысяч миль и остановился не менее чем в 60 городах» [Paul, 2006, p. 143]. При этом, встретив Фоша в Вашингтоне 16 ноября, Бюа констатировал, что тот был «очень весел и находился в отличной форме» (Journal, 2015, p. 1116).

Современники и биографы Фоша оценивали его американское турне преимущественно позитивно. 20 ноября Бюа записал в дневнике, что поездка маршала «сделала больше, чем что-либо другое для создания атмосферы симпатии к Франции, в которой мы так нуждаемся» (Journal, 2015, p. 1121). Американский историк М. Найберг писал о визите как о «великом достижении Фоша» [Neiberg, 2003, p. 109], австралийская исследовательница Э. Гринхолл характеризовала его как «триумфальный», хотя и делала немаловажную оговорку: «поскольку США ушли из Европы», отказавшись ратифицировать Версальский мирный договор, «память о войне была похоронена» [Greenhalgh, 2011, p. 513].

Эту мысль стоит уточнить. Уход Соединенных Штатов из Европы в это время не был полным (американские воинские подразделения продолжали участвовать в оккупации левого берега Рейна, и французская дипломатия стремилась сохранить их присутствие) (DDF, 2005, p. 22), а тема союзничества в годы Первой мировой войны нередко была ключевым компонентом не только речей Фоша, но и дискурса правительства Третьей Республики. Бриан и Мильеран, поздравляя США в лице Гардинга и Хьюза с Днем независимости 4 июля 1921 г., протягивали историческую нить от союзных франко-американских отношений времен Войны за независимость США до 1917–1918 гг. (Ibid., p. 10–11) Американские и французские современники легко накладывали образ маркиза М. Ж. Лафайета на образ Фоша, притом что сам французский маршал подыгрывал этой аналогии, посещая памятные места в США, связанные с Лафайетом (NYT, 1921, November 13, p. 2).

С позитивными оценками итогов визита Фоша, которые давали исследователи, можно согласиться, если исходить из целей локального порядка. Почетные степени, присужденные многочисленными университетами (Гарвард, Йель и др.), подарки и награды, чьи вариации простирались от сабель до живой рыси, увезенной во Францию, щедро лились на гостя (NYT, 1921, December 14, p. 3). «Королевский прием» (Indianapolis Times, 1921, November 4, p. 1), «величайший военачальник века» (Morning Oregonian, 1921, December 2, p. 16) – подобными фразами пестрели газеты. Внимание американской прессы к визиту, действительно, было огромным, и с трудом можно вспомнить на протяжении XX в. другого французского военачальника, удостоившегося такого приема в США. Дело не только в том, что в 1921 г. Франция была окружена ореолом могущественной военной державы-победительницы, но и в том, что Соединенные Штаты не были столь уверены в себе, как в последующие периоды истории.

Вместе с тем если говорить о политическом эффекте, то визит Фоша, как свидетельствовал ход Вашингтонской конференции, не мог кардинально изменить настроения американских властей. 23 ноября де Бон сообщал в Париж: «За очень редкими исключениями прием, оказанный нам американцами, очень сердечный. Ясно, однако, что эта теплота не означает положительной реакции на наши требования во время переговоров» (DDF, 2005, p. 613).

Рассмотрев публичную сторону турне Фоша, будет уместным сопоставить ее с теми суждениями, которые были зафиксированы в отчете Мьерри и не были предназначены для печат-

ти. В документе выделяются три смысловых блока, каждый из которых зафиксировал важный компонент в восприятии США, говоривший о роли культурно-идеологических аспектов во франко-американских отношениях.

Первый из смысловых блоков – восприятие текущего состояния дел внутри США и их положения на международной арене. Мьерри рисовал образ огромной по территории, могущественной и многонаселенной страны. Он писал о «110 миллионах энергичных, страстных жителей, в распоряжении которых находятся бесчисленные ресурсы континента. К тому же у них нет соседей, которых стоило бы бояться». Участие США в Первой мировой войне, поддержанное «единодушно всей страной, от Атлантики до Тихого океана», рассматривалось им как «настоящий крестовый поход ради свободы». Последний стал возможен в результате того, что «народ, считающий свободу идеалом, почувствовал, что эта свобода находится под угрозой и будет потеряна, если союзники проиграют войну»⁵. Эти оценки Мьерри фиксировали восприятие французскими военными возросшей мощи США по итогам Первой мировой войны.

Второй смысловой блок отчета – перспективы развития США. Оценки Мьерри в этом отношении не были столь однозначны. С одной стороны, у него присутствовало ощущение, что американская мощь будет расти дальше. Он прогнозировал увеличение численности населения США до 200–300 млн чел., прогресс в развитии производительных сил и в освоении территории. Как следствие, американский народ «может уверенно смотреть в будущее». Однако, с другой стороны, Мьерри обращал повышенное внимание на социально-политическую и географическую разнородность США. Констатировав «различие рас», населявших страну, французский офицер считал, что в настоящее время единство Соединенных Штатов «не находится под угрозой». Среди ключевых факторов, способствовавших этому, он выделил разумное конституционное устройство, бурное экономическое развитие и «возможность для каждого достичь благополучия своим трудом»⁶.

Вместе с тем Мьерри не был уверен, что это положение дел останется неизменным. Он выделил два ключевых обстоятельства, которые могли привести к дезинтеграции США. Первое из них – возможный отказ Вашингтона от «мирной политики» и переход к более активной военно-политической экспансии. Такого сценария Мьерри не исключал: «Американский народ имеет вкус к военному делу, а недавняя война оставила после себя такое количество обученных солдат и военной техники, которых не существовало раньше». Второе обстоятельство – рост численности населения, что могло усугубить «расовый вопрос», а также привести к росту сепаратизма штатов: «Интересы регионов на востоке, западе и на юге, столь различающихся по своей природе, рынкам сбыта и составу населения, не столкнутся ли они настолько, что их союз перестанет быть необходимым?». Общий вывод Мьерри всё же состоял в том, что «Соединенные Штаты являются одним из ключевых факторов мировой экономики» и распространяют свое «моральное влияние», которое «мы не можем игнорировать»⁷. В указанных оценках Мьерри получило отражение то многообразие факторов, которое учитывалась французскими военными при оценке потенциала США: от природно-географических условий до степени социального и национального единства.

Наконец, третий смысловой блок отчета – франко-американские отношения. Мьерри исходил из того, что их нынешнее состояние благоприятно для Франции, которая «занимает в Америке привилегированное положение». Речь шла о различных компонентах позитивного образа Франции: роль французской поддержки в период Войны за независимость США (этой поддержке, по его словам, уделялось внимание на 20 из 50 страниц учебника по истории для американских начальных школ, а имя Лафайета «прославляет каждый гражданин»), союзные отношения времен Первой мировой войны и связанная с ними общая память («именно под французским командованием американцы сражались, и на земле Франции многие из них по-

⁵ Voyage de Foch, p. 10–11.

⁶ Ibid., p. 1, 5, 11.

⁷ Ibid., p. 5, 11–12.

легли»). Все эти факторы Париж мог использовать для того, чтобы вовлечь США в европейскую политику, а также в восстановление «баланса сил в мире», который рассматривался французскими властями под антигерманским углом зрения⁸.

Особое внимание Мьерри уделит средствам французского воздействия на США. Исходя из опыта американского участия в Первой мировой войне, а также тезиса о том, что американское правительство – это «правительство мнений», он полагал, что Франция должна активнее воздействовать на американскую общественность и доносить до нее позицию Парижа. В качестве инструментов влияния Мьерри предлагал использовать французских священников, сотрудничество по линии университетов и различных гражданских ассоциаций (в многочисленных ассоциациях он видел проявление «молодости, страсти и реализма», а также «исключительной витальности» американского народа), активизацию межличностных и профессиональных контактов (особо упоминались офицеры, инженеры и бизнесмены). Подытоживая свой доклад, Мьерри с оптимизмом смотрел в будущее: традиции франко-американской дружбы являются «крайне могущественной силой», которую Париж может использовать для достижения своих целей⁹.

Насколько выводы Мьерри соответствовали взглядам Фоша? Однозначный ответ на данный вопрос дать сложно, однако можно предположить, что тезисы данного документа как минимум не находились в явном противоречии с концепциями маршала. Мьерри был давним помощником Фоша, а подобное взаимодействие людей с диаметрально противоположными взглядами (особенно – военнослужащих) представляется затруднительным. Судьба Мьерри институционально была связана с Фошем с марта 1915 г., когда этот офицер (в звании капитана) был прикомандирован к штабу Северной группы армий, которой тогда командовал Фош¹⁰.

Та общая рамка представлений о США, которую дал в своем отчете Мьерри, гармонировала с суждениями Фоша. Она соответствовала представлениям о США как о новой могущественной державе, обладавшей серьезным потенциалом для дальнейшего роста. В речи, произнесенной в Детройте 7 ноября, Фош апеллировал к образу США как страны колонистов в прошлом и лидирующей промышленной державы современности (*Detroit News*, 1921, November 11, p. 2). Особое внимание к фактору численности населения, которое проявил Мьерри, корреспондировало с идеями Фоша. Более многочисленное, чем во Франции, население Германии служило объектом опасений маршала уже вскоре после завершения Первой мировой войны (*MAE. Documents*, 1924, p. 10–11). Фош, как и его помощник, вынес из бесед с американскими политиками ощущение, что США становятся всё более уверенными в собственных силах, а ход Вашингтонской конференции подтвердил это обстоятельство (*DDF*, 2005, p. 592).

Более сложный вопрос: насколько Фош разделял расистские предупреждения, которые получили отражение в отчете Мьерри? Последний с опасением писал об увеличении афроамериканского населения США, воспроизводил ходовые стереотипы об афроамериканцах (более низкое интеллектуальное развитие и т. п.) и даже критиковал слишком «либеральную» политику американских властей. Еще более радикальными были идеи Мьерри в отношении индейцев: «В случае если эта раса исчезнет в США, не стоит сожалеть»¹¹.

Подобные суждения находились в очевидном противоречии с той обходительностью, которую Фош проявил во время встречи в г. Бисмарке 27 ноября с представителями индейцев сиу, или с его отношением к чернокожим американским солдатам на Западном фронте в 1917–1918 гг., а также во время визита в Индианаполис 4 ноября 1921 г., где играл оркестр, состоявший из афроамериканцев (*Indianapolis Times*, 1921, November 4, p. 2). Речь могла идти

⁸ Voyage de Foch, p. 12–13.

⁹ Ibid., p. 3, 12, 14.

¹⁰ État des services du capitaine de Mierry, 26 août 1919. In: Archives Nationales de la France, Légion d'honneur 19800035/652/75109.

¹¹ Voyage de Foch, p. 6.

лишь о вежливости, однако, как представляется, Фош действительно ценил вклад афроамериканских частей в победу в войне. Вместе с тем общий правоконсервативный настрой, получивший отражение в отчете Мьерри, отнюдь не противоречил убеждениям маршала. Фош, твердый католик, что провоцировало недоверие к нему ряда левых французских политиков, неоднократно посещал во время американского визита церковные службы; он почтил в Ричмонде память генерала Р. Э. Ли, командующего силами Юга в годы Гражданской войны в США, а также осудил во время посещения г. Централия (штат Вашингтон) членов левой профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира» за столкновения с членами Американского легиона, произошедшие 11 ноября 1919 г. (NYT, 1921, December 1, p. 15).

Таким образом, история американского турне Фоша, а также оценки визита, содержащиеся в отчете Мьерри, зафиксировали образ США, разделяемый в военном, а в многом и политическом руководстве Третьей Республики. Соединенные Штаты представляли молодым и динамично развивавшимся государством, которое обладало большим промышленным и демографическим потенциалом, а также стремилось к проведению более активной финансово-экономической политики в различных уголках земного шара. Официальный Париж надеялся заручиться поддержкой укреплявшейся заокеанской державы, но вместе с тем опасался совместного англо-американского давления на Францию по ряду вопросов, в том числе в сфере сокращения военно-морских вооружений. В этом смысле ход Вашингтонской конференции подтвердил ту часть оценок, зафиксированных Фошем и Мьерри, которые касались возрастающей мощи США. Однако надежды французских военных на то, что позитивный образ их страны поспособствует гармонии во взаимодействии Парижа и Вашингтона, а американская дипломатия благосклонно отнесется к французским интересам, в том числе по «германскому вопросу», не оправдались.

Визит Фоша за океан продемонстрировал стремление представителей Третьей Республики улучшить образ своей страны в США накануне и в ходе проведения Вашингтонской конференции. В рамках подобных мероприятий пропагандистско-информационного характера Фош, как и члены французского правительства, делал акцент на союзных отношениях Франции и Соединенных Штатов как в далеком прошлом, так и в ходе Первой мировой войны, на общих демократических ценностях и стремлении к миру. Усилия Фоша, с большой помпой принятого за океаном, принесли успехи локального характера, однако они не смогли улучшить положения делегации от Третьей Республики на Вашингтонской конференции. После ее проведения образ «милитаристской» Франции стал закрепляться в США, а представление об англо-американском «сговоре» – среди элит и общественности Третьей Республики.

Список литературы

- Манькин А. С.** Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США, 1923–1929. М.: Изд-во МГУ, 1980. 224 с.
- Системная история международных отношений: В 2 т. 2-е изд. М.: Культурная революция, 2009. Т. 1. 480 с.
- Туз А.** Всемирный потоп: Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Институт Гайдара, 2017. 640 с.
- Artaud D.** Reparations and War Debts: The Restoration of French Financial Power, 1919–1929. In: French Foreign and Defense Policy, 1918–1940: The Decline and Fall of a Great Power. London, 1998, pp. 89–106.
- Blumenthal H.** Illusion and Reality in Franco-American Diplomacy, 1914–1945. Baton Rouge, Louisiana Uni. Press, 1986, 358 p.
- Carroll A.** Behind the Lines: Revealing the Uncensored Letters from Our War-Torn World. London, Ebury Press, 2005, 450 p.
- Cohrs P. O.** The Unfinished Peace after World War I: America, Britain and Stabilization of Europe, 1919–1932. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2006, 693 p.

- Girault R., Frank R.** *Turbulente Europe et nouveaux mondes, 1914–1941.* Paris, Payot, 2004, 514 p.
- Greenhalgh E.** *Foch in Command: The Forging of a First World War General.* Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2011, 550 p.
- Leffler M. P.** *The Elusive Quest: America's Pursuit of European Stability and French Security, 1919–1933.* Chapel Hill, Uni. of North Carolina Press, 1979, 409 p.
- Neiberg M. S.** *Foch: Supreme Allied Commander in the Great War.* Washington, Potomac Books, 2003, 128 p.
- Paul R. E.** 'In Honor of Those Who Served'. *Kansas History*, 2006, vol. 29, no. 3, pp. 142–145.
- Young R. J.** *Marketing Marianne: French Propaganda in the United States of America, 1900–1940.* New Brunswick, Rutgers Uni. Press, 2004, 247 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- ДВП – Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 4. 836 с.
- «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков. Переписка. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. 672 с.
- Annual Report of the New York Police Department. New York, Martin Brown, 1922, 403 p.
- B DFA – British Documents on Foreign Affairs. Frederick, University Publications of America. Ser. C. 1991, pt. 2, vol. 9, 319 p.
- DDF – Documents diplomatiques français. 1921. Bruxelles, P. I. E. Lang, 2005, t. 2, 847 p.
- Detroit News, 1921, November 11.
- FRUS – Foreign Relations of the United States. 1922. Washington, GPO, 1938, vol. 1, 1042 p.
- Indianapolis Times, 1921, November 4.
- Journal du général Buat, 1914–1923. Paris, Perrin, 2015, 1481 p.
- Laroche J.** *Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré, 1913–1926.* Paris, Hachette, 1957, 230 p.
- Los Angeles Herald, 1921, December 5.
- MAE. Documents – Ministère des affaires étrangères. Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne. Paris, Imprimerie Nationale, 1924, 280 p.
- MAE. Conférence – Ministère des affaires étrangères. Conférence de Washington. Paris, Imprimerie Nationale, 1923, 208 p.
- Marshal Foch Day, November 4, 1921. Indianapolis, Indiana Historical Commission, 1922, 103 p.
- Mercedes-Sun Star, 1921, April 23.
- Morning Oregonian, 1921, December 2.
- NYT – The New York Times, 1921, April 7, 9; October 21; November 13; December 1, 14.
- Saint-Brice.** L'avenir naval de la France se joue à Washington. *Le Journal*, 18 décembre 1921, p. 1.
- The American Legion History of 1921. Wilsonville, American Legion, 2018, 191 p.
- The Washington Herald, 1921, October 15.
- Times Independent, December 22, 1921.

References

- Artaud D.** *Reparations and War Debts: The Restoration of French Financial Power, 1919–1929.* In: *French Foreign and Defense Policy, 1918–1940: The Decline and Fall of a Great Power.* London, 1998, pp. 89–106.
- Blumenthal H.** *Illusion and Reality in Franco-American Diplomacy, 1914–1945.* Baton Rouge, Louisiana Uni. Press, 1986, 358 p.
- Carroll A.** *Behind the Lines: Revealing the Uncensored Letters from Our War-Torn World.* London, Ebury Press, 2005, 450 p.
- Cohrs P. O.** *The Unfinished Peace after World War I: America, Britain and Stabilization of Europe, 1919–1932.* Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2006, 693 p.

- Girault R., Frank R.** Turbulente Europe et nouveaux mondes, 1914–1941. Paris, Payot, 2004, 514 p.
- Greenhalgh E.** Foch in Command: The Forging of a First World War General. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2011, 550 p.
- Leffler M. P.** The Elusive Quest: America's Pursuit of European Stability and French Security, 1919–1933. Chapel Hill, Uni. of North Carolina Press, 1979, 409 p.
- Manykin A. S.** Izolyatsionizm i formirovanie vneshnepoliticheskogo kursa SShA, 1923–1929 [Isolationism and Formation of the US Foreign Policy, 1923–1929]. Moscow, MSU Press, 1980, 224 p. (in Russ.)
- Neiberg M. S.** Foch: Supreme Allied Commander in the Great War. Washington, Potomac Books, 2003, 128 p.
- Paul R. E.** 'In Honor of Those Who Served'. *Kansas History*, 2006, vol. 29, no. 3, pp. 142–145.
- Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii [Systemic History of the International Relations]. In 2 vols. 2nd ed. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2009, vol. 1, 480 p. (in Russ.)
- Tooze A.** Vsemirnyi potop: Velikaya voina i pereustroistvo mirovogo poryadka, 1916–1931 gody [The Deluge: The Great War, America and the Remaking of the Global Order, 1916–1931]. Moscow, Institut Gaidara, 2017, 640 p. (in Russ.)
- Young R. J.** Marketing Marianne: French Propaganda in the United States of America, 1900–1940. New Brunswick, Rutgers Uni. Press, 2004, 247 p.

List of Sources

- Annual Report of the New York Police Department. New York, Martin Brown, 1922, 403 p.
- British Documents on Foreign Affairs. Frederick, University Publications of America. Ser. C. 1991, pt. 2, vol. 9, 319 p.
- Detroit News, 1921, November 11.
- Documents diplomatiques français. 1921. Bruxelles, P. I. E. Lang, 2005, t. 2, 847 p.
- Dokumenty vneshnei politiki SSSR [Documents on Soviet Foreign Policy]. Moscow, Gospolitizdat, 1960, vol. 4, 836 p. (in Russ.)
- Foreign Relations of the United States. 1922. Washington, GPO, 1938, vol. 1, 1042 p.
- Journal du général Buat, 1914–1923. Paris, Perrin, 2015, 1481 p.
- Indianapolis Times, 1921, November 4.
- Laroche J.** Au Quai d'Orsay avec Briand et Poincaré, 1913–1926. Paris, Hachette, 1957, 230 p.
- Los Angeles Herald, 1921, December 5.
- Marshal Foch Day, November 4, 1921. Indianapolis, Indiana Historical Commission, 1922, 103 p.
- Mercedes-Sun Star, 1921, April 23.
- Ministère des affaires étrangères. Conférence de Washington. Paris, Imprimerie Nationale, 1923, 208 p.
- Ministère des affaires étrangères. Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne. Paris, Imprimerie Nationale, 1924, 280 p.
- Morning Oregonian, 1921, December 2.
- Saint-Brice.** L'avenir naval de la France se joue à Washington. *Le Journal*, 18 décembre 1921, p. 1.
- “Sovershenno lichno i doveritel'no!?”: B. A. Bakhmetev – V. A. Maklakov. Perepiska [“Strictly Personal and Confidential!?”: B. A. Bakhmetev and V. A. Maklakov Correspondence]. Moscow, ROSSPEN, 2001, vol. 2, 672 p. (in Russ.)
- The American Legion History of 1921. Wilsonville, American Legion, 2018, 191 p.
- The New York Times, 1921, April 7, 9; October 21; November 13; December 1, 14.
- The Washington Herald, 1921, October 15.
- Times Independent, December 22, 1921.

Информация об авторе

Искандэр Эдуардович Магадеев, кандидат исторических наук
WoS Researcher ID M-4145-2014

Information about the Author

Iskander E. Magadeev, Candidate of Sciences (History)
WoS Researcher ID M-4145-2014

*Статья поступила в редакцию 14.09.2021;
одобрена после рецензирования 21.11.2021; принята к публикации 30.12.2021
The article was submitted 14.09.2021;
approved after reviewing 21.11.2021; accepted for publication 30.12.2021*

Научная статья

УДК 94(470)«16/17»

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-34-43

Исторические штудии противников церковной реформы в XVII – первой четверти XVIII века

Наталья Сергеевна Гурьянова

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Аннотация

Рассматривается проблема формирования у старообрядцев исторической схемы, с помощью которой они включали религиозно-общественное движение в универсальный поток христианской истории. Показано, что иноки Соловецкого монастыря воспроизвели предложенную книжниками Древней Руси схему включения истории страны в мировую, дополнив восприятием событий в эсхатологическом ключе. Анализ исторического повествования выговцев в первой четверти XVIII в. позволил сделать вывод о том, что старообрядцы усовершенствовали ее, провозгласив свою общину преемницей Соловецкого монастыря, утверждали мысль о переходе к общине функции сохранения истинной веры. Благодаря эсхатологическому восприятию действительности, характерному для старообрядцев, в их представлении существование общины являлось гарантией продолжения истории человечества.

Ключевые слова

Русская церковь, реформа, соловецкие иноки, старообрядцы, Выговское общежитие, историческое повествование, «Поморские ответы»

Для цитирования

Гурьянова Н. С. Исторические штудии противников церковной реформы в XVII – первой четверти XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 34–43. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-34-43

Historical Studies of the Opponents of Church Reform in the 17th – the 1st Quarter of the 18th Century

Natalia S. Gurianova

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Abstract

The article analyzes the problem of the formation of a historical scheme created by the Old Believers, to include the socio-religious movement in global Christian history. It shows that the monks of the Solovetsky Monastery reproduced the stratagem proposed by the scholars of Ancient Russia for incorporating of Russian history into the world

© Гурьянова Н. С., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 34–43

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 34–43

history, accompanying it with the perception of events from an eschatological perspective. At the same time, they put an accent on the events that, in their opinion, led to the crisis of the Russian society. The next generations of opponents of the ecclesiastical reforms tried to improve this scheme, adapted it due to the changing conditions. By the end of the 17th century, internal church opposition began to turn into a broad religious and social movement, which divided into two groups – accepting priests and not accepting (“bespopovcy”), and each of them – into independent communities. The process of improving the historical scheme proposed by the Solovetsky monks manifested itself especially clearly in the works written in the center of the Pomor association of the Vyg community. Based on the results of the analysis of the Vyg historical narrative the article concludes that the Old Believers considered Russia failed as a stronghold of the true faith due to the actions of the reformers. They assumed the defeat of the monks from Solovetsky monastery, who advocated the preservation of the traditions of the Russian Church, as sign of the coming of the kingdom of the Antichrist. In this situation, the proclamation of Vyg as the successor of the Solovetsky Monastery meant that the Vyg Old Believers community inherited the function of preserving the true faith. The eschatological perception of reality, typical for the Old Believers, determined their view, that only the existence of the community was a guarantee of the continuation of the history of mankind. Such interpretation of history gave the members of Vyg community confidence in their own significance and a sense of responsibility for the fate to the world.

Keywords

Russian Church, reform, solovki monks, Old Believers, Vyg community, historical narrative, “Pomor Answers”

For citation

Gurianova N. S. Historical Studies of the Opponents of Church Reform in the 17th – the 1st Quarter of the 18th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 34–43. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-34-43

Раскол в Русской церкви, произошедший в середине XVII в., был результатом духовного кризиса, поразившего общество в конце XVI столетия и усугубившегося временем Смуты. Реформа, начатая патриархом Никоном, обострила ситуацию в Церкви, появилась оппозиция, отрицавшая законность ее проведения. Противники церковной реформы, попытались найти неопровержимые доказательства несправедливости и неправомочности внесения изменений в обряд и богослужебную практику Русской церкви. С этой целью они обратились к древним греческим, русским рукописям и старопечатным книгам, в которых обнаружили большое количество фрагментов текстов, свидетельствующих о нарушении реформаторами традиций русского православия.

Не менее ценными аргументами защитники старого обряда сделали отсылки к событиям прошлого. Соловецкие иноки подготовили платформу для появления соответствующей исторической схемы, которая позволила следующим поколениям противников церковной реформы опираться на нее в поисках фактов и событий из прошлого, способных поддержать отстаиваемую ими точку зрения на новшества. Анализ процесса оформления схемы включения старообрядческого движения в универсальный поток христианской истории очень важен для изучения идеологии согласий, мировоззрения членов общин.

Инок-священник Сергей Шелонин, который во многом повлиял на настроения в монастыре и на аргументацию неприятия новшеств [Сапожникова, 2010], первым предложил вариант включения России в универсальный поток христианской истории. Разумеется, это делали и книжники Древней Руси, создавая свои исторические сочинения, но соловецкий иннок подготовил памятник письменности, явно преследуя цель найти аргументы в пользу отрицательного отношения к церковной реформе. Сергей Шелонин при изложении взгляда на историю человечества выбрал жанр Хронографа, сопроводив его дополнительными статьями¹. Автор кратко охарактеризовал мировую историю, представив ее как поток христианской истории. Он обозначил ключевые, по его мнению, события, определившие кризисное состояние современного общества, осветив их более подробно в дополнительных статьях. В Хронографе с дополнительными статьями Сергей явно стремился показать связь событий прошлого и современной действительности, пытаясь найти объяснение кризисному состоянию российского общества.

¹ Научную публикацию памятника см.: (Панченко, 2010, с. 392–512).

Этот труд Сергия Шелонина оказал в дальнейшем значительное влияние на исторические штудии иноков монастыря, что особенно ясно просматривается в творчестве другого инока-священника – Геронтия². Опираясь на предложенную Сергием историческую схему развития человечества для объяснения современных событий, он при описании ключевых фактов не только более подробно осветил их, но и усилил восприятие действительности в эсхатологическом ключе. В составленных им рукописных сборниках и написанных публицистических сочинениях апелляция к событиям прошлого использовалась в качестве аргументов, что придавало убедительности отстаиваемой точке зрения на результаты церковной реформы и на утверждение о якобы уже произошедшем воцарении в мире антихриста.

Соловецкие иноки воспроизвели предложенную книжниками Древней Руси схему включения страны в универсальную христианскую историю и заложили основы для становления в старообрядчестве типа соединения русской истории с мировой, который Н. В. Синицына обозначила как «пророческо-эсхатологический» [1998, с. 323]. При этом были обозначены события, которые, по их мнению, привели к современному состоянию общества в России. Следующие поколения противников церковной реформы продолжают разыскания новых исторических фактов, способных служить убедительными аргументами в пользу отстаиваемой точки зрения, а также попытаются усовершенствовать саму схему, приспособив ее к изменившимся условиям.

Внутрицерковная оппозиция к концу XVII столетия стала превращаться в широкое религиозно-общественное движение, которое разделилось на два направления – приемлющих попов и беспоповцев, а каждое из них – на самостоятельные согласия. Особенно быстро процесс оформления движения происходил после соборов 1666–1667 гг. и Соловецкого восстания 1667–1676 гг. Открытое противостояние монастыря с властью закончилось разгромом, но восстание сделало еще более привлекательными для населения идеи о защите старого обряда. Творчество соловецких иноков внесло существенный вклад в формирование идеологии движения³. Трактат о двуперстии Герасима Фирсова, сочинения Сергия Шелонина, пять челобитных Соловецкого монастыря и другие произведения публицистического, богословского содержания получили широкое распространение и оказали влияние на авторов следующих поколений старообрядцев.

Существенное значение в распространении идей неприятия церковной реформы, сформулированных в монастыре, которые привели к открытому противостоянию с властью, сыграли вышедшие из монастыря накануне восстания иноки. Это особенно заметно в Поморьи, поскольку они оказали влияние на организацию и становление в конце XVII – начале XVIII в. Выговского общежития, которое стало центром поморского согласия. В нем была создана старообрядческая литературная и художественная школы, выговцы сформулировали идейные основы для идеологии беспоповского направления. Открытие старообрядческой литературной школы принадлежит В. Г. Дружинину [1911]. Работы современных исследователей позволили получить более полное представление об этом уникальном явлении – старообрядческой литературной школе⁴.

Выговцы, оформляя идеологию согласия, большое внимание уделили историческому повествованию. Ими была усовершенствована историческая схема, которая позволила через Соловецкий монастырь представить историю согласия как продолжение истории России, которая ранее книжниками Древней Руси была включена в универсальный поток христианской истории⁵. Обращение к анализу исторических штудий выговцев позволит проследить процесс формирования исторической схемы, которая будет активно использоваться старообрядцами не только поморского согласия.

² О нем см.: [Бубнов, 2006; Каган, 1992; Чумичева, 1992].

³ О восстании см.: [Чумичева, 2009].

⁴ Об этом см.: [Юхименко, 2002].

⁵ Об этом см.: [Гурьянова, Крамми, 1994].

Первым сочинением с включенным значительным фрагментом исторического повествования было написанное в 1719 г. Андреем Денисовым «Слово надгробное Петру Прокопьеву». Кроме предписанного каноном этого жанра содержания, в этом тексте автор уделит большое внимание истории жизни своих родственников и показал их происхождение от рода князей Мышецких. Не менее значимым представляется включение автором информации об основании общежития, которая введена следующим образом: «Откуда же общежитие сие начало прият и како устроися, нужда нам вкратце объявити zde, да, скажуше о нем, еклисиарха тоя покажем...» (Денисов, 2008, с. 47). Право рассказать об истории киновии автор объяснил тем, что это позволит дополнить характеристику умершего Петра и показать его роль в организации Выгореции.

В объявлении новой темы он подчеркнул, что важно определить связь с прошлым, охарактеризовать происхождение общежития. Речь шла о необходимости разысканий с целью найти его идейные истоки. Далее Андрей Денисов поместил следующее заявление: «Ибо малая сия речка, или, кто како об нем помыслит, общежитие сие, глаголю, истиче от источника великаго, Соловецкия, глаголю, преподбных отец и мирских молитвенников Зосимы и Саватия обители, яко благословением, тако чином и уставом, образом сицевым» (Там же, с. 48). В данном случае провозглашена преемственность Выгореции от Соловецкого монастыря, а также дано пояснение, что речь идет не только об устройении обители по монастырскому варианту, но и о продолжении дела иноков монастыря, которые «не приимаху новых уставов Никона патриарха, древлесодержания же церковнаго нимало уступати дерзашу» (Там же).

Хронологической гранью, которой Андрей Денисов обозначил время начала поиска аргументов в пользу справедливости заявления о преемственности Выга от Соловецкого монастыря, назван период сопротивления монастыря новшествам, когда они отказались служить по новым книгам. Сообщив о том, что тогда в монастыре было много иноков, которые «просвещени и разумом Божественнаго Писания озарени», он отметил двух – Герасима Фирсова и черного дьякона Игнатия (Там же). В адрес первого была направлена прославляющая его характеристика: «...его же премудрость и разум каков бяше, является от списания его, еже писа о знаменовании креста на лицах своих...» (Там же). Краткость информации о Герасиме Фирсове вполне объясняется тем обстоятельством, что к этому времени текст его Трактата о двуперстии был широко распространен и стал основополагающим для авторов, защищающих право сохранить двуперстное крестное знамение.

Гораздо больше внимания Андрей Денисов уделит второму из названных соловецких иноков, предварив эту информацию восторженным отзывом о его достоинствах и способностях: «...второй же черный дьякон Игнатий, муж святолепен и подвижник великий, и Божественнаго Писания вельми читатель и внешняго наказания искусен» (Там же). После этого включен рассказ о юродивом Гурии, пребывающем в монастыре и «многая прорицания тогда предвещаше». Андрей Денисов пересказал сюжет о том, что Гурий якобы дал в 1652 г. Игнатию совет покинуть монастырь и предсказал разорение Соловецкого монастыря (Там же)⁶.

Рассказ о юродивом Гурии включен автором явно с целью объяснить для читателей, оправдав таким образом, выход иноков из монастыря накануне начала восстания. Далее описан вклад Игнатия в распространение в Поморье идей, пропагандируемых защитниками старого обряда, подчеркнута связь с основателями Выгореции и участие в ее организации. Отмечено, что не только он, но и другие соловецкие иноки способствовали появлению этого старообрядческого центра: «Бяшу же и инни отци: древлесоловецкий отец Геннадий, Качалов по роду именуемый, Иосиф Сухой Соловецкий же и ины отци и пустынножителю...» (Там же, с. 50).

⁶ Этот сюжет в более пространным виде повторен Иваном Филиповым с уточнением, что об этом предсказании Игнатий сам рассказал основателям киновии: «...и еже прорече ему [отцу Игнатию. – Н. Г.] отец Гурий, сие последи сам сказа настоятелям сего общежития Даниилу и Андрею...» (Филипов, 1862, с. 82).

После этого Андрей Денисов заключил: «И тако сие общежительство, якоже рехом, от Соловецкия обители проистекшее есть, чином же и благословением соловецких отец вкорененное...» (Денисов, 2008, с. 50). Еще раз подчеркнув преемственность Выгореции от Соловецкого монастыря, он упомянул дополнительно и других соловецких иноков: «соловецких отец Генадия и Иосифа», «Соловецкия обители священника Пафнутия» (Там же, с. 51). Разумеется, Андрей Денисов называл не только соловецких иноков в качестве «строителей» Выгореции, но для него особенно важно было подчеркнуть связь с иноками Соловецкого монастыря.

В 10-е годы Семен Денисов, брат Андрея, написал историческое сочинение, посвященное Соловецкому восстанию – «Историю об отцах и страдальцах соловецких»⁷. И это не случайно. На Выгу не только объявили о преемственности от Соловецкого монастыря, но создали текст, прославляющий подвиг иноков, выступивших в защиту старой веры. Этим была подчеркнута идейная преемственность, поскольку выговцы осознавали себя продолжателями их дела. Знаменитый и почитаемый Соловецкий монастырь олицетворял собой связь с историей России, которая, естественно, книжниками Древней Руси уже была представлена как часть мировой и универсальной христианской истории. Соловецкие иноки Сергей Шелонин и Геронтий обозначили церковную реформу хронологической гранью, прерывающей существование в России благочестивой православной веры.

Утверждение о преемственности общины от монастыря давала возможность осознавать Выговское общежительство в качестве центра, продолжившего историю разоренной обители. В интерпретации С. Денисова Соловецкий монастырь, который при описании осады называется не иначе, как «святое место», после разгрома восставших иноков, естественно, перестал им быть, превратившись, по его мнению, в «овощное хранилище в вертограде, или град оборен и опустошен, не благолепна, но безобразна показаяся» (Денисов, 2002, с. 80). Далее следует пояснение: «Сего ради самодержец указом повеле из разных Росии монастырей мнихов собрати в Соловецкия киновии население, еже есть собрание скоро совершися. И монастырь, паче же оток Соловецкий, новособранными мнихами и новопряданными от Никона догматами и уставы наполнися» (Там же).

После этого помещено описание обстановки в монастыре, разумеется, с отрицательной характеристикой и соответствующим выводом: «Оскуде превысочайшая слава и честь небесоподобныя Соловецкия киновии благочиния и, оскудевши, исчезаше» (Там же, с. 81). Констатировав исчезновение «святого места», С. Денисов в восторженных словах повествует о подвиге соловецких иноков, отстаивавших право не принимать «никоновских новин» и отдавших за это свою жизнь. Автор не оставил без внимания и вышедших из монастыря до восстания соловецких иноков, достаточно подробно рассказав о судьбе каждого из них. Все они представлены защитниками и распространителями идей, сформулированных соловецкими иноками до, во время и после восстания.

В результате была подведена основательная база для совершенствования исторической схемы, сформулированной соловецкими иноками. Выговцы провозгласили себя продолжателями дела Соловецкого монастыря в области защиты права не принимать результаты церковной реформы. Разоренная в открытом противостоянии с властью знаменитая обитель была объявлена «исчезнувшей» как центр истинной веры. Подразумевалось, что ее функции перешли к Выгореции. Для доказательства преемственности были приведены соответствующие аргументы. Совершенно очевидно, что это было важно для становления Выгореции в качестве центра согласия, но еще более значимо для самоидентификации общины, для оценки ее роли в христианской истории.

Основательность исторических разысканий выговцы продемонстрировали в «Поморских ответах». Речь идет не только о разоблачении подлогов, осуществленных официальной Цер-

⁷ Об этом сочинении и публикацию текста см.: (Денисов, 2002).

ковью⁸, но и об активном использовании ссылок на исторические факты при ответах на вопросы, связанные с богословской тематикой. Типичным примером может служить ответ на первый вопрос, который звучал так: «От начала крещения всероссийския земли вси православнии христиане в Киеве и в Москве до лет царя Иоанна Васильевича и до лет патриарха Никона православно ли имели веру?» (Поморские ответы, 1911, с. 15). Вначале помещена православная вероисповедная формула, которую, как отметили авторы, «вси православнии российстии народи от князя Владимира до Никона патриарха, православно, единогласно и безраздорно, всесоборне и всецерковне содержаху православную христианскую веру, древнее святогреческое церковное предание, кроме новин усердно соблюдаху» (Там же, с. 16).

Далее старообрядцы привели соответствующие доказательства для утверждения этой мысли. Первыми в качестве «свидетелей» названы «российскии многочисленнии чудотворцы». Затем авторы перешли к указанию исторических документов, в которых засвидетельствовано благочестие веры русских. С этой целью перечислены приезжающие в страну в разное время «от восточныя Церкви священнии мужие», в том числе указаны и вселенские патриархи, которые, как подчеркнуто авторами, «вельми засвидетельствоваху и ублажаху в России содержащееся благочестие» (Там же, с. 17). При этом выговцы назвали соответствующие тексты их грамот, опубликованных в Кормчей 1653 г., указав листы, на которых они напечатаны.

В качестве последнего аргумента авторы сослались на свидетельства текстов исторических произведений: «Свидетели сему святороссийскому правоверию летописцы российстии, Степенная и Гронограф, и прочии истории и повествователи святых российских, являющих непременно в Российстей церкви содержащееся тогда благочестие» (Там же). Дополнительно авторы пересказали подобное мнение о вере русских польского историка М. Стрыйковского, указав выходные данные фрагмента. Приведенные доводы позволили им сформулировать вывод о соблюдении русскими «древлегреческого предания» и об отсутствии необходимости осуществленного патриархом Никоном преобразования обряда и богослужбной практики.

Совершенно очевидно, что выговцы придавали большое значение аргументам, основанным на апелляции к прошлому, к событиям, к отдельным фактам с использованием текстов исторических документов. Разумеется, речь не идет о том, что отсылки к прошлому были основополагающими, но они придавали доводам старообрядцев убедительности при обсуждении вопросов, относящихся к богословию или к обряду, к богослужбной практике. Возможно, это обстоятельство послужило затруднению опровержения текста Поморских вопросов представителями официальной Церкви и его популярности среди старообрядцев всех согласий. Выговцы использовали результат работы первого поколения противников церковной реформы для формирования пророческо-эсхатологического типа соединения русской истории с мировой.

Провозглашенная Выгом преемственность от Соловецкого монастыря предоставляла общине возможность осознавать себя хранителями традиций Русской православной церкви. Восприятие действительности в эсхатологическом ключе, характерное для старообрядцев, позволило выговцам сформулировать мысль о том, что они являются последним оплотом истинной веры в мире антихриста, а их существование – гарантией продолжения не только истории России, но и мировой. Этот вывод был сделан благодаря особому варианту интерпретации истории человечества, которая, естественно, представлялась христианской историей. Опираясь на схему, предложенную во второй половине XVII в. противниками церковной реформы, они заявляли, что после соборов 1666–1667 гг. в России воцарился антихрист, который ранее уже захватил весь мир.

⁸ О разоблачении подделок текстов «Соборного деяния» и «Требника митрополита Феоноста» см.: [Козлов, 1996, с. 22–44].

В этой ситуации свою общину выговцы считали единственным оплотом истинной веры в мире и отводили ей роль спасения человечества. Поскольку они воспринимали действительность в эсхатологическом ключе, то предполагалось, что после захвата ее антихристом неминуемо последует конец мира. Подобное осознание значимости Выга проступает в особой популярности у поморских авторов исторического повествования, посвященного истории старообрядческого движения. Усовершенствовав историческую схему включения России в универсальную христианскую историю, предложенную первым поколением противников церковной реформы, авторы получили возможность уделить внимание истории Выгореции, деятельности ее основателей. Ярким примером может служить «История Выговской старообрядческой пустыни» И. Филипова.

В первых строках памятника было заявлено, что представленное сочинение написано как продолжение истории мировой и христианской: «Древнии же писатели, еврейстии же и язычестии, писаша в своих летописцах и историях жития древних царей, како царствоваша, и како грады созидаша, и содержаша и царства своя распространяху; такожде и христианстии повестописци писаша о церковном состоянии и о престатии идольскаго нечестия, о проповеди евангельской во всем мире и о здании честных обителей... Тому же обычаю и мы последующе» (Филипов, 1862, с. 1). Приведенная цитата явно свидетельствует о том, что выговцы осознавали себя продолжателями истории человечества, мировой и христианской, поэтому считали вправе представить историю своей обители как ее часть.

Во 2-й главе, озаглавленной «Сказание первое, стоянии православныя христианския веры в российской земли», представлено краткое описание старообрядческой версии событий христианской истории от крещения Руси до церковной реформы, начатой патриархом Никоном (Там же, с. 2–27). Особое внимание уделено предсказанию о должном произойти последнем отступлении людей от веры, после которого последует воцарение в России антихриста. Указан и источник – «Книга о вере друку московскаго, глава 30-я» (Там же, с. 13). Естественно, результаты церковной реформы представлены как исполнение этого пророчества. Шестнадцать следующих глав посвящены описанию мученических смертей защитников старого обряда, которые выступили против новшеств в обряде и богослужебной практике.

С 19-й главы начинается достаточно подробный рассказ о появлении, становлении, развитии Выгореции и основных событиях, сопровождавших этот процесс. Во вводных словах это повествование уподоблено античной истории, рассказывающей о своих героях. Изложение начинается с указания в качестве хронологической грани на церковную реформу, начатую патриархом Никоном. Далее прославляются ее противники, начавшие свою проповедь в Поморье. Разумеется, в ряду других названы и соловецкие иноки. После этого И. Филипов поместил рассуждение, основанное на фрагменте из «Слова надгробного Петру Прокопьеву», в котором Андрей Денисов заявил о преемственности Выгореции от Соловецкого монастыря (Там же, с. 81–84)⁹. Это была не дословная цитата, а ее дополненный пересказ с уважительным отношением к исходному тексту.

Выговцы обращались к историческим разысканиям с целью определить роль своей общины в потоке христианской истории. Для этого они использовали уже сформулированную ранее первым поколением защитников старого обряда идею о том, что после начала церковной реформы в России мир оказался на грани катастрофы. Доказательством справедливости этого утверждения им служила убежденность в отступлении официальной Церкви от истинной веры. Противники церковной реформы провозгласили себя защитниками благочестия, традиций православия, которые, по их убеждению, были нарушены в результате действий реформаторов.

В историческом повествовании выговцев хорошо просматривается стремление авторов усовершенствовать предложенную ранее защитниками старого обряда схему включения России в универсальную христианскую историю. Они обозначили в качестве ключевого собы-

⁹ Ср.: (Денисов, 2008, с. 47–49).

тия, которое принципиально изменило роль страны, церковную реформу. В их представлении в результате действий реформаторов Россия перестала быть оплотом истинной веры. Разгром соловецких иноков, выступивших за сохранение традиций Русской церкви, был объявлен знаковым, свидетельствующим о наступлении царства антихриста.

В этой ситуации провозглашение Выгореции преемником Соловецкого монастыря означало утверждение о том, что к старообрядческой общине перешла функция сохранения истинной веры. Благодаря эсхатологическому восприятию действительности, характерному для старообрядцев, в их представлении только существование общины является гарантией продолжения истории человечества. Подобная интерпретация истории человечества придавала выговцам уверенность в значимости своей общины.

Они оказали большое влияние на развитие исторического повествования у старообрядцев в XVIII в. Предложенная выговцами историческая схема активно использовалась для самоидентификации в родственных соглашениях – федосеевском, филипповском и др. Авторам из других согласий достаточно было найти свидетельство о связи с выговцами, например, объявив себя старопоморцами или заявив о близости с ранним Выгом. Выяснение процесса становления старообрядческой исторической схемы позволяет получить более углубленное представление о формировании старообрядческой идеологии, о причинах многовекового существования движения и убежденности его представителей в отстаиваемой точке зрения. Исторические штудии защитников старого обряда – очень важная составляющая их идейных исканий.

Список литературы

- Бубнов Н. Ю.** Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне. СПб.: Русская симфония, 2006. 320 с.
- Гурьянова Н. С., Крамми Р. О.** Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М.: Археографический центр, 1994. С. 120–138.
- Дружинин В. Г.** Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911. 32 с.
- Каган М. Д.** Геронтий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. С. 200–203.
- Козлов В. П.** Тайны фальсификации. М.: Аспект Пресс, 1996. 272 с.
- Сапожникова О. С.** Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 560 с.
- Синицына Н. В.** Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
- Чумичева О. В.** «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (взаимоотношение текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 59–69.
- Чумичева О. В.** Соловецкое восстание 1667–1676 гг. 2-е изд. М.: ОГИ, 2009. 352 с.
- Юхименко Е. М.** Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.

Список источников

- Денисов Андрей.** Слово надгробное Петру Прокопьеву // Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. 1. С. 42–62.
- Денисов Семен.** История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подгот. Н. В. Поньрко, Е. М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2002. 272 с.

- Панченко О. В.** Хронограф Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 361–512.
- Поморские ответы. Напечатаны с подлинника. М.: Книгоиздательство Московского старообрядческого братства, [1911]. 603 с.
- Филипов И.** История Выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1862. 485 с.

References

- Bubnov N. Yu.** Pamyatniki staroobryadcheskoi pis'mennosti: Sochineniya Gerontiya Solovetskogo. Istoriya o patriarkhe Nikone [Pieces of the Old Believers' Literature: Works by Geronty of Solovetsky. History of Patriarch Nikon]. St. Petersburg, Russkaya simfoniya, 2006, 320 p. (in Russ.)
- Chumicheva O. V.** "Otvét vkrattse Solovetskogo monastyrya" i Pyataya solovetskaya chelobitnaya (vzaimootnoshenie tekstov) ["The Answer in Brief of the Solovetsky Monastery" and the Fifth Solovetsky Petition (Intertextual Relations)]. In: Issledovaniya po istorii literatury i obshchestvennogo soznaniya feodal'noi Rossii [Studies in History of Literature and Public Consciousness of the Feudal Russia]. Novosibirsk, 1992, pp. 59–69. (in Russ.)
- Chumicheva O. V.** Solovetskoe vosstanie 1667–1676 gg. [The Solovetsky Monastery Uprising of 1667–1676]. 2nd ed. Moscow, OGI, 2009, 352 p. (in Russ.)
- Druzhinin V. G.** Slovesnye nauki v Vygovskoi pomorskoj pustyni [Philological Studies in the Vyg Pomor Pustyn]. St. Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova, 1911, 32 p. (in Russ.)
- Gurianova N. S., Crummey R. O.** Istoricheskaya skhema v sochineniyakh pisatelei Vygovskoi literaturnoi shkoly [Historical Scheme in the Writings of the Authors of the Vyg Literary School]. In: Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XVIII vv.). [Old Belief in Russia (17th – 18th Centuries)]. Moscow, 1994, pp. 120–138. (in Russ.)
- Kagan M. D.** Geronty. In: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi [Dictionary of the Ancient Russian Bookish Scholars and Bookishness]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1992, iss. 3 (17th century), pt. 1, pp. 200–203. (in Russ.)
- Kozlov V. P.** Tainy fal'sifikatsii [Secrets of Falsification]. Moscow, Aspekt Press, 1996, 272 p. (in Russ.)
- Sapozhnikova O. S.** Russkii knizhnik XVII v. Sergii Shelonin. Redaktorskaya deyatelnost' [Russian Bookish Scholars of the 17th Century. Sergius Shelonin. Editorial Activity]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2010, 560 p. (in Russ.)
- Sinitsyna N. V.** Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.) [The Third Rome. Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th – 16th Centuries)]. Moscow, Indrik, 1998, 416 p. (in Russ.)
- Yukhimenko E. M.** Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn': Dukhovnaya zhizn' i literatura [Vyg Old Believers Pustyn: Spiritual Life and Literature.]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002, vol. 1, 544 p.; vol. 2, 480 p. (in Russ.)

List of Sources

- Denisov Andrei.** Slovo nadgrobnoe Petru Prokop'evu [The Eulogy to Peter Prokopyev]. In: Yukhimenko E. M. Literaturnoe nasledie Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchezhitel'stva [Literary Heritage of Vyg Old-Believers Community]. Moscow, 2008, vol. 1, pp. 42–62. (in Russ.)
- Denisov Semen.** Istoriya ob otsakh i stradal'tsakh solovetskikh: Litsevoi spisok iz sobraniya F. F. Mazurina [History of the Solovki Holy Fathers and Martyrs: An Illustrated Chronicle from the Collection of F. F. Mazurin]. Eds. N. V. Ponyrko, E. M. Yukhimenko. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002, 272 p. (in Russ.)

- Filipov I.** Istoriya Vygovskoi staroobryadcheskoi pustyni [The History of the Old Believers' Vygovskaya Pustyn]. St. Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1862, 485 p. (in Russ.)
- Panchenko O. V.** Khronograf Sergiya Shelonina [Chronograph by Sergiy Shelonin]. In: Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Knizhnoe nasledie Solovetskogo monastyrya [Book Centers of the Ancient Russia: Literary Heritage of the Solovetsky Monastery]. St. Petersburg, 2010, pp. 361–512. (in Russ.)
- Pomorskie otvety. Napechatany s podlinnika [Pomor Answers. Printed from the Original] Moscow, Knigoizdatel'stvo Moskovskogo staroobryadcheskogo bratstva, [1911], 603 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Гурьянова, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57222243564

Information about the Author

Natalia S. Gurianova, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 57222243564

*Статья поступила в редакцию 19.03.2022;
одобрена после рецензирования 03.04.2022; принята к публикации 18.04.2022
The article was submitted 19.03.2022;
approved after reviewing 03.04.2022; accepted for publication 18.04.2022*

Научная статья

УДК 81-119

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-44-66

**Лингвистические исследования
в научной экспедиции в Сибирь (1719–1727):
Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг**

Лариса Дмитриевна Бондарь

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

L007@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6745-841X>

Аннотация

Представлены архивные материалы, содержащие сведения о лингвистических исследованиях, проводившихся в первой сибирской научной экспедиции под руководством Д. Г. Мессершмидта во время пребывания в ней его шведского спутника Ф. И. Страленберга, с целью определения степени участия одного и другого путешественника в сборе и анализе языкового материала. Изучение архивных данных в сопоставлении с информацией из книги Ф. И. Страленберга 1730 г. показало, что немецкий и шведский путешественники осуществляли самостоятельную фиксацию языкового материала; их лингвистические интересы были отчасти обособлены и имели разные цели; при этом их исследовательские траектории неизбежно пересекались в условиях совместного путешествия и совместной работы на протяжении долгого времени.

Ключевые слова

Д. Г. Мессершмидт, Ф. И. Страленберг, лингвистические исследования, сибирские экспедиции XVIII в.

Для цитирования

Бондарь Л. Д. Лингвистические исследования в научной экспедиции в Сибирь (1719–1727): Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 44–66. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-44-66

**Linguistic Research
in the Scientific Expedition to Siberia (1719–1727):
D. G. Messerschmidt and Ph. J. Strahlenberg**

Larisa D. Bondar

St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

L007@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6745-841X>

Abstract

Linguistics is, perhaps, the only field of scientific studies of two colleagues, who were companions on the Siberian journey – D. G. Messerschmidt and Ph. J. Strahlenberg – in which historians of science cannot reach the consensus on whom give the palm and title of the pioneer in the study of the languages of the Siberian peoples and whose contribution in the formation of comparative linguistics was more significant. The article presents the materials from the personal collection of the first researcher of Siberia, German scholar D. G. Messerschmidt, stored in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. It analyzes information about linguistic research con-

© Бондарь Л. Д., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 44–66

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 44–66

ducted in the expedition of D. G. Messerschmidt (1719–1722) at the time when his Swedish companion Ph. J. Strahlenberg was on this voyage (till 1722). The research goal is to establish the degree of participation of both scholars in collecting and analyzing language materials. Comparison of the data from archival sources information contained in the book, published by Ph. J. Strahlenberg in Stockholm in 1730, shows that both German and Swedish researchers collected and processed language materials independently; they had different linguistic interests and research goals. For Ph. J. Strahlenberg, comparative language study and etymology issues were areas of his special interest; the priority of D. G. Messerschmidt lied in the purposeful and systematic compilation of natural science nomenclatures, comparative studies became the focus of his attention much later. At the same time, the research trajectories of the two traveling scholars inevitably intersected due to joint travel and long-time joint work – even if the travelers did not share their notes, they could not help but share ideas and conclusions.

Keywords

D. G. Messerschmidt, Ph. J. Strahlenberg, linguistic research, Siberian expeditions of the 18th century

For citation

Bondar L. D. Linguistic Research in the Scientific Expedition to Siberia (1719–1727): D. G. Messerschmidt and Ph. J. Strahlenberg. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 44–66. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-44-66

Лингвистика является, пожалуй, единственной областью научных занятий двух коллег и сотоварищей по сибирскому путешествию Даниэля Готлиба Мессершмидта (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735) и Филиппа Иоганна (Табберта) Страленберга (Philipp Iohan (Tabbert) von Strahlenberg; 1676–1747), в которой истории науки отводят одни – одному, другие – другому роль первопроходца в изучении языков сибирских народов и в вопросах становления сравнительного языкознания. Д. Г. Мессершмидт, немецкий врач на русской службе, посланный Петром I в Сибирь для первого научного изучения этой земли, и Ф. И. Страленберг, шведский капитан, отправленный в эти же края в числе прочих пленных, захваченных под Полтавой, встретились в Тобольске и стали не только друзьями, но и единомышленниками – как в духовной¹, так и в научной сфере. Прибыв в Тобольск в конце декабря 1719 г., Д. Г. Мессершмидт познакомился там с организатором и руководителем школы, в которой воспитывались дети пленных шведов, Куртом Фридрихом фон Вреехом (Curt Friedrich von Wreech) и кругом его единомышленников – шведских пленных, которые, по сути, сформировали научный кружок, занимавшийся изучением местной природы, населения, языков и нравов тех народов, которые жили или проезжали через сибирскую столицу [Новлянская, 1970, с. 21–22; Черказьянова, 2001].

Когда 1 марта 1721 г. Д. Г. Мессершмидт выехал из Тобольска на восток в длительную экспедицию, в числе прочих его сопровождал Ф. И. Страленберг, ставший ближайшим соратником ученого. Именно Ф. И. Страленберг до момента расставания с Д. Г. Мессершмидтом 28 мая 1722 г.² вел путевой дневник экспедиции, являющийся настоящим тезаурусом наших знаний об этом первом сибирском научном предприятии. Из Сибири и Ф. И. Страленберг, и Д. Г. Мессершмидт вернулись с бесценным багажом новых сведений, однако судьба этих научных материалов оказалась различной: шведский путешественник вскоре после возвращения на родину опубликовал в Стокгольме (1730 г.) быстро ставшую известной книгу с описанием Сибири (Strahlenberg, 1730); бесценное же научное наследие Д. Г. Мессершмидта в течение более 200 лет оставалось известным только очень узкому кругу ученых, знакомых с его рукописными бумагами, хранящимися сегодня в личном фонде Д. Г. Мессершмидта (фонд 98) в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН). Именно эти материалы в сопоставлении с опубликованной в Стокгольме книгой дают основания для суждений о степени участия одного и другого путешественника в лингвистических исследованиях, проводившихся в Сибири в начале XVIII в.

¹ Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг были пиетистами и сторонниками взглядов богослова из Галле Августа Франке (August Hermann Francke; 1663–1727) [Бондарь и др., 2021].

² В тот день шведский капитан покинул экспедицию, чтобы отправиться на родину в соответствии с полученным разрешением.

Долгое время в литературе по истории лингвистики именно Ф. И. Страленберга, благодаря публикации его книги, называли в числе пионеров сравнительного языкознания и в качестве первого исследователя языков ряда сибирских народов. Лингвистический материал представлен в книге 1730 г. двумя блоками: это калмыцко-монгольский словарь (Strahlenberg, 1730, S. 137–156), а также приложение – таблица «*Gentium boreo-orientalium vulgo tatarorum harmonia linguarum*» («Гармония языков северо-восточных народов, обыкновенно называемых татарами») ³ с пояснениями в самой книге (Ibid., S. 31–55). Дополнительное внимание языковедов привлек к себе французский перевод книги 1757 г. ⁴ за счет приложения «*Ammaire de la langue des Tartares Mungales ou Munguls, connus autrefois sous le nom de Mogols, traduite d'un Manuscript Arabe, par Mr. Thevenot*», хотя переводчик и позволил себе сокращение этимологических выкладок Ф. И. Страленберга и опустил непонятный для него языковой материал ⁵.

Труд Ф. И. Страленберга привлекал постоянное внимание историков науки, лингвистов и этнографов. Еще в 1815 г. Ф. П. Аделунг, помещая в своей работе очерк о состоянии лингвистики в Российской империи до П. С. Палласа, в качестве второй (по хронологии) значимой для сравнительного языкознания фигуры называл Ф. И. Страленберга [Adelung, 1815, S. 6–8]. Вслед за ним и П. П. Пекарский отметил значение работы Ф. И. Страленберга: «Названное сочинение Штраленберга в свое время пользовалось известностью и действительно того заслуживало по множеству сведений, которые помещены были там в первый раз о странах, почти неизвестных тогда в Европе» [Пекарский, 1862, с. 353].

В XX в. имя Ф. И. Страленберга стабильно оказывалось в числе исследователей-путешественников, опубликовавших первые упоминания о «татарских» народах, под которыми тогда понимали неиндоевропейские народы восточных частей Российской империи и Средней Азии. Уже Н. Ф. Катанов отметил значение языкового материала Ф. И. Страленберга как важного свидетельства о народах, не существовавших к началу XX в. в качестве самостоятельных этнических образований [Катанов, 1903, с. 5]. Г. В. Ксенофонов посвятил Ф. И. Страленбергу отдельный раздел и включил его (наряду с немецким купцом Э. И. Идесом (1657–1708) и участниками Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллером и И. Э. Фишером) в число первых исследователей, писавших о якутах и определивших их южное происхождение; книгу Ф. И. Страленберга, вышедшую раньше академических изданий о восточных территориях России, он назвал «окном Сибири», а автора наградил эпитетом «отец научной якутологии», даже несмотря на небольшой объем языкового материала и несовершенство «транскрипции туземных слов, очень далекой от научной точности, а также и неумение унифицировать при сравнении грамматические формы» [Ксенофонов, 1934, с. 14–22]. О Ф. И. Страленберге писали как о первом исследователе удмуртского языка [Тепляшина, 1965, с. 25–29], как о первом европейском авторе, сообщившем сведения о маторском языке [Helinski, 1997, S. 36] и о калмыках [Doerfer, 1965; Krueger, 1975].

Однако наибольшую славу шведский капитан снискал благодаря предложенным им в книге выводам о родстве ряда народов на основе обнаруженной близости языков. Работой Ф. И. Страленберга пользовался еще Ю. Клапрот [Klaproth, 1823], а шведский путешественник считался, начиная с О. Доннера [Donner, 1901, S. 128–129], первым систематиком неиндоевропейских языков северо-восточной Евразии; Р. О. Якобсон охарактеризовал его как основателя сравнительного языкознания [Wikander, 1976. S. 227]. Обзор работ до 1997 г.,

³ Полное название: «*Gentium Boreo-Orientalium Vulgo Tatarorum Harmonia Linguarum, oder Specimen einiger Zahlen und Wörter derer in dem Nord-Ostlichen Theil von Europa und Asia wohnenden Tatar- und Hunno-Scythischen Abstammings-Völcker; Aus welchen nebst andern historischen Umständen zu ersehen seyn wird, wie solche vor Zeitan entweder unter sich oder mit andern Westlichen Völkern combinirt gewesen; ihre Wohnstellen aber können in der neuen edirten Chartre gefunden werden*».

⁴ Опубликованы три перевода книги – на английский, французский и испанский языки; перевод на русский язык остался не опубликованным [Новлянская, 1970, с. 86–88; Эрендженова, 2004, с. 303–305].

⁵ Дополнительная языковая работа была проделана также автором английского перевода 1738 г., дополнившего калмыцкий словарь комментариями к немецким эквивалентам Ф. И. Страленберга.

поддерживающих тезис О. Доннера, дан в статье А. Манастера Рамера и П. Сидвелла [Manaster Ramer, Sidwell, 1997, p. 140–143]. К названным в этой работе авторам необходимо добавить еще несколько имен, в частности Н. Н. Поппе, утверждавшего на I Всесоюзном тюркологическом съезде (1926 г., Баку): «Начало урало-алтайскому языкознанию, из которого впоследствии выросло алтайское сравнительное языкознание, относится к XVIII ст. Основание ему было положено выходом в свет замечательного для своего времени труда Strahlenberg'a, сделавшего много ценных наблюдений над языками целого ряда народностей. <...> Труд этот замечателен, прежде всего, как первая попытка обосновать родство уралоалтайских языков. <...> Страленберг выдвинул урало-алтайскую проблему и в этом – его заслуга» [Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 1926, с. 105].

Имя Ф. И. Страленберга как первого автора, приведшего доказательства родства финно-угорской языковой семьи, прозвучало в работе 1864 г. основоположников венгерского финно-угроведения А. Регули и П. Ханфалви (цит. по: [Hämäläinen, 1937–1938, S. 35]); это же мнение высказал Е. Н. Сетэлэ [Setälä, 1892, S. 257]. А. Хэмэляйнен рассматривал как достижение для того времени попытку И. Ф. Страленберга дать классификацию народов Сибири на основе сравнения из языков; И. Ф. Страленберг, как подчеркивал А. Хэмэляйнен, первым указал на взаимосвязь отдельных языковых групп, собрал в одну группу мало известные тогда языки, названные впоследствии урало-алтайскими, и первым установил единство алтайских и финно-угорских языков [Hämäläinen, 1937–1938, S. 34, 50, 55]. И. С. Вдовин также признавал, что, «несмотря на все недочеты, классификация Страленберга, в которую вошли языки народностей Севера, была первым опытом обобщения знаний об этих языках» [Вдовин, 1954, с. 16].

Корректировку в представления исследователей внесла предпринятая в ГДР публикация экспедиционных дневников Д. Г. Мессершмидта (Messerschmidt, 1962–1977). Несмотря на известные недостатки издания, именно оно дало широкому кругу читателей достоверные сведения о наличии у Д. Г. Мессершмидта языковых материалов⁶. До этого информация о них пересказывалась из работы в работу (в отечественной литературе вслед за П. П. Пекарским [1862, с. 350–351]), при этом авторы с архивным рукописным материалом Д. Г. Мессершмидта в большинстве своем знакомы не были. Так, С. К. Булич в очерке, посвященном истории отечественного языкознания, отмечая, что первые записи лингвистического материала начались при Петре I, в числе собирателей наравне с прочими (Г. Шобер, Ш. Ф. Патрон де Бодан) назвал «натуралиста и ориенталиста» Д. Г. Мессершмидта (повторяя далее сведения П. П. Пекарского, в том числе и о Страленберге, которого в статусе любителя также отнес к собирателям языкового материала) [Булич, 1904, с. 201–202]. Д. В. Бубрих тоже указал Д. Г. Мессершмидта в числе первых путешественников-собирателей, привозивших «көөкакие лингвистические сведения», и пересказал вслед за П. П. Пекарским сведения о собирательской деятельности немецкого путешественника [Бубрих, 1928, с. 81–82]⁷.

Однако и сам П. П. Пекарский с рукописными материалами Д. Г. Мессершмидта, как кажется, не работал⁸; он пишет лишь о том, что видел в Академии наук «список с официальных бумаг», которые Д. Г. Мессершмидт посылал из Сибири в Петербург и к местным вла-

⁶ Так, уже М. Г. Новлянская, изучившая текст дневников и знакомая с другими архивными материалами, поместила в своей книге многократные упоминания о сборе Д. Г. Мессершмидтом словарного материала [Новлянская, 1970, passim].

⁷ Имя Ф. И. Страленберга в работе также называется, но лишь в качестве спутника немецкого путешественника. Д. В. Бубрих упоминает и об архиве Д. Г. Мессершмидта (о том, что он приводит в своих ненапечатанных материалах «между прочим, формы языков финского, черемисского, мордовского, вотяцкого, пермяцкого, вогульского, остяцкого, венгерского»), однако, как и С. К. Булич, сам с архивами, очевидно, не работал, поскольку сообщаемые им сведения выглядят не вполне достоверно.

⁸ Так, он упоминает несуществующую рукопись «Mantissa ornithologica» в 18-ти томах [Пекарский, 1862, с. 351]; рукопись под названием «Mantissa ornithologica» действительно сохранилась, но она состоит из одного тома (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 17); хорошо известна специалистам 10-томная неопубликованная рукопись «Ornithologicon» (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8–16) (сохранились 9 томов, один том был утрачен в 1828 г.). Что еще оказалось включенным в число названных 18-ти томов, сложно предположить однозначно.

стям [Пекарский, 1862, с. 351–352]⁹. В целом же, П. П. Пекарский пересказывает сведения П. С. Палласа и Ф. П. Аделунга. Именно эти авторы были первыми, кто писал о лингвистических занятиях Д. Г. Мессершмидта¹⁰. Особенно много усилий для обнародования результатов первого исследователя Сибири сделал немецкий естествоиспытатель и в определенном смысле преемник Д. Г. Мессершмидта Петр Симон Паллас (Peter Simon Pallas; 1767–1810). П. С. Паллас отчетливо осознавал значимость наблюдений, сделанных его коллегой, и стремился открыть научным кругам имя «почти забытого и даже в свое время мало отмеченного мужа» [Pallas, 1782, S. 97–98]. С. П. Паллас изучил рукописное наследие Д. Г. Мессершмидта чрезвычайно внимательно; он опубликовал фрагменты путевого дневника [Ibid., S. 97–158] и был первым, кто писал об увлечении Д. Г. Мессершмидта в свободное от обработки материалов время стихосложением в духе неолатинской поэзии и о его духовных «медитациях» [Ibid., S. 98]¹¹. У Ф. П. Аделунга имя Д. Г. Мессершмидта также полноправно стоит в ряду языковедов первой половины XVIII в., работавших в Российской империи [Adelung, 1815, S. 8–9], и он знал о сохранившемся архиве немецкого ученого¹².

Так, уже в конце XVIII – начале XIX в. о Д. Г. Мессершмидте писали как о собирателе языкового материала; об этом вспомнили столетие спустя и вновь надолго забыли. В 1997 г. вопрос о Д. Г. Мессершмидте как языкеводе был поднят в статье А. Манастера Рамера и П. Сидвелла [Manaster Ramer, Sidwell, 1997]. Авторы привели доказательства того, что Ф. И. Страленберг не был полностью самостоятелен в разработке классификации языков, представленной в его книге 1730 г. Тогда имя Д. Г. Мессершмидта в контексте лингвистических занятий не прозвучало, но чуть позднее поддержавший это мнение А. И. Терюков указал на роль немецкого путешественника в языковых исследованиях [Терюков, 2008] (ср.: [Bondar, Bischoff, 2013]). В статье А. Манастера Рамера и Л. Д. Бондарь 2018 г. было показано, что лингвистические занятия являлись одним из продуктивных направлений исследований Д. Г. Мессершмидта во время его экспедиции, и нельзя не признать участие немецкого ученого в сборе материала, опубликованного в итоге Ф. И. Страленбергом [Манастер Рамер, Бондарь, 2018].

Фактически одновременно с А. Манастером Рамером и П. Сидвеллом убежденность в том, что книга Ф. И. Страленберга не является результатом исследований только шведского путешественника, выразил В. В. Напольских. Автор упомянул ряд словников, записанных Д. Г. Мессершмидтом, уделяя особое внимание (в соответствии со своими исследовательскими интересами) удмуртскому словарю и подчеркивая: «Вероятно, это – первый словарь удмуртского языка, который по объему и качеству, безусловно, превосходит более поздние записи Страленберга, да и, пожалуй, Миллера и Палласа» [Напольских, 1998]. В. В. Напольских охарактеризовал эту свою статью как предварительную публикацию, и через некоторое время (2001 г.) свет увидело первое издание заключительного фрагмента последнего тома экспедиционного дневника Д. Г. Мессершмидта (за декабрь 1726 г.) с переводом на русский язык. Значительную часть опубликованного текста занимает языковой материал: в виде оригинального текста удмуртского словника из дневника, его перевода на русский язык, а также

⁹ Очевидно, речь идет о томе архивных документов, который хранится сегодня в СПбФ АРАН (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21).

¹⁰ Отметим, что еще в 1776 г. академический библиотекарь И. Г. Бакмейстер поместил краткую справку о Д. Г. Мессершмидте и сообщение о переданной в 1727 г. в Кунсткамеру из Медицинской канцелярии богатой и разнообразной коллекции, привезенной им из Сибири; одновременно упоминал и о его занятиях с тибетским ламой монгольским и тибетским языками [Bachmeister, 1776, p. 160–161].

¹¹ Лишь недавно вышли специальные исследования, посвященные этим вопросам [Казанский, 2020а; 2020б; 2020в; 2021; Бондарь и др., 2021].

¹² Через труды Иоганна Готлиба Георги (Johann Gottlieb Georgi; 1729–1802) [Georgi, 1797, S. 51–52] и П. С. Палласа [Pallas, 1782], на которые он ссылается. Сведения Ф. П. Аделунга не совсем точны: от ошибки в датировке экспедиции до неточностей в описании его языковых занятий в сообщении о том, что Д. Г. Мессершмидт во время путешествия изучал монгольский и татарский языки, что не в полной мере соответствует действительности.

составленного В. В. Напольских на основе всех дневниковых упоминаний комментированного удмуртского словаря [Напольских, 2001, с. 46–52, 92–98, 147–216].

В настоящее время благодаря введению в научный оборот новых материалов из архива Д. Г. Мессершмидта не вызывает сомнения факт постоянного обращения немецкого ученого к вопросам из области языкознания [Бондарь, Поникаровская, 2021; Зорин, 2021; Сизова, 2021а; 2021б; Сизова и др., 2022; Зорин, Иванов, 2022; Бондарь, Зорин, 2022], однако, чтобы понять степень участия Д. Г. Мессершмидта в сборе и обработке материала, изложенного в книге Ф. И. Страленберга, следует установить характер и особенности языковедческих интересов того и другого исследователя. Подробный обзор исследований научного творчества двух путешественников в области языкознания был дан, не в последнюю очередь, с целью показать, что выводы историков науки базируются практически полностью на опубликованных материалах, в то время как именно архивные фонды хранят документы с многочисленными свидетельствами по рассматриваемому вопросу.

В отношении Ф. И. Страленберга следует признать, что, кроме книги 1730 г., мы не располагаем никакими другими его лингвистическими материалами¹³. Единственным документом, который сейчас может дать информацию об этих интересах Ф. И. Страленберга, является та часть экспедиционного дневника, которую он вел сам, т. е. с 1 марта 1721 по 28 мая 1722 г.¹⁴ Именно здесь можно искать ответы на вопрос о степени участия членов экспедиции (Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга) в сборе и обработке лингвистического материала.

В этой части дневника имеется несколько словников с образцами языков местного населения. Первые два были записаны вскоре после того, как Ф. И. Страленберг, завершив свою самостоятельную экспедицию, начавшуюся 12 июля 1721 г., вновь присоединился к Д. Г. Мессершмидту 22 декабря 1721 г. в Абаканском остроге. Вместе товарищи 26 декабря 1721 г. совершили экскурсию в татарские юрты на берегу Сыды. «Здесь мы остались на ночь, – пишет Ф. И. Страленберг, – и интересовались у татар о разных вещах». В итоге, путешественники провели основательное исследование, записав, в том числе, два словника¹⁵. Первый был получен от двух мужчин, которые называли себя камасинцами (в дневнике – *Kagmaschi*), а свой язык – камасинским (*Kagmasinsche Sprache*)¹⁶. Словник состоит из числительных от 1 до 12, за которыми следует еще 22 существительных, первым из которых является слово со значением ‘Бог’, а далее – ‘солнце’, ‘луна’, ‘голова’, ‘лошадь’, ‘огонь’, ‘сырость’, ‘вода’, ‘земля’, ‘человек’, ‘женщина’, ‘отец’, ‘мать’, ‘брат’, ‘сестра’, ‘друг’, ‘рука’, ‘скала’, ‘гора’, ‘высокая гора’, ‘песчаная гора’, ‘песок’¹⁷. По структуре словник сопоставим с теми лексическими перечнями, что включены в самый ранний сохранившийся документ Д. Г. Мессершмидта с лингвистической информацией. Имеется в виду таблица 20-ти языков «Specimen

¹³ Из оглашения Ф. И. Страленбергом его дальнейших планов публикации имевшихся у него материалов (Straglenberg, 1730, S. с2) следует заключить, что у него после возвращения сохранялись какие-то путевые записи (Ф. И. Страленберг упоминает некий «путеводитель» (*Wegweiser*)). Известны эпистолярные Ф. И. Страленберга, хранящиеся в научной библиотеке Готы, городской библиотеке Линчепинга, архиве Фонда Франке в Галле (частично опубликованы [Knürrer, 2018; Лефельдт и др., 2021]), однако лингвистического материала в них пока не обнаружено.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–144.

¹⁵ Там же. Л. 95 об. – 96.

¹⁶ «Так говорят татары, – поясняет Ф. И. Страленберг, – между Енисеем и Ангарой, или около Канского и Удинского острога на реке Уде и Кане». В настоящее время язык считается вымершим.

¹⁷ Этот словник оригинальной записи можно найти в опубликованном дневнике (Messerschmidt, 1962–1977, Т. 1, S. 163) (важно иметь в виду, что для уточнения исходного варианта передачи слов и их звучания, которые в изданном дневнике бывают изменены, необходимо обращаться к оригиналу дневников). Позднее Д. Г. Мессершмидт вернулся к этой записи и сделал на полях пометку о том, что этот язык «скомбинирован» из двух наречий, с которыми он познакомился позднее (12 и 26 июня 1723 г.) около Мангазеи: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 95 об.

der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völker»¹⁸, отправленная Д. Г. Мессершмидтом 25 июня 1720 г. с IV рапортом в Медицинскую Канцелярию. Таким образом, первый словник был записан Ф. И. Страленбергом в дневнике только после его воссоединения с экспедицией Д. Г. Мессершмидта и повторял структуру названной выше таблицы 20-ти языков – документа, написанного рукой Д. Г. Мессершмидта и отправленного им в столицу вместе с прочими материалами. С одной стороны, эти факты дают основание для осторожного предположения об инициативной роли именно Д. Г. Мессершмидта в записи словаря камасинских татар, но, с другой стороны, сомнения в авторстве таблицы 20-ти языков [Бондарь, 2020]¹⁹ не позволяют делать однозначных заключений в отношении записи первого словника.

В тот же день были записаны еще данные: «Следующий язык называется койбал-киштимским (*Koibal Kistimsche*), и на нем также говорят татары на реке Кан». Второй словник – аналогичного характера; он содержит числительные от 1 до 12, также со значением ‘20’, ‘30’ и ‘40’, а далее еще 11 существительных со значением: ‘Бог’, ‘небо’, ‘солнце’, ‘луна’, ‘звезда’, ‘вода’, ‘огонь’, ‘земля’, ‘ветер’, ‘скалы’, ‘гора’²⁰. Обращает на себя внимание формулировка дневниковой записи с употреблением местоимения «мы» (как и при пояснениях к первому словнику), что подчеркивает участие в этом опросе обоих путешественников²¹.

Следующий вокабулярий был записан 17 февраля 1722 г. Накануне путешественники выехали из Абаканского острога в направлении Красноярска и рано утром 17-го числа добрались до татарских юрт, названных в дневнике *Kunkir* (по левому берегу Енисея напротив впадения в него реки Анаш). «Здесь мы получили следующие *vocabula*», – пишет Ф. И. Страленберг и перечисляет 9 слов²², первые три из которых со значением ‘детская оспа’, ‘тем-

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 25 – 26 об. Впервые в литературе этот документ был упомянут Ф. П. Аделунгом [Adelung, 1815, S. 9]. Эту таблицу, составленную, очевидно, рукой Д. Г. Мессершмидта (в книге указано «von seiner Hand», и стоит это после упоминания имени Бакмейстера, что не позволяет однозначно трактовать слова Ф. П. Аделунга), Ф. П. Аделунг видел среди бумаг Бакмейстера. Надо полагать, что Ф. П. Аделунг имел в виду библиографа и компаративиста Логина Ивановича Бакмейстера (Hartwig Ludwig Christian Bacmeister; 1730–1806), а не его двоюродного брата, академического библиотекаря Ивана Григорьевича Бакмейстера (Johann Vollrath Bacmeister; 1732–1788): в коротком пассаже о Д. Г. Мессершмидте Ф. П. Аделунг упоминает издание только Л. И. Бакмейстера, а именно восьмой том (1783 г.) опубликованной им «Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland». Название таблицы и перечень языков в целом идентичны тому, что видим в архивном документе (с некоторой разницей в орфографии, что могло быть результатом редактуры Ф. П. Аделунга). Между тем имеется важное различие в первой части названия таблиц: в архивном документе – «Specimen der Zahlen und Sprache...» («Образец чисел и языков...»), в книге Ф. П. Аделунга – «Specimen der Zahlen...» («Образец чисел...»). В своем комментарии Ф. П. Аделунг также сообщает, что в таблице были представлены только числительные («Polyglotte der Zahlwörter»); о том же сообщает и Д. Г. Мессершмидт в тексте самого рапорта: «в отдельной таблице главные числа двадцати народов, из которой явствует разность их языков и наречий» (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Л. 105). Оригинал IV рапорта не сохранился, имеется только его копия, сделанная рукой Д. Г. Мессершмидта, очевидно, для собственного архива и «подстраховки» в случае потери отправленного почтой в Петербург оригинала; приложения, включающие интересующую нас таблицу, не подшиты вместе с копией рапорта, а хранятся в отдельном архивном деле, в связи с чем нельзя однозначно утверждать, была ли отправлена с IV рапортом та самая таблица, что сегодня хранится в отдельном архивном деле (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 23–24), или же ее сокращенный (первоначальный?) вариант, содержащий только числительные.

¹⁹ Также было показано [Манастер Рамер, Бондарь, 2018], что именно эта таблица лежит в основе опубликованной Ф. И. Страленбергом «*Harmonia Linguarum*»; и, хотя самостоятельность Ф. И. Страленберга в сборе и подготовке к публикации языкового материала ставится под сомнение, твердых доказательств участия в этом Д. Г. Мессершмидта на сегодня нет.

²⁰ Этот словник можно найти в опубликованном дневнике (Messerschmidt, 1962–1977, Tl. 1, S. 163). Вновь сопровождается позднейшим примечанием Д. Г. Мессершмидта, об идентичности (с частичным искажением) языку остяков, с которыми он встретился 20 июня 1723 г. на Енисее: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.

²¹ При описании действий, совершенных шведским путешественником самостоятельно, Ф. И. Страленберг употреблял местоимение «я» или писал в третьем лице «капитан Табберт» («Табберт» – фамилия шведского спутника Д. Г. Мессершмидта до получения им дворянства, после чего он стал «фон Страленберг»).

²² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 110 об. (Messerschmidt, 1962–1977, S. 180–181).

brum virile’, ‘vulva’ – лексика из области медицины и анатомии, что, наряду с употребленным местоимением «мы», должно указывать на участие в опросе Д. Г. Мессершмидта.

Еще один небольшой вокабуляр, записанный при участии обоих путешественников, датирован 13 мая 1722 г.; в тот день спутники, двигаясь из Красноярска к Кемчугу, остановились на ночлег в юртах качинских татар. «Среди прочего, они (татары. – Л. Б.) сказали нам несколько татарских *vocabula* и слов, каковые есть следующими <...>». Далее идут 13 словарных записей, включающих как отдельные лексемы, так и словосочетания: ‘зеленый’, ‘цветок’, ‘голубой цветок’, ‘белый цветок’, ‘желтый’, ‘красный’²³, ‘гром’, ‘гром и дождь’, ‘дай огня и воды’, ‘курить табак’, ‘белый лосось, или таймень’, ‘горный хребет’, ‘гребень горы’²⁴. Вновь обращает на себя внимание местоимение «нам».

Наряду с косвенными свидетельствами участия Д. Г. Мессершмидта в сборе словарного материала имеется и прямое указание на это. В записях, относящихся к пребыванию в Красноярске, сообщается о встречах со «старым калмыцким переводчиком» Степаном, который 6 марта 1722 г. дал путешественникам слово *Kuht* – ‘молитвенный дом’ (*Bethaus*) и названия трех монастырей²⁵. Через несколько дней, 9 марта 1722 г., Ф. И. Страленберг сделал более информативную запись: «Старый переводчик Степан впервые был с доктором²⁶. Он читал ему кое-что из калмыцких надписей, найденных на Иртыше, <...>. Господин доктор между тем записал слова на калмыцком, как он ему прочитал. Он сказал нам следующие калмыцкие *vocabula* <...>». Далее следует перечень из 15-ти калмыцких (*Calmarksche*) слов специфической семантики – преимущественно металлургическая лексика²⁷. 11 марта Д. Г. Мессершмидт продолжил работу по разбору калмыцких текстов; словарный материал в дневниковой записи за этот день не представлен²⁸.

А. А. Сизова интерпретирует эти упоминания однозначно: «Из заметок Страленберга, хотя и очень кратких, следует, что калмыцким языком Мессершмидт занимался более углубленно, чем его помощник». Удивляет при этом тот факт, что никаких калмыцких материалов, кроме этих упоминаний в дневнике, в бумагах Д. Г. Мессершмидта не обнаруживается. Мы знаем, конечно, что часть материалов была утрачена (и в Петербурге, и при кораблекрушении во время морской поездки Д. Г. Мессершмидта в Данциг в 1731 г.), однако мы не находим прямого упоминания о калмыцком словарном материале в подробнейшем перечне имущества, составленном Д. Г. Мессершмидтом в Иркутске в июне 1725 г.²⁹, если

²³ Примечательно, что после слова со значением ‘красный’ стоит «etc.». Это дает повод предполагать, что были записаны и другие слова, не вошедшие в дневник. В татарском словаре Д. Г. Мессершмидта (см. ниже) нет ни записи, отмеченной 17 мая 1722 г., ни этого словника. Нельзя исключить, что расширенная его версия могла находиться среди тех записей Ф. И. Страленберга, о которых он сообщает как об утраченных в дороге до Москвы (Strahlenberg, 1730, S. 56).

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 138; (Messerschmidt, 1962–1977, S. 180–216).

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 119 об.

²⁶ Не совсем ясно, означает ли эта фраза, что Д. Г. Мессершмидт впервые познакомился с калмыцким переводчиком или это было первое долговременное занятие.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 120–120 об.; (Messerschmidt, 1962–1977, S. 193).

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 121.

²⁹ Из калмыцкого материала в списке упоминается рукопись Иоганна Христиана Шничера (Шнитцер, Шнитцер) (Johann Christian (Chrostoph) Schnitscher (Schnitzker); 1682–1744) (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 135), капитана русской армии и шведа по национальности, сопровождавшего в 1714 г. китайское посольство к калмыцкому хану Аюке и описавшего быт, культуру и социальную организацию калмыков (Schnitscher, 1744; Шничер, 1764). Об аналогичной имевшейся в распоряжении рукописи упоминает в своей книге и Ф. И. Страленберг (Strahlenberg, 1730, S. c2). На сегодня нет оснований однозначно утверждать, что Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг говорили о списках с одной и той же рукописи, несмотря на то что многие (как лингвистические, так и археологические) материалы экспедиции, собранные до отъезда из нее Ф. И. Страленберга, существовали в виде дублетов как у немецкого, так и у шведского путешественника, что было неоднократно показано в публикациях последних лет [Bondar, Bischoff, 2013, S. 255; Савинов, Тункина, 2018; Knüppel, 2021]. Так, М. Кнүппель, подготовивший к публикации (которая вскоре должна увидеть свет), упомянутый перечень имущества, составленный Д. Г. Мессершмидтом в июне 1725 г. в Иркутске, полагает, что рукопись И. Х. Шничера немецкий исследователь мог получить из научных собраний Петербурга еще до начала своего путешествия; отметим, однако, что эта рукопись указана среди манускриптов, полученных определенно уж во время поездки. –

только этот материал не скрывается под позицией, обозначенной как «Nomenclaturae Tataricae, Samoed[icae], Tungusicae, Ostiackicae, Permeckicae, Mungulicae, Burathicae etc. M[anu]s[criptum]»³⁰.

Как уже упоминалось, калмыцкий словарь из 1 300 слов («Vocabularium Calmucko-mungalicum») вошел в книгу Ф. И. Страленберга (Strahlenberg, 1730, S. 137–156). Дж. Крюгер высказал сомнение, что авторство словаря всецело принадлежит Ф. И. Страленбергу, аргументируя это тем, что в написании калмыцких слов допущены серьезные ошибки, которые похожи на ошибки копирования, неправильного прочтения чужих записей [Krueger, 1975, p. 27]. Дополнительным доводом в пользу того, что словник Ф. И. Страленберга издавался по чужим записям, является, по мнению А. А. Сизовой, его несистематичность. Например, слово ‘белка’ (*das Eichhorn*) встречается в трех разных местах и в разных формах – *Kirma*, *Krime* и *Taramæ* [Сизова, 2021а, с. 334, примеч. 13]³¹.

Вместе с тем нельзя исключать предположения, что ошибки в написании калмыцких слов могли возникнуть и на этапе их записи от информанта³², и на этапе переписывания из черновых заметок в рукопись книги, и даже на этапе типографского набора. При этом записанный в дневник 9 марта 1722 г. небольшой калмыцкий словник, был, похоже, составлен именно Д. Г. Мессершмидтом: эквиваленты калмыцких слов были записаны не по-немецки, а по-латински, и это «почерк» именно Д. Г. Мессершмидта; Ф. И. Страленберг латынью не пользовался и, если и знал её, то не в той степени, что немецкий ученый, свободно владевший этим языком. Кроме того, небольшой словник из дневника не коррелирует с тем, что был опубликован Ф. И. Страленбергом; он не вошел в книгу. Из 15 слов дневника в книге имеется только четыре, но транскрибированная запись даже этих четырех слов отличается от той, что мы находим в дневнике: *Mungùh*, имеющее в дневнике значение ‘серебро’, в книге записано дважды, но в форме *Mungu* – в одном случае со значением ‘деньги’, в другом – ‘серебро’; *Gi* в книге записано как *Gou*, значение совпадает с дневниковым – ‘огурец’; *Udsuhm* записано в книге как *Udsum* со значением ‘финик’; одно слово выглядит одинаково в обоих источниках – *Goli*, но отличается значением: в дневнике – ‘латунь’, в книге – ‘медь’³³. Очевидно,

Автор благодарит д-ра Михаэля Кнюппеля (Фельмар, Германия; Ляочэн, Китай) за любезное консультирование по вопросу калмыцкого материала у Д. Г. Мессершмидта.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 133. Имеется еще одна позиция: «M[anu]s[crip]ta varia Mongolica Tangutica, Indica, Chinensia, Niuchea-Mandshuica, etc; zwischen Brettlein. I. Tom» (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 133 об.), – однако уточнение «Zwischen Brettlein» («между дощечками») заставляет думать о восточных рукописях, сбором которых Д. Г. Мессершмидт также занимался. Ср. сообщение Т. З. Байера, о том, что среди множества вещей Д. Г. Мессершмидта, переданных в Академию, была вытянутой формы книжечка необычного устройства, состоявшая из множества книжек тибетских, монгольских и калмыцких с переплетенными листами [Baeyer, 1732, p. 389].

³¹ Два последних варианта записаны Д. Г. Мессершмидтом в дневнике уже после отъезда из Сибири Ф. И. Страленберга – 24 октября 1723 г. (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2. Л. 219).

³² Так, множественные примеры подобных ошибок, возникавших еще на этапе записи от информантов, были выявлены при подготовке к публикации монгольского и тибетского словариков из дневников Д. Г. Мессершмидта [Сизова и др., 2022].

³³ Не вошли в книгу калмыцкие слова и из других материалов Д. Г. Мессершмидта, а именно из перечня птиц, составленного немецким ученым в мае 1722 г. (см. о нем ниже: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 66–81). В перечне есть названия, отмеченные как «калмыцкие» или «калмыцкие и монгольские»: № 7 ‘коршун’ – *Üllæ’h*; № 17 ‘филин’ – *Schar-Schubhò* («по-калмыцки и по-монгольски»); № 18 ‘лунь’ – *Zagàn-Schubhò* («по-калмыцки и по-монгольски») с пояснением – «i.e. candida Noctua» («т.е. белая сова»); № 19 ‘сова’ – *Schubhò*; № 45 ‘тетерев’ – *Chorù* («по-калмыцки и по-монгольски»); № 52 ‘иволга’ – *Altan Gurguldéy* («по-калмыцки и по-монгольски»); № 53 и 54 ‘жаворонок’ – *Bockscherghàh*; № 118 ‘лебедь’ – *Chò* («по-калмыцки на реках Иртыш и Тара»); № 119 ‘гусь’ – *Gallò*; № 123 ‘утка’ – *Nowushù*. В опубликованном Ф. И. Страленбергом словаре есть только три слова из этого перечня, обозначающие распространенных птиц, но даже они записаны в иной транскрипции: *Chun*, *Chuan* вместо *Chò* (‘лебедь’); *Galo*, *Gelon* вместо *Gallò* (‘гусь’); *Nogussum* вместо *Nowushù* (‘утка’). Сложно сказать, когда Д. Г. Мессершмидтом были записаны все эти калмыцкие слова из перечня; они могли быть получены в Красноярске от калмыцкого переводчика, но, учитывая, что в перечне есть слово *Altan Gurguldéy* со значением ‘иволга’, отмеченное как «калмыцкое и монгольское» (т. е. всё точно так же, как в записи за 25 октября 1721 г., см. примеч. 36), все эти названия могли быть получены и раньше.

у Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга были разные калмыцкие словники. Более того, Ф. И. Страленберг мог записать словник еще до отправки в экспедицию. По наблюдениям Г. Дерфера, опубликованный словарь является больше ойратским, чем калмыцким [Doerfer, 1965, S. 87–89], а в Тобольске начала XVIII в. можно было встретить много ойратов, селившихся там при продвижении на запад.

Вопрос с калмыцким материалом у Д. Г. Мессершмидта требует дополнительной разработки. С одной стороны, нет достоверных сведений о существовании у Д. Г. Мессершмидта калмыцкого словаря; с другой стороны, зная скрупулезность немецкого ученого, сложно представить, чтобы он не оставил после работы с калмыцкими текстами никаких словарных записей³⁴. Менее двух десятков записанных в дневнике калмыцких слов – результат, не соответствующий описанным временным затратам. Кроме того, запись в дневнике калмыцкого названия для «белки»³⁵ 24 октября 1723 г. свидетельствует о том, что в распоряжении Д. Г. Мессершмидта могли быть какие-то калмыцкие записи³⁶.

Итак, в дневнике Ф. И. Страленбергом было записано пять небольших словников: камасинских татар, койбал-киштимских татар, татар с берегов реки Анаш, качинских татар, калмыков. Все эти словники были записаны как минимум при участии Д. Г. Мессершмидта; а последний, очевидно, – собственно Д. Г. Мессершмидтом. При этом татарские словники из дневников в книгу Ф. И. Страленберга не попали, и «*Harmonia linguarum*» не пополнилась татарским языковым материалом: как и в таблице 20-ти языков, татарам, названным обобщенно «сибирскими татарами», отведен только один столбец.

Что касается Д. Г. Мессершмидта, сохранившиеся источники свидетельствуют о проводившемся им самостоятельном сборе языкового материала еще во время пребывания в Тобольске, до отправления его экспедиции 1 марта 1721 г. Подтверждение тому – документ³⁷, представляющий собой тетрадку, заглавие которой, написанное на титульном листе, прямо называет имя ее составителя «*Vocabularium polyglotton Tattaricum adornatum à Daniele Gottlieb Messerschmidt Med. D. In itineribus per Sibiriam et circumjacentem Tattariam Magnam ab A[nn]o 1720 usque A[nn]um 17<>>*»³⁸. Тетрадь является подборкой словников, записанных в разных сибирских местностях. В большинстве случаев при отдельных перечнях указаны как места, так и время сбора словарного материала.

Как значится в названии рукописи и подтверждено ее содержанием, первые записи были сделаны Д. Г. Мессершмидтом еще в Тобольске. Перечень первой страницы предваряет заголовок: «Некоторые тюркские, или татарские, *vocabula*, полученные в Тобольске от бухар-

³⁴ Подобного рода «углубленные» занятия проводились с монгольским и тибетским языками под руководством буддистских наставников [Зорин, 2021; Сизова, 2021а; 2021б; Сизова и др., 2022; Бондарь, Зорин, 2022], и результатом этого стали два обширных словника; вместе с тем итог языковых занятий с индийским купцом в Иркутске в 1725 г. также не сохранился.

³⁵ Отметим, что две лексемы (*Krime* и *Taramæ'h*), интерпретированные Ф. И. Страленбергом как калмыцкие, Д. Г. Мессершмидтом записаны одна как калмыцкая, вторая как монгольская.

³⁶ С другой стороны, есть записи в татарском словаре Д. Г. Мессершмидта – «*Vocabularium*» (см. об этом ниже: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35), которые были сделаны задолго до того, как Д. Г. Мессершмидт занимался с калмыцким переводчиком. Одно из этих названий (*Mokeén* со значением ‘смола’), записанное в Томске весной 1721 г., идентифицировано как калмыцкое (Л. 9 об.); второе (*Altan Gurguldefy*) со значением ‘иволга’), записанное 25 октября 1721 г. в Красноярске, идентифицировано как «монголо-калмыцкое» (ср. это же слово в монгольском словнике: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 3. Л. 267 об.; Д. 4. Л. 72 об.; о его значении см. [Бондарь, Смирнов, 2021, с. 1322–1323]). Ни того, ни другого слова в опубликованном словаре Ф. И. Страленберга также нет. Для полноты картины добавим, что калмыцкий язык (точнее язык, охарактеризованный как «калмыцкий или монгольский») включен в «*Specimen der Zahlen und Sprachen*» Д. Г. Мессершмидта – только числительные от 1 до 10 (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 24) и «*Harmonia linguarum*» Ф. И. Страленберга – кроме числительных, полный перечень слов для своего класса (Strahlenberg, 1730).

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35.

³⁸ «Многоязычный татарский словарь, подготовленный Даниэлем Готтлибом Мессершмидтом, доктором медицины, в путешествиях по Сибири и прилегающей Великой Татарии с 1720 по 17<...> г.» Две последние цифры не указаны, но последние датированные записи в «*Vocabularium*» были сделаны летом 1723 г.

цев»³⁹. Время сбора этого материала не известно, однако, учитывая первую дату на обложке (1720 г.) и авторскую датировку следующих надписей словника 1721-м годом, временем получения сведений от бухарцев в Тобольске следует считать именно 1720 г., очевидно, до отправки Д. Г. Мессершмидта 26 июня 1720 г. на летнюю экскурсию в окрестности Тобольска, из которой он вернулся только 30 декабря.

Следующие за «бухарским» словником *vocabula*, как указано в авторских заголовках, были получены «по пути из Тобольска в Томск». Дальнейший словарный материал структурирован по датам. Первой обозначена дата 1 марта. Год не указан, однако заголовок выше не должен оставлять сомнения, что речь идет о 1 марте 1721 г. – дне выезда экспедиции из Тобольска в направлении Томска. В первый день пути, 1 марта 1721 г., было записано 29 словарных единиц⁴⁰, 2 марта – 76 единиц в двух деревнях, 3 марта – 8 единиц, 4 марта – 34 единицы в двух деревнях, 5 марта – 11 единиц, 6 марта – 57 единиц в двух деревнях, 7 марта – 58 единиц в двух деревнях, 8 марта – 35 единиц. Таким образом, первые восемь дней пути Д. Г. Мессершмидт записывал языковой материал ежедневно. Далее в словник включены 17 слов, записанных еще в Тобольске⁴¹, и 14 – уже в Томске⁴². Обращают на себя внимание отдельные формулировки этой части словаря – так же, как Ф. И. Страленберг в дневнике, Д. Г. Мессершмидт периодически употребляет здесь местоимение «мы»⁴³. После «томской» части словника, отделенной от следующих словарных записей горизонтальной чертой, меняется как графика, так и способ формирования вокабуляриев. Из немецко-татарских вокабуляриев превращаются в латинско-татарские или татарско-латинские; иногда эквиваленты даются на немецком или на двух (латинском и немецком) языках, русском в латинской транскрипции и кириллицей, иврите и др. Ни места, ни времени сбора следующей группы слов (42 записи) не указано. Шесть словников (1721 г. август – 17 словарных единиц⁴⁴, лето 1721 г. – 17 единиц и 22 единицы⁴⁵, 25 октября⁴⁶ – 20 единиц, 1 декабря – 5 единиц, 18 декабря – 10 единиц) были записаны в отсутствие Ф. И. Страленберга, совершавшего с 12 июля по 22 декабря 1721 г. самостоятельное путешествие⁴⁷. Затем, до даты окончательного отъезда Ф. И. Страленберга из экспедиции, Д. Г. Мессершмидтом был записан еще один обшир-

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

⁴⁰ Характеризуем записи как «словарные единицы», поскольку они могут представлять собой не только отдельные лексемы, но словосочетания. Семантически лексика самая разнообразная: части тела, предметы быта, продукты, животные; встречаются прилагательные, местоимения.

⁴¹ Очевидно, для этой записи Д. Г. Мессершмидт воспользовался какими-то своими рабочими заметками. В целом графическое оформление этой первой части словаря единообразно. Судя по всему, записи в тетрадку были перенесены относительно одновременно, во время какой-то длительной остановки (возможно, именно в Томске), что являлось частью рабочего метода ученого [Бондарь, 2021].

⁴² В Томск экспедиция прибыла 20 марта 1721 г.

⁴³ Например: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35. Л. 4 об.

⁴⁴ Как сообщает соответствующая отметка, слова были получены «Из Кузнецка в поездке 1721 г.», где Д. Г. Мессершмидт пребывал с 30 июля по 9 августа 1721 г.: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 25 (сведения о маршруте Д. Г. Мессершмидта в то время, когда Ф. И. Страленберг предпринимал самостоятельную поездку, содержатся в «Hodogeticum», являющемся составной частью рукописи Д. Г. Мессершмидта 1727 г. «Sibiria per-lustrata», ставшей итоговым отчетом о его сибирской экспедиции).

⁴⁵ Как словник, записанный в Кузнецке, так и эти две группы слов в 17 и 22 единицы, в «Vocabularium» помещены после записей за декабрь 1721 г., но записаны они были до прибытия в Абаканский острог: для 17-ти слов место и время записи не указаны, для 22-х слов отмечено, что они записаны на реке Томь, по которой Д. Г. Мессершмидт двигался летом 1721 г. в направлении Абаканского острога. Судя по всему, эти записи были внесены в словник из черновых заметок во время длительной стоянки (возможно, в Абаканском остроге).

⁴⁶ Год не указан, однако есть основания предполагать, что это именно 1721 г., поскольку одна из двух следующих декабрьских записей датирована 1721 г.

⁴⁷ Единичный характер работы подчеркивает употребление Д. Г. Мессершмидтом местоимения первого лица единственного числа: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35. Л. 10 об.

ный (более 200 единиц) словник: 2 апреля 1722 г. в Красноярске Д. Г. Мессершмидт записал «пермский» (т. е. коми) словник (*Permeckische Wörter*)⁴⁸.

Как объем «Vocabularium», так и методика его записи являются безусловными свидетельствами того, что языковой материал не был для Д. Г. Мессершмидта предметом простого любопытства, а был объектом целенаправленного сбора и обработки. «Vocabularium» демонстрирует интерес Д. Г. Мессершмидта к полилингвальной номинации, сформировавшийся, судя по всему, под влиянием зоологической (орнитологической) номенклатурной традиции, сложившейся в специальных работах к началу XVIII в. (см. об этом: [Бондарь, Поникаровская, 2021, с. 287; Бондарь, Смирнов, 2021, с. 1319]).

Свидетельством такого интереса и целенаправленного сбора языкового материала уже в самом начале экспедиции является еще один документ – «Перечень птиц, наблюдаемых в Сибирской земле» («Avium in Sibiriae Regno observatarum enumerationes»), который явился приложением к V рапорту Д. Г. Мессершмидта в Медицинскую Канцелярию от 2 ноября 1720 г., отправленному из Каменского⁴⁹. Перечень включает в себя 52 вида птиц, которых ученый наблюдал в Сибири, и является, по сути, многоязычной орнитологической номенклатурой; в каждой статье перечня вслед за перечислением видового названия на языках, представленных в естественнонаучной литературе того времени⁵⁰, Д. Г. Мессершмидт прибавляет названия на языках, с которыми к концу 1720 г. успел познакомиться в Сибири, включая наименования на шведском⁵¹, а также (абсолютное новшество для того времени) русском (в латинской и кириллической транскрипции) и языке сибирских татар.

Еще большее разнообразие видов (137 видов) и языковых эквивалентов предлагает второй, составленный по тому же принципу, перечень – «Опись птиц, обнаруженных в Сибирской земле» («Avium in Sibiriae Regno reperendarum lustrationes»), прилагавшийся к X рапорту от 20 мая 1722 г.⁵² и, как значится в самом рапорте⁵³, ставший дополнением к первому списку⁵⁴. За полтора года пребывания в экспедиции Д. Г. Мессершмидт расширил свои знания об орнитологической номенклатуре, в том числе благодаря собственным языковым исследованиям в полевых условиях. Например, к имевшемуся в предыдущем перечне татарскому названию орла (№ 1 в списке) *Kara-güsch* добавился вариант *Kara-küsch*, который, как мы понимаем благодаря записям в «Vocabularium», ученый получил в первый день путешествия – 1 марта 1721 г.⁵⁵ В этот же пункт было добавлено название *Kutsch*, взятое из упомянутого «пермяцкого» словника от 22 апреля 1722 г., записанное там со значением «орел» (*Adler; Aquila*)⁵⁶. Об особом внимании к языковому материалу свидетельствует прилагаемый к перечню 1722 г. сводный «Многоязычный указатель птиц, наблюдаемых в Сибирской земле» («Index polyglottos avium per Sibiriae Regnum observatarum») ⁵⁷. Сделано это, как подчеркивает Д. Г. Мессершмидт в рапорте, для того, «чтобы значительно облегчить его (перечня. – Л. Б.) просмотр»⁵⁸. Этот способ представления материала позволил автору составить своего

⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35. Л. 12 об. – 16. Далее «Vocabularium» содержит словники, записанные в период с 31 мая 1722 по июнь 1723 г. (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35. Л. 16 – 22 об.) (см. об этом: [Бондарь, 2022, с. 12–13]).

⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 58.

⁵⁰ В первую очередь у Ф. Виллоуби (Willughby, 1676); именно об этом говорит подзаголовок перечня: «<...> перечень по методу, принятому среди орнитологов» («<...> enumerationes methode inter ornithologos consignatæ»), со ссылкой на работу английского натуралиста.

⁵¹ Названия получены, очевидно, от шведских коллег в Тобольске.

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 66–81 (за исключением л. 67, который был вклеен внутри списка по ошибке).

⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Л. 135.

⁵⁴ Оба эти списка, совершенно аналогичные приложениям к рапортам, оформлены также в виде отдельных тетрадок: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Д. 24 (перечень 1720 г.); Д. 25 (перечень 1722 г.).

⁵⁵ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35. Л. 2 об.

⁵⁶ Там же. Л. 14.

⁵⁷ Там же. Д. 20. Л. 84 – 89 об.

⁵⁸ Там же. Д. 21. Л. 135.

рода международный справочник, позволяющий ориентироваться в нем по названию птицы в том или ином языке ⁵⁹.

«Vocabularium» и два орнитологических перечня являются свидетельством целенаправленной методичной работы по сбору языкового материала (естественнонаучной номенклатуры и повседневной лексики) на тех территориях, по которым проходила экспедиция. Уже на ранних этапах наметилась методика сбора и работы со словарным материалом, обозначился особый исследовательский «почерк» Д. Г. Мессершмидта.

Возвращаясь к вопросу документальных свидетельств лингвистических интересов Ф. И. Страленберга, необходимо отметить, что помимо словников в дневнике представлен разрозненный языковой материал, сопровождающий упоминания отдельных видов растений и животных, встречавшихся на пути следования экспедиции. Примеров таких записей довольно много, и в систематичности представления материала (не только в естественнонаучном, но и в языковом отношении) они существенно уступают позднейшим записям Д. Г. Мессершмидта. У Ф. И. Страленберга эти описания являются скорее отображением любопытства относительно объекта, привлекшего в какой-то момент внимание шведского путешественника, и его названия. Все они отличаются от тех, что сделаны Д. Г. Мессершмидтом; записи немецкого ученого почти всегда содержат научное определение, типологизацию и зачастую более или менее подробное описание.

Исследованию этого блока экспедиционных наблюдений Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга (роль которых в языковых исследованиях второстепенна) может быть посвящено отдельное исследование: подобного рода примеры многочисленны в записях как одного, так и другого путешественника, и материал для проведения их сравнительного анализа достаточно богат. Для примера приведем по несколько записей, сделанных обоими путешественниками ⁶⁰.

Запись Д. Г. Мессершмидта 11 июня 1722 г.: «*Pinus sativa* (по Турнефору, вид 1) ⁶¹, по-русски 'кедр' (*Kedr*), назывался здесь *Saraha*, а его шишки – *Küssück*, откуда и само дерево было названо *Kussün-agátsch* или 'ореховое дерево' (*Nuß=baum*)». Но в записях того же дня были сделаны и более короткие заметки: «*Rosa silvestris* по-татарски *ÿthporün*», «Местные татары подарили мне окуня, называемого *Alabugàh*, и щуку, называемую *Schortàn*» ⁶². За несколько дней до этого (8 июня 1722 г.): «Один крещеный татарин принес мне несколько щук, которых называл *Kogùn*. Другой подарил мне большую щуку <...>, которую назвал *Bastùgatsch*, при этом другие татары называют щуку *Shortàn*, так что я не знаю, чем объяснить эти различия» ⁶³. Характерна с точки зрения тщательности проработки языковых данных запись 12 июня 1722 г.: «<> *Scops* (по Альдрованди и Виллоуби) ⁶⁴, которого русские называют 'коню'кь' (*Konük*), хотя в *Dictionario trilingui Slavonico-Græco-Latino in 4to* ⁶⁵ 'каню'кь' озна-

⁵⁹ Еще одним документом, содержащим аналогичного рода лингвистический материал, является многотомная рукопись «Ornithologicon» [Бондарь, Смирнов, 2021, с. 1321], написание которой началось еще в Тобольске, 16 июня 1720 г., и к июню 1722 г. она уже состояла из пяти томов.

⁶⁰ В отношении Д. Г. Мессершмидта целесообразно остановиться на записях 1722 г. – непосредственно после отъезда его шведского спутника, чтобы отразить раннюю методику сбора и фиксации материала; в дальнейшем интерес к языковому материалу становился всё более глубоким и профессиональным [Бондарь, Поникаровская, 2021].

⁶¹ Ссылка на работу французского ботаника Жозефа Питтона де Турнефора (Joseph Pitton de Tournefort; 1656–1708), которая была в походной библиотеке Д. Г. Мессершмидта (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 133) (Tournefort, 1700, p. 585).

⁶² СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 152 об. – 153.

⁶³ Там же. Л. 151 об.

⁶⁴ Имеются в виду труды итальянского натуралиста Улиссе Альдрованди (Ulisse Aldrovandi; 1522–1605) (Aldrovandi, 1599) и английского натуралиста Фрэнсиса Виллоуби (Francis Willughby; 1635–1672) (Willughby, 1676).

⁶⁵ Имеется в виду словарь Ф. П. Поликарпова-Орлова 1704 г. «Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище».

чает *Milvum* ('коршун') <...>. Все татары называют его *Ssögergan*, по-немецки *Käuzlein* <...>⁶⁶.

В записях Ф. И. Страленберга тенденция выявления многоязычной номенклатуры не прослеживается; часто записаны названия на русском, встречаются названия на местных языках, обращение к латинской номенклатуре практически полностью отсутствует⁶⁷. В целом информация в записях представлена следующим образом. 28 марта 1721 г. путь путешественников пролегал через березовую рощу, где «здесь и там» из снега выглядывала длинная сухая трава. «Среди прочих нашли ту, что русские называют *Wanutsch* или 'вонючая трава' (*Stinkkraut*)»⁶⁸. В записи 10 апреля 1721 г., сообщая о встретившейся птице, Ф. И. Страленберг дает только ее русские названия (в латинской транскрипции): *Sokoll* и *Krätschett*⁶⁹. Запись от 1 июня 1721 г.: «Сегодня мы нашли вид дикого чеснока с широкими листьями, который русские называют *Kalba* (колба. – Л. Б.), или *Scheremscha*»⁷⁰, и т. д.

Аналогичным способом записывалась при знакомстве с местным укладом жизни и другая экзотическая лексика (как русская, так и татарская). К примеру, 7 июня 1721 г. вместе со сведениями о социальной структуре Томска Ф. И. Страленберг предложил русские названия для следующих категорий населения: *Dworonins*, *Simboyarki*, *Schlugiwi oder Casaken*, *Newirstani=deti=boyarski*, *Kasazii deti*, *Pozadni*, *Krästiani*, *Jasaschni*, *Gulaschniki*⁷¹.

В дневнике отражены также особые лингвистические интересы Ф. И. Страленберга, отмеченные уже в XVIII в., – его увлечение вопросами этимологии⁷². Этимологических экскурсов довольно много; приведем некоторые примеры. Так, показательной с точки зрения исследовательского взаимодействия двух коллег является запись за 19 марта 1721 г.: «Когда мы здесь спрашивали об одном и другом и всегда получали в ответ *jock*, господин доктор вспомнил немецкую поговорку "Du hast gejockt" (т. е. солгал), думая, не происходит ли это от татарского слова *jock*, также много есть слов, про которые не ясно, откуда они происходят, например *Dorogga* в славянском языке означает *ein Wegg*, могло бы свое происхождение иметь от еврейского слова דָּרוֹחַ *Dāröch*, т. е. *via etc.*»⁷³ Очевидно, что и версию происхождения русского слова «дорога» из иврита мог предложить Д. Г. Мессершмидт, хорошо знавший этот язык.

Другой пример этимологических построений – из числа тех, что могли вызывать недовольство Г. Ф. Миллера. 28 марта 1721 г. путешественник пишет: «Здесь мы узнали, что в этой местности должен водиться очень большой орел, которого они называют *Burküht*, каковое слово является татарским названием, а местные крестьяне произносят его очень чудно. Одни говорят *Mýrkútt*, другие же *Birkútt*, а, так как татарами на Лене город Иркутск называется *Búrkuht* или *Burküht*, я предполагаю, что название *Ýrkútt* возникло от того, что вокруг есть много гор и здесь водится много орлов...»⁷⁴.

⁶⁶ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 153 об.

⁶⁷ Показательно, что в целом ряде случаев при записях Ф. И. Страленберга о растениях и животных позднее, на полях, Д. Г. Мессершмидт делал пометки с номенклатурными названиями вида и отсылками к научной литературе.

⁶⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 41 об.

⁶⁹ Там же. Л. 46 об.

⁷⁰ Там же. Л. 56 об.

⁷¹ Там же. Л. 57 об. – 58.

⁷² На это обратили внимание еще Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин, считая именно этимологические экскурсии слабой стороной книги [Müller, 1764, S. 86–87; Gmelin, 1751]. Г. Ф. Миллер характеризовал шведского путешественника как «страстного любителя исследования слов» (*ein ungemeiner Liebhaber der Wortforschung*), сокрушаясь при этом, что тот «не знал границ своей фантазии, приводившей его нередко к самым рискованным заключениям (*die abenteuerischen Sätze*)». Критика Г. Ф. Миллера распространялась и на консультанта – ориенталиста Георгия Яковлевича Кера (Georg Jacob Kehr; 1692–1740), с которым Ф. И. Страленберг познакомился в Лейпциге (в 1732 г. Г. Я. Кер был приглашен на русскую службу, где работал до конца своих дней) и которому Ф. И. Страленбергом было предоставлено право внесения правок (Strahlenberg, 1730, S. 313). Из книг немецких авторов это мнение об увлечении этимологией перекочевало и в русскоязычные работы [Пекарский, 1862, с. 353; Булич, 1904, с. 202].

⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 26 – 26 об.

⁷⁴ Там же. Л. 40 об. – 41.

Таким образом, внимательное изучение имеющихся в нашем распоряжении архивных документов первой научной экспедиции в Сибирь в сопоставлении с материалами опубликованной в 1730 г. книги позволяют сделать вполне определенные выводы о характере и масштабах лингвистических занятий двух коллег и сотоварищей по сибирскому путешествию Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга. Следует признать, что даже во время совместного путешествия немецкий и шведский исследователи осуществляли самостоятельную фиксацию полученных от местного населения языковых сведений (*vocabula*), хотя опросы чаще всего проводились, очевидно, совместно (об этом свидетельствует употребление в записях местоимения первого лица множественного числа). При этом Ф. И. Страленберг записанные им данные дублировал в путевом дневнике (возможно, не полностью – на эту мысль наводит употребление выражение «etc.» в завершении перечня 13 мая 1722 г.). О наличии записей языкового характера, утерянных при возвращении из Сибири, Ф. И. Страленберг сообщает в своей книге, и у нас нет никаких оснований не доверять его словам. По причине этой утраты данные о языке сибирских татар, записанные во время совместного с Д. Г. Мессершмидтом путешествия, могли не попасть в опубликованную книгу. Что касается изучения калмыцкого языка весной 1722 г., похоже на то, что этому занятию предавался только Д. Г. Мессершмидт, у Ф. И. Страленберга к этому времени уже мог быть довольно обширный калмыцкий словник, составленный им еще до отъезда из Тобольска, который и вошел в книгу 1730 г.

Тот факт, что Д. Г. Мессершмидт осуществлял самостоятельный сбор языкового материала, не должен вызывать сомнений: у нас в распоряжении имеются словарные материалы, собранные им во время поездки в отсутствие шведского товарища, и совершенно очевидно осуществление Д. Г. Мессершмидтом целенаправленного и систематического составления естественнонаучных номенклатур – сначала орнитологической, затем и других. Можно с осторожностью предположить, что именно Д. Г. Мессершмидт был инициатором и «методистом» в работе с информантами: данные о сборе словарного материала в той части дневника, которую вел Ф. И. Страленберг во время самостоятельного путешествия, не обнаружены.

С позиций новых наблюдений можно высказать предположения и относительно взаимосвязи двух таблиц: «Specimen der Zahlen und Sprache» из бумаг Д. Г. Мессершмидта и «Harmonia linguarum» из книги Ф. И. Страленберга. Судя по сведениям Ф. П. Аделунга и информации из текста IV рапорта, отправленное в Петербург приложение к IV рапорту могло включать таблицу только числительных 20-ти языков (в соответствии с предложенной Г. Ф. Лейбницем методикой); это приложение к IV рапорту (следует помнить, что оригинал IV рапорта в СПбФ АРАН отсутствует) могло оказаться у Л. И. Бакмейстера. Далее шло пополнение этой таблицы; точно она была дополнена еще во время пребывания Ф. И. Страленберга в Сибири (преимущество двух таблиц была показана в статье [Манастер Рамер, Бондарь, 2018]), Ф. И. Страленберг не оставил эту работу и после возвращения на родину, представив в своей книге значительно более расширенную версию. Судя по всему, работа по сравнительному наблюдению над языками представляла для Ф. И. Страленберга особый интерес; с этим согласуется и его страсть к этимологии. Цели Д. Г. Мессершмидта при сборе языкового материала определялись скорее составлением многоязыковых номенклатур, своего рода «лингвистических коллекций»; его компаративистский интерес стал очевиден лишь со временем, в частности при разработке явления, которому Д. Г. Мессершмидт дал определение «Teuto-Slavonismus». Так, и работа над таблицей 20-ти языков у Д. Г. Мессершмидта, возможно, закончилась с отъездом из экспедиции Ф. И. Страленберга; имеющийся в СПбФ АРАН экземпляр таблицы может являться копией (не исключено, что доработанной после отправки рапорта), оставленной путешественником себе: наличие в архивных бумагах Д. Г. Мессершмидта дублетов приложений к V и X рапортам – перечней птиц – может свидетельствовать о том, что в архивный фонд в итоге попали как отправленные в Петербург материалы, так и копии, оставленные путешественником у себя после отправки рапортов.

В любом случае для обоих исследователей мы должны признать самостоятельные лингвистические занятия, имевшие при этом в своей основе разные интересы и цели. Следует также считать, что, несмотря на упоминание Ф. И. Страленбергом во введении к своей книге о коллеге, более достойном считаться автором опубликованных данных⁷⁵, Ф. И. Страленберг обнаружил в книге собственные лингвистические (в том числе этимологические) наблюдения и собственный языковой материал, в сборе которого тем или иным способом мог и должен был принимать участие Д. Г. Мессершмидт. Исследовательские траектории обоих путешественников неизбежно должны были пересекаться в условиях совместного путешествия и совместной работы на протяжении долгого времени – даже если путешественники не делились друг с другом своими записями, то не могли не делиться идеями и выводами.

Список литературы

- Бондарь Л. Д.** «Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völcker»: о датировке одного документа из архива Д. Г. Мессершмидта // *Aus Sibirien* – 2019: научно-информационный сборник. Тюмень, 2020. С. 21–24.
- Бондарь Л. Д.** Рабочие зарисовки Д. Г. Мессершмидта как исторический источник // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): Сб. ст. СПб., 2021. С. 199–213. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки, 19)
- Бондарь Л. Д.** Д. Г. Мессершмидт как лингвист // Словарные материалы в документальном наследии Д. Г. Мессершмидта: монгольский и тибетский словники. СПб., 2022. С. 9–20. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Supplementum 10)
- Бондарь Л. Д., Зорин А. В.** Лексикографические занятия Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735): методика работы по сбору и обработке языкового материала // *Индоевропейское языкознание и классическая филология XXVI (2)* (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 27–29 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 1235–1257.
- Бондарь Л. Д., Лефельдт В., Тункина И. В.** Д. Г. Мессершмидт как ученый-пиетист // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): Сб. ст. СПб., 2021. С. 28–36. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки, 19)
- Бондарь Л. Д., Поникаровская М. В.** Зоолог или лингвист? Работа Д. Г. Мессершмидта с зоологической лексикой // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): Сб. ст. СПб., 2021. С. 275–290. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки, 19)
- Бондарь Л. Д., Смирнов А. В.** Словарный материал в научном наследии Д. Г. Мессершмидта и особенности интерпретации зоологической лексики // *Индоевропейское языкознание и классическая филология XXV (2)* (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 21–23 июня 2021 г. СПб., 2021. С. 1311–1339.
- Бубрих Д. В.** Финно-угорское языкознание в СССР // *Финно-угорский сборник*. Л., 1928. С. 77–134.
- Булич С. К.** Очерк истории языкознания в России. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1904. Т. 1. 1248 с.
- Вдовин И. С.** История изучения палеоазиатских языков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 166 с.
- Зорин А. В.** Тибетский словник в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): Сб. ст. СПб., 2021. С. 319–329. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки, 19)
- Зорин А. В., Иванов В. П.** Мультиязычный перевод молитвы «Отче наш» в документальном наследии Д. Г. Мессершмидта // *Письменные памятники Востока*. 2022. Т. 19, № 1. С. 33–51.

⁷⁵ В предисловии к книге Ф. И. Страленберг пишет: «Я ждал скорого возвращения моего хорошего друга, который провел в названных отдаленных краях еще больше времени, чем я, чтобы он вместо меня принял на себя этот труд, поскольку он как ученый сделал бы это, вероятно, лучше» (Strahlenberg, 1730, S. b2).

- Казанский Н. Н.** Даниэль Готлиб Мессершмидт в гостях у читинского богача: эпиграмма, написанная 4 марта 1725 года в подражание Марциалу // *Номо omnium horarum*: Сб. ст. в честь 70-летия А. В. Подосинова. М., 2020а. С. 262–271.
- Казанский Н. Н.** Два латинских посвящения Даниэля Готлиба Мессершмидта Иоганну Филиппу Брейну (1680–1764) // *Philologia Classica*. 2020б. Vol. 15. Fasc. 2. С. 230–245.
- Казанский Н. Н.** Орфоэпия, орфография и филология (эпиграмма Даниэля Готлиба Мессершмидта “*In prava Russorum quod prava pronuntiant*”) // *Вестник Санкт-Петербург. ун-та*. 2020в. Т. 17, вып. 4. С. 557–570.
- Казанский Н. Н.** К изучению латинских стихотворений Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки, 19). СПб., 2021. С. 53–56.
- Катанов Н. Ф.** Швед Филипп-Иоганн Страленберг и труды его по России и Сибири (начала XVIII века): Доложено в Общем собрании Общества археологии, истории и этнографии 30 апреля 1902 г. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1903. 5 с.
- Ксенофонтов Г. В.** Ураангхай-Сахалар. Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. Т. 1: Очерки по древней истории якутов. 572 с.
- Лефельдт В., Кнюппель М., Тункина И. В., Элерт А. Х.** Письмо Ф. И. фон Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему о народах и древностях Сибири // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): Сб. ст. СПб., 2021. С. 119–142. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки, 19)
- Манастер Рамер А., Бондарь Л. Д.** Об авторстве «*Harmonia linguarum*», опубликованной Ф. И. Страленбергом // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Междунар. науч. конф., 24–26 мая 2018 г. СПб., 2018. С. 395–427. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки, 14)
- Напольских В. В.** Дважды забытый (Д. Г. Мессершмидт – первый исследователь удмуртского языка и культуры) // *Арт. Литературно-художественный журнал Республики Коми*. 1998. № 4. URL: <http://www.komi.com/pole/publ/history/11.asp> (дата обращения 24.04.2021).
- Напольских В. В.** Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи. Декабрь 1726 г. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с.
- Новлянская М. Г.** Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.
- Пекарский П. П.** Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Изд-во Тов-ва «Общественная польза», 1862. Т. 1. 578 с.
- Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля – 5 марта 1926 г. [Стенографический отчет]. Баку: [б. и.], 1926. 426 с.
- Савинов Д. Г., Тункина И. В.** «Тесинский богатырь»: возвращение к оригиналу // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2018. № 6. С. 29–51.
- Сизова А. А.** Сведения о монгольских языках в дневниках Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): Сб. ст. СПб., 2021а. С. 330–342. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки, 19)
- Сизова А. А.** Бурятская и иноязычная лексика в монгольском словнике Д. Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): Сб. ст. СПб., 2021б. С. 343–351. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки, 19)
- Сизова А. А., Зорин А. В., Бондарь Л. Д.** Словарные материалы в документальном наследии Д. Г. Мессершмидта: монгольский и тибетский словники. СПб., 2022. 456 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Supplementum, 10)
- Тепляшина Т. И.** Памятники удмуртской письменности XVIII века. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1965. Вып. 1. 324 с.

- Терюков А. И.** У истоков современного финно-угроведения. Филипп Иоганн Страленберг // Арт: Литературно-художественный журнал Республики Коми. 2008. № 2. С. 116–125.
- Черказьянова И. В.** Школа пленных шведов в Тобольске: Опыт культурных контактов Германии и России // Немцы в России: Российско-германский диалог. СПб., 2001. С. 155–168.
- Эрендженова О. Е.** Дж. Крюгер о калмыко-монгольском словаре Ф.-И. Страленберга // Монголоведение. 2004. № 3 (1). С. 299–308.
- Adelung F.** Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. St. Petersburg, F. Drechsler, 1815, 237 S.
- Bacmeister J.** Essai sur la bibliothèque et le cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des sciences de Saint Petersburg. [St. Petersburg], De l'Imprimerie Privilegiée de Weitbrecht & Schnoor, 1776, 254 p.
- Bayer T. S.** Elementa litteraturae brahmanicae tangutanae mungalicae. *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, 1732, vol. 3, pp. 389–422.
- Bondar L., Bischoff U.** Die Expedition D. G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. 23–25 апреля 2013 г. СПб., 2013. С. 251–256. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки, 4)
- Doerfer G.** Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827). Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1965, 253 S.
- Donner O.** Die ural-altaischen Sprachen. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 1901, Bd. 1, S. 128–146.
- Georgi J. G.** Geographisch-physikalische und Naturhistorische Beschreibung des Rußischen Reichs zur Uebersicht bisheriger Kenntnisse von demselben, tl. 1. Allgemeine Landesbeschreibung. Königsberg, Bey Friedrich Nicolovius, 1797, 374 S.
- Gmelin J. G.** Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Tl. 1. Göttingen, A. Vandenhoeck, 1751. 467 S.
- Hämäläinen A.** Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karls XII. *Journal de la Société finno-ougrienne*, 1937–1938, vol. 49, 4, S. 1–55.
- Helinski E.** Die matorische Sprache. Wörterverzeichnis. Grundzüge der Grammatik. Sprachgeschichte. Szeged, Typo System, 1997, 475 S.
- Klaproth J.** Asia Polyglotta. Paris, A. Schubart, 1823, 443 p.
- Knüppel M.** Zwei Briefe Philipp Johann von Strahlenbergs an Curt Friedrich von Wreech aus den Jahren 1723 und 1724. *Acta Orientalia*, 2018, Bd. 79, S. 111–131.
- Knüppel M.** Einige Bemerkungen zu den Darstellungen sibirischer Felsbilder bei N. Witsen (1785) // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): Сб. ст. СПб., 2021. С. 240–251. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки, 19)
- Krueger J. R.** The Kalmyk-Mongol Vocabulary in Stralenberg's Geography of 1730 (*Asiatica Suecana: Early 18th Century Documents and Studies*, 1). Stockholm, Almqvist and Wiksell International, 1975, 205 p.
- Manaster Ramer A., Sidwell P.** The Truth about Strahlenberg's Classification of the Languages of Northeastern Eurasia. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1997, vol. 87, pp. 139–160.
- Müller G. F.** Sammlung russischer Geschichte. St. Petersburg, Bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften, 1764, Bd. 9, 568 S.
- Pallas P. S.** Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völker-Beschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie, bd. 3. St. Petersburg, Leipzig, Bey Johann Zacharias Logan, 1782, 410 S.
- Setälä E. N.** Lisiä suomalais-ugrilaisen kielentutkimuksen historian. *Suomi*, 1892, vol. 3, V, S. 181–350.
- Wikander S.** Karoliner och språkforskare Strahlenber (1676–1747) trehundra år. *Nordisk Tidskrift för vetenskap, konst och industri*, 1976, N. s. 52, S. 227–229.

Список источников

- Шничер И. Х.** Записка шведского капитана Иоанна Христиана Шничера, который был у китайских посланников, бывших в 1714 году у Аюки хана в провожатых // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. № 11. С. 428–440.
- Aldrovandi U.** Ornithologiae hoc est de avibus historiae libri XII. Bononiae: Apud Franciscum de Franciscis Senensem, 1599, 893 p.
- Messerschmidt D. G.** Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Tl. 1–5 / Hrsg. von E. Winter u. a. Berlin, Akademie-Verlag, 1962–1977. 380, 272, 274, 284, 156 S. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, 8)
- Schnitscher J. Ch.** Berättelse om Ajuckinska Calmuckieteller om detta folkets ursprung, huru de kommit under ryssarnas lydno, deras gudar, gudsdyrkan och prester, huru de skiftas uti 4 ulusser eller folkhopar, deras politike och philosphia medflera deras lefwernes sätt och seder så wid bröllop som begrafningar. Stockholm: Tryck hos Lars Salvius, 1744, 68 S.
- Strahlenberg Ph. J.** Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Siberien und der grossen Ttarey in sich begreiffet in einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völcker, Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario. Stockholm, in Verlegung des Autoris, 1730.
- Tournefort J. P.** Institutiones rei herbariae. Parisiis, E Typographia Regia, 1700, vol. 1, 695 p.
- Willughby F.** Ornithologiae libri tres. Londini, Regiae Societatis Typographi, 1676, 307 p.

References

- Adelung F.** Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. St. Petersburg, F. Drechsler, 1815, 237 S.
- Bacmeister J.** Essai sur la bibliothèque et le cabinet de curiosités et d’histoire naturelle de l’Académie des sciences de Saint Petersburg. [St. Petersburg], De l’Imprimerie Privilegiée de Weitbrecht & Schnoor, 1776, 254 p.
- Bayer T. S.** Elementa litteraturae brahmanicae tangutanae mungalicae. *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, 1732, vol. 3, pp. 389–422.
- Bondar L. D.** “Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völcker”: o datirovke odnogo dokumenta iz arkhiva D. G. Messerschmidta [“Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völcker”: on the Dating of a Document from the Archive of D. G. Messerschmidt]. In: Aus Sibirien – 2019: nauchno-informatsionnyi sbornik [Aus Sibirien – 2019: Scientific-Informational Collection]. Tyumen, 2020, pp. 21–24. (in Russ.)
- Bondar L. D.** Rabochie zarisovki D. G. Messerschmidta kak istoricheskii istochnik [Sketches of D. G. Messerschmidt as a Historical Source]. In: K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messerschmidta v Sibir’ (1719–1727) [To the 300th Anniversary of the Beginning of the Daniel Gottlieb Messerschmidt’s Expedition to Siberia (1719–1727)]. Collection of Articles. St. Petersburg, 2021, pp. 199–213. (in Russ.)
- Bondar L. D.** D. G. Messerschmidt kak yazykoved [D. G. Messerschmidt as a Linguist]. Slovarnye materialy v dokumental’nom nasledii D. G. Messerschmidta: mongol’skii i tibetskii slovniki [Dictionary Materials in the Documentary Heritage of D. G. Messerschmidt: Mongolian and Tibetan Dictionaries]. St. Petersburg, 2022, pp. 9–20. (in Russ.)
- Bondar L., Bischoff U.** Die Expedition D. G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen. In: Millerovskie chteniya: K 285-letiyu Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk [Mueller’s Readings: To the 285th Anniversary of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. A Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference on April 23–25, 2013. St. Petersburg, 2013, pp. 251–256.
- Bondar L. D., Lefeldt V., Tunkina I. V.** D. G. Messerschmidt kak uchenyi-pietist [D. G. Messerschmidt as a Pietist Scientist]. In: K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Mes-

sershmidta v Sibir' (1719–1727) [To the 300th Anniversary of the Beginning of the Expedition of Daniel Gottlieb Messerschmidt to Siberia (1719–1727)]. Collection of Articles. St. Petersburg, 2021, pp. 28–36. (in Russ.)

- Bondar L. D., Ponikarovskaya M. V.** Zoolog ili lingvist? Rabota D. G. Messershmidta s zoologicheskoi leksikoi [Zoologist or Linguist? The Work of D. G. Messerschmidt with Zoological Vocabulary]. In: K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messershmidta v Sibir' (1719–1727) [To the 300th Anniversary of the Beginning of the Expedition of Daniel Gottlieb Messerschmidt to Siberia (1719–1727)]. Collection of Articles. St. Petersburg, 2021, pp. 275–290. (in Russ.)
- Bondar L. D., Smirnov A. V.** Slovarnyi material v nauchnom nasledii D. G. Messershmidta i osobnosti interpretatsii zoologicheskoi leksiki [Dictionary Material in the Scientific Heritage of D. G. Messerschmidt and Peculiarities of the Interpretation of Zoological Vocabulary]. In: Indoevropayskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya XXV (2) (chteniya pamyati I. M. Tronskogo). Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, prokhodivshei 21–23 iyunya 2021 g. [Indo-European Linguistics and Classical Philology XXV (2) (Readings in Memory of I. M. Tronsky). Materials of the International Conference held on June 21–23, 2021]. St. Petersburg, 2021, pp. 1311–1339. (in Russ.)
- Bondar L. D., Zorin A. V.** Leksikograficheskie zanyatiya Danielya Gotliba Messershmidta (1685–1735): metodika raboty po sboru i obrabotke yazykovogo materiala [Lexicographic Studies of Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735): Methods of Collection and Processing of Language Material]. In: Indoevropayskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya XXVI (2) (chteniya pamyati I. M. Tronskogo). Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, prokhodivshei 27–29 iyunya 2021 g. [Indo-European Linguistics and Classical Philology XXVI (2) (Readings in Memory of I. M. Tronsky). Materials of the International Conference Held on June 27–29, 2021]. St. Petersburg, 2022, pp. 1235–1257. (in Russ.)
- Bubrikh D. V.** Finno-ugorskoe yazykoznanie v SSSR [Finno-Ugric Linguistics in the USSR]. *Finno-ugorskii sbornik* [Finno-Ugric Collection]. Leningrad, 1928, pp. 77–134. (in Russ.)
- Bulich S. K.** Ocherk istorii yazykoznaniiya v Rossii [An Essay on the History of Linguistics in Russia]. St. Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva, 1904, vol. 1, 1248 p. (in Russ.)
- Cherkazyanova I. V.** Shkola plennykh shvedov v Tobol'ske: Opyt kul'turnykh kontaktov Germanii i Rossii [School of Captured Swedes in Tobolsk: The Experience of Cultural Contacts between Germany and Russia]. In: Nemtsy v Rossii: Rossiisko-germanskii dialog [Germans in Russia: Russian-German Dialogue]. St. Petersburg, 2001, pp. 155–168. (in Russ.)
- Doerfer G.** Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827). Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1965, 253 S.
- Donner O.** Die ural-altaischen Sprachen. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 1901, Bd. 1, S. 128–146.
- Erendzhenova O. E.** Dzh. Kryuger o kalmyko-mongol'skom slovare F.-I. Stralenberga [J. Krueger on the Kalmyk-Mongolian Dictionary by Ph. J. Strahlenberg]. In: *Mongolovedenie* [Mongol Studies], 2004, no. 3 (1), pp. 299–308. (in Russ.)
- Georgi J. G.** Geographisch-physikalische und Naturhistorische Beschreibung des Rußischen Reichs zur Uebersicht bisheriger Kenntnisse von demselben, tl. 1. Allgemeine Landesbeschreibung. Königsberg, Bey Friedrich Nicolovius, 1797, 374 S.
- Gmelin J. G.** Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Tl. 1. Göttingen, A. Vandenhoeck, 1751. 467 S.
- Hämäläinen A.** Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karls XII. *Journal de la Société finno-ougrienne*, 1937–1938, vol. 49, 4, pp. 1–55.
- Helimski E.** Die matorische Sprache. Wörterverzeichnis. Grundzüge der Grammatik. Sprachgeschichte. Szeged, Typo System, 1997, 475 S.
- Katanov N. F.** Shved Filipp-Iogann Stralenberg i trudy ego po Rossii i Sibiri (nachala XVIII veka): Dolozheno v Obshchem sobranii Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii 30 aprelya 1902 g. [The Swede Philip Johann Stralenberg and His Works on Russia and Siberia (the Be-

- ginning of the 18th Century): It was Reported at the General Meeting of the Society of Archaeology, History and Ethnography on April 30, 1902]. Kazan, Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1903, 5 p. (in Russ.)
- Kazansky N. N.** Daniel' Gotlib Messershmidt v gostyakh u chitinskogo bogacha: epigramma, napisannaya 4 marta 1725 goda v podrazhanie Martsialu [Daniel Gottlieb Messerschmidt Visiting the Rich Man in Chita Region: An Immitation of Martial's Epigram Written on March 4, 1725]. In: Homo omnium horarum. A Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of A. V. Podosinov. Moscow, 2020, pp. 262–271. (in Russ.)
- Kazansky N. N.** Dva latinskikh posvyashcheniya Danielya Gotliba Messershmidta Iogannu Filippu Breinu (1680–1764) [Two Latin Epigrams by Daniel Gottlieb Messerschmidt Dedicated to Johann Philipp Breyne (1680–1764)]. *Philologia Classica*, 2020b, vol. 15, fasc. 2, pp. 230–245. (in Russ.)
- Kazansky N. N.** Orfoepiya, orfografiya i filologiya (epigramma Danielya Gotliba Messershmidta "In πpava Russorum quod prava pronuntiant") [Orthoepia, Orthography and Philology (An Epigram by Daniel Gottlieb Messerschmidt "In πpava Russorum quod prava pronuntiant")]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2020, vol. 17, iss. 4, pp. 557–570. (in Russ.)
- Kazansky N. N.** K izucheniyu latinskikh stikhotvorenii D. G. Messershmidta [To the Study of Latin Epigrams by D. G. Messerschmidt]. In: K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messershmidta v Sibir' (1719–1727): sbornik statei [To the 300th Anniversary of the Beginning of the Daniel Gottlieb Messerschmidt's Expedition to Siberia (1719–1727): Collection of Articles]. St. Petersburg, 2021, p. 53–56. (in Russ.)
- Klaproth J.** Asia Polyglotta. Paris, A. Schubart, 1823, 443 p.
- Knüppel M.** Zwei Briefe Philipp Johann von Strahlenbergs an Curt Friedrich von Wreech aus den Jahren 1723 und 1724. *Acta Orientalia*, 2018, Bd. 79, S. 111–131.
- Knüppel M.** Einige Bemerkungen zu den Darstellungen sibirischer Felsbilder bei N. Witsen (1785). In: K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messershmidta v Sibir' (1719–1727) [To the 300th Anniversary of the Beginning of the Daniel Gottlieb Messerschmidt's Expedition to Siberia (1719–1727)]. Collection of Articles. St. Petersburg, 2021, pp. 240–251.
- Krueger J. R.** The Kalmyk-Mongol Vocabulary in Strahlenberg's Geography of 1730 (Asiatica Suecana: Early 18th Century Documents and Studies, 1). Stockholm, Almqvist and Wiksell International, 1975, 205 p.
- Ksenofontov G. V.** Uraanghai-Sakhalar. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1937, vol. 1: Ocherki po drevnei istorii yakutov [Essays on the Ancient History of the Yakuts], 572 p. (in Russ.)
- Lefeldt V., Knüppel M., Tunkina I. V., Elert A. Kh.** Pis'mo F. I. fon Stralenberga E. Bentseliusu Mladshemu o narodakh i drevnostyakh Sibiri [Ph. J. von Strahlenberg's Letter to E. Benzelius the Younger on the Peoples and Antiquities of Siberia]. In: K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messershmidta v Sibir' (1719–1727) [To the 300th Anniversary of the Beginning of the Daniel Gottlieb Messerschmidt's Expedition to Siberia (1719–1727)]. Collection of Articles. St. Petersburg, 2021, pp. 119–142. (in Russ.)
- Manaster Ramer A., Bondar L. D.** Ob avtorstve "Harmonia linguarum", opublikovannoi F. I. Stralenbergom [About the Authorship of "Harmonia linguarum", Published by Ph. J. Strahlenberg]. In: Millerovskie chteniya – 2018: Preemstvennost' i traditsii v sokhranении i izuchenii dokumental'nogo akademicheskogo naslediya [Mueller's Readings – 2018: Continuity and Traditions in the Preservation and Study of the Documentary Academic Heritage]. Materials of the 2nd International Scientific Conference, May 24–26, 2018. St. Petersburg, 2018, pp. 395–427. (in Russ.)
- Manaster Ramer A., Sidwell P.** The Truth about Strahlenberg's Classification of the Languages of Northeastern Eurasia. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 1997, vol. 87, pp. 139–160.

- Müller G. F.** Sammlung russischer Geschichte. St. Petersburg, Bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften, 1764, Bd. 9, 568 S.
- Napolskikh V. V.** Dvazhdy zabytyi (D. G. Messerschmidt – pervyi issledovatel' udmurtskogo yazyka i kul'tury) [Twice Forgotten (D. G. Messerschmidt – the First Researcher of the Udmurt Language and Culture)]. *Art. Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal Respubliki Komi* [Art. Literary and Artistic Magazine of the Komi Republic], 1998, no. 4. (in Russ.) URL: <http://www.komi.com/pole/publ/history/11.asp> (accessed 24.04.2021).
- Napolskikh V. V.** Udmurtskie materialy D. G. Messerschmidta. Dnevnikovye zapisi. Dekabr' 1726 g. [Udmurt Materials of D. G. Messerschmidt. Diary Records. December 1726]. Izhevsk, Udmurtiya, 2001, 224 p. (in Russ.)
- Novlyanskaya M. G.** Daniil Gotlib Messerschmidt i ego raboty po issledovaniyu Sibiri [Daniel Gottlieb Messerschmidt and his Works on the Study of Siberia]. Leningrad, Nauka, 1970, 184 p. (in Russ.)
- Pallas P. S.** Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völker-Beschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie, bd. 3. St. Petersburg, Leipzig, Bey Johann Zacharias Logan, 1782, 410 S.
- Pekarsky P. P.** Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom [Science and Literature in Russia in the Age of Peter the Great]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1862, vol. 1, 578 p. (in Russ.)
- Pervyi Vsesoyuznyi tyurkologicheskii s'ezd 26 fevralya – 5 marta 1926 g. (Stenograficheskiy otchet) [The First All-Union Turkological Congress on February 26 – March 5, 1926 (Stenographic Report)]. Baku, 1926, 426 p. (in Russ.)
- Savinov D. G., Tunkina I. V.** "Tesinskii bogatyr": vozvrashchenie k originalu ["Tesinsky Bogatyr": Return to the Original]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology], 2018, no. 6, pp. 29–51. (in Russ.)
- Setälä E. N.** Lisiä suomalais-ugrilaisen kielentutkimuksen historian. *Suomi*, 1892, vol. 3, V, S. 181–350.
- Sizova A. A.** Svedeniya o mongol'skikh yazykakh v dnevnikakh D. G. Messerschmidta [Information about the Mongolian Languages in the D. G. Messerschmidt's Diaries]. In: K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messerschmidta v Sibir' (1719–1727) [To the 300th Anniversary of the Beginning of the Daniel Gottlieb Messerschmidt's Expedition to Siberia (1719–1727)]. Collection of Articles. St. Petersburg, 2021, pp. 330–342. (in Russ.)
- Sizova A. A.** Buryatskaya i inoyazychnaya leksika v mongol'skom slovnikе D. G. Messerschmidta [Buryat and Foreign Words in the Mongolian Vocabulary Compiled by D. G. Messerschmidt]. In: K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messerschmidta v Sibir' (1719–1727) [To the 300th Anniversary of the Beginning of the Daniel Gottlieb Messerschmidt's Expedition to Siberia (1719–1727)]. Collection of Articles. St. Petersburg, 2021, pp. 343–351. (in Russ.)
- Sizova A. A., Zorin A. V., Bondar L. D.** Slovarnye materialy v dokumental'nom nasledii D. G. Messerschmidta: mongol'skii i tibetskii slovniki [Dictionary Materials in the Documentary Heritage of D. G. Messerschmidt: Mongolian and Tibetan Dictionaries]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2022, 456 p. (in Russ.)
- Tepliyashina T. I.** Pamyatniki udmurtskoi pis'mennosti XVIII veka [Materials of Udmurt Writing of the 18th Century]. Moscow, Institut Yazukoznaniya AN SSSR, 1965, iss. 1, 324 p. (in Russ.)
- Teryukov A. I.** U istokov sovremennogo finno-ugrovedeniya. Filipp Iogann Stralenberg [At the Origins of Modern Finno-Ugric Studies. Philip Johann Stralenberg]. *Art. Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal Respubliki Komi* [Art. Literary and Artistic Journal of the Komi Republic], 2008, no. 2, pp. 116–125. (in Russ.)
- Vdovin I. S.** Istoriya izucheniya paleoaziatskikh yazykov [The History of the Study of Paleoasiatic Languages]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1954, 166 p. (in Russ.)
- Wikander S.** Karoliner och språkforskare Strahlenber (1676–1747) trehundra år. *Nordisk Tidskrift för vetenskap, konst och industri*, 1976, N. s. 52, S. 227–229.

- Zorin A. V.** Tibetskii slovník v putevom dnevníke D. G. Messerschmidta [The Tibetan Vocabulary Found in the D. G. Messerschmidt's Travel Diary]. In: K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messerschmidta v Sibir' (1719–1727) [To the 300th Anniversary of the Beginning of the Daniel Gottlieb Messerschmidt's Expedition to Siberia (1719–1727)]. Collection of Articles. St. Petersburg, 2021, pp. 319–329. (in Russ.)
- Zorin A. V., Ivanov V. P.** Mul'tanskiĭ perevod molitvy "Otche nash" v dokumental'nom nasledii D. G. Messerschmidta [A Multani Translation of the Lord's Prayer Preserved in the Archival Legacy of D. G. Messerschmidt]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of the East], 2022, vol. 19, no. 1, pp. 33–51. (in Russ.)

List of Sources

- Aldrovandi U.** Ornithologiae hoc est de avibus historiae libri XII. Bononiae, Apud Franciscum de Franciscis Senensem, 1599, 893 p.
- Messerschmidt D. G.** Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen, tl. 1–5. Berlin, Akademie-Verlag, 1962–1977, 380, 272, 274, 284, 156 S.
- Schnitscher J. Ch.** Berättelse om Ajuckinska Calmuckieteller om detta folkets ursprung, huru de kommit under ryssarnas lydno, deras gudar, gudskyrdan och prester, huru de skiftas uti 4 ulusser eller folkhopar, deras politike och filosphi medflera deras lefwernes sätt och seder så wid bröllop som begrafningar. Stockholm, Tryck hos Lars Salvius, 1744, 68 S.
- Shnicher I. H.** Zapiska shvedskogo kapitana Ioanna Khristiana Shnichera, kotoryi byl u kitaiskikh poslannikov, byvshikh v 1714 godu u Ayuki khana v provozhatykh [A Note by the Swedish Captain John Christian Schnitscher, Who Was with the Chinese Envoys, Who Were in 1714 with Ayuki Khan in Escorts]. *Ezhemesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenykh delakh* [Monthly Essays and News about Scientific Affairs], 1764, no. 11, p. 428–440. (in Russ.)
- Strahlenberg Ph. J.** Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Ttarey in sich begreiffet in einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völcker, Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario. Stockholm, in Verlegung des Autoris, 1730.
- Tournefort J. P.** Institutiones rei herbariae. Parisiis, E Typographia Regia, 1700, vol. 1, 695 p.
- Willughby F.** Ornithologiae libri tres. Londini, Regiae Societatis Typographi, 1676, 307 p.

Информация об авторе

Лариса Дмитриевна Бондарь, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57669063200
WoS Researcher ID AAO-4327-2020

Information about the Author

Larisa D. Bondar, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57669063200
WoS Researcher ID AAO-4327-2020

*Статья поступила в редакцию 30.06.2021;
одобрена после рецензирования 21.09.2021; принята к публикации 19.11.2021
The article was submitted 30.06.2021;
approved after reviewing 21.09.2021; accepted for publication 19.11.2021*

Научная статья

УДК 94(47).072

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-67-76

Преступления и наказания русских офицеров в эпоху декабристов

Такэси Мацумура

Университет Дайто Бунка

Токио, Япония

t059397@st.daito.ac.jp, <https://orcid.org/0000-0002-6050-7634>

Аннотация

Во время Французской революции и наполеоновских войн армии государств Западной Европы преобразовались в армии нового типа, и их офицерство приобрело профессиональный характер. Можно предположить, что офицерский корпус русской армии эпохи декабристов, сформированной на современный лад, также представлял собой корпорацию профессиональных военных. Действительно, офицеры стремились ответственно относиться к своим обязанностям по управлению ежедневной армейской жизнью. Но некоторые из них допускали произвол в отношении нижних чинов, и подвергались за это наказаниям. В статье проанализированы пять случаев военных судов над офицерами, которые демонстрируют, что, хотя русская армия уже трансформировалась в элемент государственной бюрократии, часть офицерства еще обращалась с нижними чинами как с крепостными. Процесс профессионального становления офицерства в этот период еще не был завершен.

Ключевые слова

история русской армии, русское офицерство, ежедневная жизнь русских солдат, государственный строй, декабристы, преступление

Благодарности

Автор выражает сердечную благодарность профессорам НИУ «Высшая школа экономики» М. А. Давыдову, В. С. Парсамову, М. Л. Баталиной и А. А. Исэрову, а также заведующему научным отделом Музея-заповедника «Бородинское поле» Д. Г. Целорунго, без чьей помощи в организации работы в Москве автор не мог бы написать эту статью. Также автор выражает благодарность университету Дайто Бунка (Daito Bunka University), который предоставил автору возможность осуществить поездку в Москву в 2014 г.

Для цитирования

Мацумура Т. Преступления и наказания русских офицеров в эпоху декабристов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 67–76. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-67-76

Crimes and Punishments of Russian Officers at the Time of the Decembrists

Takeshi Matsumura

Daito Bunka University

Tokyo, Japan

t059397@st.daito.ac.jp, <https://orcid.org/0000-0002-6050-7634>

Abstract

During the French Revolution and the Napoleonic Wars, military forces of Western European countries transformed into the armies of the modern type, and their officers acquired a professional character. It can be assumed that the of-

© Мацумура Т., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 67–76

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 67–76

Officers of Russian army of the Decembrist era, formed in a modern way, also represented a class of professional military men. In fact, the General Staff expected responsible actions from the officers in managing the daily life of the lower ranks. But some officers abused discretion and were punished for this. The article analyzes five cases of military trials of officers. In the 1st case, 2 officers left some soldiers to die in the cold weather sometime in March. In the 2nd case, a company commander killed a soldier in self-defense. In the 3rd case, a lieutenant appeared in plain clothes in front of the regiment commander and tried to beat him with a stick. In the 4th case, a company commander lynched a deserter and buried the dead body secretly. In the 5th case, a major frequently was violent to his orderlies. All of these officers were punished and some of them were reduced to the ranks, what is more, some were deprived of the nobility. These cases show that, although the Russian army has already transformed into an element of the state bureaucracy, part of the officers still treated the lower ranks as serfs. The process of professional formation of officers in this period was not yet completed.

Keywords

history of the Russian army, Russian officers, daily life of Russian soldiers, the state system, Decembrists, crimes

Acknowledgments

The author expresses his heartfelt gratitude to M. A. Davydov, V. S. Parsamov, M. L. Batalina and A. A. Iserov, professors of the Higher School of Economics, as well as to D. G. Tselorungo, the head of the scientific department of the Borodino Field Museum-Reserve. Without their help in organizing work in Moscow the author could not have written this article. The author also expresses gratitude to the Daito Bunka University, which provided the author with the opportunity to make a trip to Moscow in 2014

For citation

Matsumura T. Crimes and Punishments of Russian Officers at the Time of the Decembrists. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 67–76. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-67-76

Военные историки и исследователи гражданско-военных отношений (civil-military relations) считают армии западноевропейских стран XVIII в. постоянными армиями, сформированными вербовкой [Золотарев и др., 1984, с. 6; Штейфон, 1997, с. 319; Finer, 1988, p. 21; Huntington, 1964, p. 20; Menning, 2002, p. 71]. В таких армиях офицерам не доставало дисциплины, ответственности, профессиональной и специальной компетенции (expertise) [Huntington, 1964, p. 26], а нижним чинам, которые нередко являлись иностранными наемниками, конечно, не хватало патриотизма [Золотарев и др., 1984, с. 35–36; Панков, 1957, с. 5; Menning, 2002, p. 71].

Во время Французской революции и наполеоновских войн под влиянием развития национализма и демократии такого рода армии стали постепенно исчезать, вместо них появлялись армии национальные, организованные на основе всеобщей военной повинности [Finer, 1988, p. 197; Huntington, 1964, p. 37–38; Perlmutter, 1977, p. 60].

Помимо того, что эти армии были огромными по численности, они уже имели очень сложную структуру, не только служившую боевым нуждам, но и являвшуюся также частью государственно-бюрократического строя. Компетенции командиров каждого из подразделений при таком устройстве довольно сильно различались и специализировались. В то же время уже невозможно было пополнять состав офицеров только выходцами из дворян, в силу этого началось комплектование офицерского корпуса лицами недворянского происхождения [Huntington, 1964, p. 32, 40].

Для совершенствования подготовки офицеров нужно было повышать уровень их образования и по общим направлениям, и по специальным военным дисциплинам. В результате развития систем военного образования офицерская прослойка в армии постепенно превращалась в класс военных профессионалов. Офицер по своей сути являлся одновременно и государственным служащим, и профессионалом, обладающим специальными знаниями и навыками. Функция такого профессионального офицера состоит в управлении насилием, область его ответственности – обеспечение безопасности общества, которое является потребителем его услуг. Также на него возлагается ответственность за содержание личного состава армии. Ни финансовое вознаграждение, ни наказание не являются определяющими факторами в его мотивациях. В первую очередь, офицер действует, исходя из любви к своему делу и чувству социальной обязанности употреблять свои умения на благо общества [Huntington, 1964, p. 15, 39–46; Perlmutter, 1977, p. 1–6, 23–25].

Кроме того, профессиональное офицерство отличает корпоративный характер. Такие офицеры связаны друг с другом чувством солидарности, дорожат независимостью своего братства и стараются не допускать внешнего вмешательства. Не преданность правительству, а именно такие корпоративные интересы нередко служили основой мотивации в офицерской группе [Finer, 1988, p. 7, 41; Perlmutter, 1977, p. 1–6].

Ряд историков утверждает, что русская армия носила национальный или, по крайней мере, патриотический характер уже в XVIII в. Такое мнение встречается в советской историографии 1920-х, 1950-х и 1980-х гг., его придерживаются современные английские и американские историки, а также отдельные специалисты по истории Белой армии [Верховский, 1922, с. 48; Золотарев и др., 1984, с. 6, 39; Панков, 1957, с. 7; Штейфон, 1997, с. 319; Hartley, 2008, p. 184; Menning, 2002, p. 71].

Помимо этого, некоторые историки утверждают, что русские офицеры XVIII в. уже осознавали себя не просто дворянами, но офицерами, которые служат государству [Волков, 1993, с. 25; Hartley, 2008, p. 209]. Безусловно, нельзя поставить знак равенства между элементами такого самосознания и современным понятием профессионализма, поскольку считается, что в России XVIII в. в целом развитие корпоративной солидарности было очень слабым [Hartley, 2008, p. 52; Кеер, 1985, p. 270]¹.

В период от Французской революции до 1812 г. французская, прусская, а также и русская армии расширились, усложнились и разделялись. Офицеры недворянского происхождения служили уже в эпоху Петра I, и их количество приумножилось при Екатерине II [Волков, 1993, с. 56; Кеер, 1985, p. 240]. Конечно, повысился и уровень образования русских офицеров в целом.

Численность полевой пехоты увеличилась с 201 280 чел. (конец 1806 г.) до 362 200 чел. (1812 г.) [Бескровный, 1973, с. 12, 14]. Под руководством энергичного А. А. Аракчеева в первые 20 лет XIX в. русская армия подверглась масштабной реорганизации [Бескровный, 1973, с. 196–200; Гаврилов, 2008, с. 32; Коваленко, 2002; Сахаров, 1998, с. 30–32]. Дивизионная система впервые была введена в русской армии в 1806 г. [Бескровный, 1973, с. 13; Гаврилов, 2008, с. 31; Панков, 1957, с. 13]. Первые независимые инженерные части появились в 1809 г. [Коваленко, 2002, с. 48]. «Учреждение для управления Большой действующей армии», введенное в 1812 г., стало основой для общего руководства войсками [Бескровный, 1973, с. 133; Гаврилов, 2008, с. 38–39; Тиванов, 1993, с. 62]. Главный штаб был учрежден в 1815 г. [Бескровный, 1973, с. 199; Коваленко, 2002, с. 53]. Не позже 1819 г. русская армия уже была составлена, как армии многих стран XX в., по иерархической структуре из корпусов, дивизий, бригад, полков, батальонов или дивизионов, рот или эскадронов².

В русской регулярной армии начиная с эпохи Петра I придавалось особое значение военному обучению офицеров [Волков, 1993, с. 50; Панков, 1957, с. 5; Кеер, 1985, p. 95–96, 118, 201], которое развивалось на протяжении всего XVIII в. До конца столетия открылось много новых военных училищ [Hartley, 2008, p. 59–60; Кеер, 1985, p. 232, 243]. Тем не менее, в начале XIX в. армия всё еще нуждалась в образованных офицерах [Бескровный, 1973, с. 129–130]. В конце 1810-х гг. командир 6-го корпуса генерал-лейтенант И. В. Сабанеев и начальник главного штаба 2-й армии генерал-майор П. Д. Киселев, осознавая необходимость в организации юнкерских корпусов, сами учредили военные образовательные училища для молодых офицеров в своей армии [Давыдов, 1994, с. 66, 74; Заблоцкий-Десятовский, 1882, с. 50, 221]. Постепенно появился слой так называемой «военной интеллигенции» [Кеер, 1985., p. 244–250]. Эта концепция схожа с концепцией формирования «военных профессионалов». Мы попытаемся ответить на вопрос: являлись ли русские офицеры времени декабристов военными профессионалами?

¹ И. Волкова считает, что военно-профессиональные и бюрократические офицеры появились в России во второй половине XIX в. См.: [Волкова, 2005, с. 145].

² Таковым было формирование 2-й армии по приказам № 71 от 30 мая 1819 г. и № 25 от 6 февраля 1824 г. См.: Приказы 2-й армии. М.: Тульчин и др., 1817–1830, без пагинации.

Если мы обратимся к приказам по 2-й армии во времена декабристов, то заметим, что штаб армии считал офицеров военными профессионалами и потому принуждал офицеров вести себя с нижними чинами в качестве попечителей. На них возлагалась полная ответственность за нижние чины: т. е. командиры должны были заботиться о том, чтобы было как можно меньше больных, умерших и беглых солдат. К тому же командиры несли ответственность за материальные условия ежедневной жизни нижних чинов, поэтому им нужно было заниматься поиском заработка для солдат и увеличивать солдатские артельные суммы [Мацумура, 2019]. Если офицеры, не выполняя свой долг, наоборот, вредили жизни или собственности нижних чинов, то таких офицеров, даже дворянского происхождения, наказывали.

Конечно, офицеры также бывали строго наказаны, если они нарушали дисциплину, игнорировали распоряжения своих начальников, сопротивлялись им, ругали их оскорбительными словами или, еще хуже, применяли насилие против них. Особенно часто подвергались суровым наказаниям обер-офицеры. Следовательно, офицеры в военной службе не могли так свободно поступать, как помещики в своих поместьях.

Недавно О. И. Киянская привела несколько примеров наказаний офицеров в 3-м корпусе 1-й армии в период деятельности декабристов. В этих случаях офицеры из дворян были разжалованы в рядовые именно за растрату солдатских или казенных сумм, игнорирование распоряжений начальников, сопротивление им и грубость или за простые нарушения дисциплины [Киянская, 1997, с. 56–57]. На страницах приказов по 2-й армии того же времени также встречается много случаев разжалования офицеров.

Одним из наиболее известных примеров наказания офицера тогдашней 2-й армии является случай со штабс-капитаном Рубановским Одесского полка (1822 г.). Командир этого полка подполковник Ярошевицкий был грубым человеком, и поэтому «от штаб-офицера до последнего солдата» весь полк ненавидел его. Офицеры полка кинули жребий, кому разделаться с этим несправедливым командиром, и жребий пал на Рубановского. Во время смотра начальника 19-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Корнилова Рубановский, стоя на своем месте, принял очень свободную позу и даже разговаривал. Заметив такое недостойное офицера поведение, Ярошевицкий подскакал к нему. Тогда Рубановский вышел из рядов, стащил Ярошевицкого с лошади и избил его перед дивизионным начальником. В качестве возмездия за этот поступок Рубановский был лишен всех чинов, орденов и даже дворянства и сослан навечно в Нерчинские рудники [Заблоцкий-Десятковский, 1882, с. 174–175; Федоров, 1963, с. 178–179] (Воспоминания Н. В. Басаргина, 1982, с. 24).

Далее мы приведем несколько заключений военных судов, в которых офицеры дворянского происхождения подвергались суровым наказаниям, нашедших отражение в приказах по 2-й армии и материалах военного суда той же 2-й армии во времена декабристов³.

В первую очередь это случаи поручика Дейненко и подпоручика Ериновского 29-го егерского полка, имевшие место не позднее января 1819 г.

Поручик Дейненко и подпоручик Ериновский во время передвижения из города Балты в свои квартиры с ротами бросили в пути 6 нижних чинов, которые лишились жизни от сильного холода и изнурения переходом. Кроме того, Дейненко оказался виновен в том, что он выступил с ротой уже после захода солнца без предварительного разрешения полкового командира.

Сначала главнокомандующий 2-й армии генерал П. Х. Витгенштейн приказал только поместить их под арест на срок более семи месяцев из тех соображений, что они совершили свой проступок без всякого злого умысла, исключительно по молодости и неопытности,

³ РГВИА. Ф. 14057 (Главный штаб 2-й армии). Оп. 183. Св. 237. Д. 30. О предании Военному суду подвижной инвалидной № 40 роты Штабс-капитана Панаиодера за убийство Петрасюка; Ф. 16232 (Полевой аудиторiat 2-й армии 1814–1831). Оп. 1. Д. 73. О произведении воен. суда над поручиком Уфимского пехотного полка Фроловым за разные преступления и дерзости против полкового командира; Д. 159. Переписка, по военно-судному делу, о поручике Пермского пехотного полка Стаматьеве за жестокое наказание того же полка рядового Якимова которой на 6-й после того день помер; Д. 412. О майоре Фон-Горстин за жестокое наказание денщикам.

и что до этого момента они служили усердно⁴. Но такой снисходительный приговор вызвал негативную реакцию Александра I. Император по силе высочайшего указа собственноручным подписанием отменил приговор Витгенштейна и снова предписал разжаловать Дейненку и Ериновского в рядовые до выслуги⁵. Судебное дело по этому случаю хранится в Российском государственном военно-историческом архиве, однако нижние половины всех листов этого дела загрязнены, их невозможно прочитать⁶.

Второй случай штабс-капитана Панаиодера 8-го, командира 40-й подвижной инвалидной роты, датирующийся апрелем 1819 г.

В праздник Святой Пасхи командир 40-й подвижной инвалидной роты штабс-капитан Панаиодер издевался над рядовым Петрасюком, который, будучи пьян, грубо ответил командиру. Придя в ярость, Панаиодер приказал унтер-офицеру Муляру арестовать и привести Петрасюка под караулом к ротной гауптвахте. Муляр, выходец из крестьян, отличный солдат, был произведен в унтер-офицеры спустя 5 лет службы и имел воинские знаки отличия и ордена. Но Петрасюк упорно сопротивлялся, нанес Панаиодеру удар по ноге и перебил ее. Наконец Муляр с помощью писаря и денщика арестовал Петрасюка и привел к гауптвахте. Но по дороге туда Муляр, встретив двух рядовых той же роты, отдал им арестанта, а сам пошел по своим делам. После этого Петрасюк вырвался из рук двух сопровождающих, ударил их так, что они упали на землю, и ушел. Но эти двое рядовых не сообщили о бегстве Петрасюка ни Панаиодеру, ни Муляру. По прошествии некоторого времени Петрасюк появился в квартире Панаиодера, где тот лежал в постели. Петрасюк, имея в руках кол, угрожал смертью Панаиодеру и напал на него. Панаиодер же, обороняясь, схватил перочинный нож, нанес удар Петрасюку по шее. Петрасюк от сильного кровотечения скончался⁷.

Военный суд признал смерть Петрасюка результатом необходимой обороны Панаиодера, но из-за бездействия начальства («слабого командования») постановил отправить его в отставку от службы и пройти церковное покаяние. При этом Муляр, признанный главным виновником этого происшествия, был лишен знаков отличия и медали, полученной им в память 1812 года, и разжалован в рядовые. Два рядовых конвоира были наказаны палками перед ротой⁸.

Третий пример с поручиком Фроловым Уфимского пехотного полка произошел в мае – июле 1820 г.

Поручик Фролов был переведен по высочайшему указу 24 августа 1819 г. из Таврического гренадерского полка в Уфимский пехотный полк. Тогда этот полк квартировал в городе Стародубе Черниговской губернии. Но командир Уфимского полка подполковник Добровольский 4-й не имел долгое время известий о местопребывании Фролова. 21 февраля 1820 г. Добровольский сделал запрос командиру Таврического гренадерского полка об этом и получил от него сообщение от 8 марта, что Фролов отправлен из полка 10 ноября 1819 г. и всё это время пребывал в Калуге. В силу этого Добровольский 24 марта 1820 г. написал калужскому полицеймейстеру о необходимости явки Фролова в его полк. На что полицеймейстер ответил, что Фролов уже выбыл из Калуги⁹.

15 мая 1820 г. штаб Уфимского полка и Добровольский прибыли в Винницу для размещения в лагерях. Тогда поручик Фролов явился перед Добровольским. Когда Добровольский спросил, почему он не появлялся такое долгое время на своем новом месте службы и не болен ли он, то Фролов ответил, что он не был болен, но по своей собственной воле проводил

⁴ Приказ 2-й армии. № 12 от 21 января 1819 г.

⁵ Приказ 2-й армии. № 55 от 18 мая 1819 г.

⁶ РГВИА. Ф. 16232. (Полевой аудиториат 2-й армии 1814–1831). Оп. 1. Д. 48. О поручике Дейненке и подпоручике Елиновском 29-го Егерского п., судимых за потерю 6 чел. нижних чинов во время перехода в ночное время в ненастную погоду.

⁷ РГВИА. Ф. 14057. Оп. 183. Св. 237. Д. 30. Л. 1–2, 7–8, 9–10, 11, 12 об. – 13 об., 17; Приказ 2-й армии. № 67 от 6 июня 1820 г.

⁸ РГВИА. Ф. 14057. Оп. 183. Св. 237. Д. 30. Л. 9, 10, 12–13, 17; Приказ 2-й армии. № 67 от 6 июня 1820 г.

⁹ РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 73. Л. 1, 3, 4, 206, 210 – 210 об.

время в кругу родственников. После этого ответа Добровольский приказал Фролову явиться в роту, но он не исполнил этого приказа и остался в Виннице, несмотря на отбытие полка в лагерь. На следующий день Фролов прислал рапорт, что он всё же был болен¹⁰.

Получив такой сомнительный рапорт, Добровольский немедленно предписал командиру 1-го батальона майору Альбедиллю и старшему штаб-лекарю Корицкому освидетельствовать Фролова. По их свидетельству оказалось, что Фролов ложно рапортовал себя больным. Кроме этого, казенный денщик Фролова показал под присягой, что Фролов, проживая в городе Виннице, ежедневно прогуливался по городу и раза три отъезжал за город к знакомым¹¹.

По окончании же лагерного периода, 6 июля 1820 г. Добровольский сам увидел, как Фролов ходил по Виннице в штатском костюме. Добровольский послал адъютанта отыскать Фролова и приказать явиться к нему. Адъютант, найдя его в саду, объявил приказание. Фролов, одетый не в мундир, а в сюртук, и с тростью в руке во второй раз явился на квартиру к Добровольскому и другим военнослужащим полка. Тогда в квартире Добровольского, кроме него, присутствовали командир 1-го батальона майор Альбедиль, подполковник Булгарин, дежурный по караульным капитан Аксютин и др. Добровольский сказал Фролову, что он сам заметил его в городе, и это было доказательством его хорошего здоровья, и порицал его за ношение сюртука и трости. Фролов перед начальством произнес, что ему стыдно было служить в Уфимском полку, ругал Добровольского непристойными бранными словами и потом вышел из комнаты¹².

Добровольский приказал капитану Аксютину арестовать Фролова. Фролов, услышав такие слова, вернулся бегом в квартиру Добровольского и попытался нанести ему удар тростью по голове. Но Аксютин и его солдаты воспрепятствовали этому. Они схватили Фролова и отвели его на гауптвахту¹³.

За уклонение от службы и дерзость против полкового командира подполковника Добровольского Фролов лишился чинов, дворянского звания и был записан в рядовые без выслуги, с определением в дальние сибирские гарнизонные батальоны¹⁴.

Четвертая история произошла в июле – августе 1822 г. с поручиком Стаматьевым, служившим в Пермском пехотном полку.

Рядовой 9-й мушкетерской роты Пермского пехотного полка Якимов совершил побег в июле 1822 г. В это время проходил смотр полка высшим начальством, поэтому ротный командир поручик Стаматьев не рапортовал начальству о происшествии. Но, когда он был занят подготовкой к выступлению из лагеря и возвращению на квартиры, беглец Якимов был пойман и доставлен в полковой штаб. В результате поручик Стаматьев не успел сообщить начальству о бегстве рядового Якимова до его доставления в штаб. Но и полковой адъютант Пермского пехотного полка подпоручик Жеховский не доложил полковому командиру подполковнику Мартынову об аресте Якимова, скрыв его поступок, отправил его непосредственно к поручику Стаматьеву 29 июля¹⁵. Благодаря тому что Жеховский не доложил, Стаматьев не был наказан до того времени за недонесение о бегстве Якимова. Однако, разгневавшись на беглеца, Стаматьев противозаконно и самовластно приказал его наказывать розгами и палками и содержать под присмотром на ротной гауптвахте, которая была в простом сарае, нанятом у местного крестьянина. Но 6 августа караульные нашли его там мертвым. Стаматьев, боясь взыскания, решил скрыть этот несчастный инцидент. Пока фельдфебель роты Михайлов отсутствовал по причине командировки, Стаматьев приказал солдатам за-

¹⁰ РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 73. Л. 210 об. – 211.

¹¹ Там же. Л. 211–211 об. Из приказов по 2-й армии № 41 от 9 апреля 1820 г. и № 78 от 26 июня 1820 г. следует, что тогда Альбедиль был командиром 1-го батальона этого полка.

¹² РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 73. Л. 4, 211 – 213 об. Подполковник Булгарин был утвержден командиром 2-го батальона Уфимского полка по приказу 2-й армии № 79 от 14 июля 1820 г. Но о должности подполковника Булгарина в Уфимском полке до тех пор нет никаких сведений в этом деле и приказах 2-й армии с 1819 по 1825 г.

¹³ РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 73. Л. 5, 212 об.

¹⁴ Приказ 2-й армии. № 3 от 6 января 1821 г.

¹⁵ РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 159. Л. 13–14, 17, 22 об. – 23.

рыть мертвое тело Якимова в землю в лесу в селении Уяринцы¹⁶. Но он упустил из виду, что, когда сообразительный Михайлов возвратился, он мог заметить отсутствие Якимова и доложить начальству об этом без ведома Стаматьева.

Так и произошло. После командировки Михайлов сразу узнал об отсутствии Якимова и, естественно, донес об этом командиру 3-го батальона подполковнику Дровецкому. Между тем 9 августа 1822 г. крестьянские мальчишки из Уяринцев нашли труп, поскольку их собака выкопала из земли человеческие останки. Они дали знать об этом судебному приставу. В тот момент подполковник Дровецкий находился в этом селении, и тотчас преступление Стаматьева было обнаружено¹⁷.

Военный суд признал Стаматьева виновным в недонесении начальству о побеге рядового Якимова, самовольном наказании и доведении до смерти, а также тайном захоронении его тела. Стаматьев был лишен всех чинов и дворянского звания и разжалован в рядовые. Полковой адъютант Пермского полка подпоручик Жеховский также был отдан под суд за недонесение своему начальству об аресте рядового Якимова, но мы не смогли найти приговор по его делу среди приказов 2-армии за 1824 и 1825 гг.¹⁸

Последний, пятый случай с батальонным командиром Томского полка майором Фон-Горстеном, имел место в 1823–1824 гг.

В 1823 г. Фон-Горстен и его казенный денщик Балыченко встречались с управляющим близлежащего имения по пути возвращения с батальонной квартиры в местечке Дунаевцы. Майор с управляющим пили холодный пунш с ромом и водку в корчме, но управляющий незаметно ушел. Фон-Горстен, заметив отсутствие своего собеседника, вышел из себя. А за то, что его денщик Балыченко не усмотрел, как уехал управляющий, избил его кулаками, потом, схватив за уши руками и приподняв кверху, повалил на землю, пинал в бок и по голове так, что разбил лицо. Балыченко убежал в местечко Дунаевцы. Там командир другого батальона того же полка майор Лапа нашел Балыченко раненым, с разбитым и изувеченным лицом. Лапа отправил его в лазарет. Балыченко находился там с 20 по 24 октября 1823 г. Вслед за тем Балыченко обратился к полковому командиру, полковнику Живоглядову с жалобой на майора Фон-Горстена¹⁹. Но Живоглядов не провел надлежащего расследования.

В июне 1824 г. Балыченко и другой денщик майора Фон-Горстена Филиппов явились к командовавшему 6-м корпусом генерал-лейтенанту С. Ф. Желтухину и снова подали жалобу на Фон-Горстена о жестоком обращении с ними майора. По их показаниям, Фон-Горстен очень часто избивал их за незначительные провинности²⁰.

По результатам расследования оказалось, что Фон-Горстен регулярно избивал унтер-офицеров и солдат за любой мелкий проступок, бил кулаками по зубам, и у одного из них вышиб зубы. Почти все младшие офицеры его батальона тоже были жертвами самоуправства Фон-Горстена. А двух офицеров он заставлял считать плеточные удары при наказании нижних чинов вместо унтер-офицера²¹.

В конце концов два денщика Фон-Горстена были переведены в Тобольский пехотный полк, и не денщиками, а простыми солдатами. Суд решил снять Фон-Горстена с должности батальонного командира, не давать ему заново никакого денщика и пока не доверять ему командование никакой частью. При этом получил выговор и полковой командир Живоглядов,

¹⁶ РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 159. Л. 4 об., 14, 17 об., 20.

¹⁷ Там же. Л. 15 об. – 16 об.

¹⁸ Там же. Л. 35; Приказы 2-й армии. № 74 от 21 апреля 1824 г.; № 104 от 29 мая 1824 г.

¹⁹ РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 412. Л. 3, 3 об., 4, 5 – 5 об.; Приказ 2-й армии. № 103 от 29 июня 1823 г. Майор Лапа (или Лаппа) был утвержден командиром 2-й батальона Томского полка по приказу 2-й армии № 5 от 8 января 1821 г. и был переведен в Камчатский полк по приказу 2-й армии № 57 от 14 апреля 1823 г. По приказу 2-й армии № 103 от 29 июня 1823 г. Фон-Горстен был утвержден командиром того же 2-го батальона Томского полка. Но ни в этом деле, ни в приказах 2-й армии с 1819 по 1825 г. нет никаких сведений о должности Фон-Горстена в 1821 г.

²⁰ РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 412. Л. 3 – 3 об., 4, 5 – 5 об.; Приказ 2-й армии. № 103 от 29 июня 1823 г.

²¹ РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 412. Л. 7 об., 14 об., 15, 20 – 20 об., 24, 25, 29 об.

который, зная жалобы денщика на Фон-Горстена, не провел вовремя расследование. На семь дней также были арестованы два капитана, которые, зная о незаконных наказаниях нижних чинов Фон-Горстеном, не сообщили начальству об этом²².

Как было сказано выше, в декабристскую эпоху русская армия уже превратилась в современную и огромную государственно-бюрократическую систему. Штаб армии требовал от офицера быть и военнотружущим, и профессионалом. Свидетельством этого являются строгие требования штаба к офицерам по попечительству над нижними чинами и наличие большого количества жалоб нижних чинов на ненадлежащее поведение офицеров. С другой стороны, проанализированный нами материал показывает, что в это время во 2-й армии были распространены случаи самоуправства со стороны офицеров по отношению к нижним чинам. Отразившиеся в источниках прецеденты свидетельствуют, что офицеры действовали, пользуясь своим положением и не сознавая своей ответственности как военных профессионалов перед потребителями их услуг (т. е. перед Российским государством), и в этом произволе были похожи на помещиков. Вышеприведенные наблюдения позволяют предположить, что процесс профессионализации русского офицерства в декабристскую эпоху был еще далек от завершения.

Список литературы

- Бескровный Л. Г.** Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.
- Верховский А. И.** Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. 2-е изд. М.: Высш. воен. ред. совет, 1922. 265 с.
- Волкова И. В.** Русская армия в русской истории: армия, власть и общество. Военный фактор в политике Российской империи. М.: Эксмо, 2005. 639 с.
- Волков С. В.** Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 367 с.
- Гаврилов С. В.** Эволюция системы материального снабжения русской армии в первой четверти XIX века. СПб.: ВАТТ, 2008. 290 с.
- Давыдов М. А.** Оппозиция его величества. М.: АСТ, 1994. 189 с.
- Заблоцкий-Десятовский А. П.** Граф П. Д. Киселев и его время: В 4 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. Т. 1. 422 с.
- Золотарев В. А., Межевич М. Н., Скородумов Д. Е.** Во славу отечества Российского. М.: Мысль, 1984. 335 с.
- Киянская О. И.** Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка, 9 декабря 1825 – 3 января 1826. М.: РГГУ, 1997. 188 с.
- Коваленко А. Ю.** О роли военного министерства в системе управления русской армией в первой четверти XIX в. // Вестник Моск. ун-та. Серия 8: История. 2002. № 2. С. 43–54.
- Мацумура Т.** Экономические связи между офицерами и нижними чинами во 2-й армии в эпоху декабристов // Историческая память России и декабристы, 1825–2015. СПб., 2019. С. 268–277.
- Панков Д. В.** Русская регулярная армия // Развитие тактики русской армии XVIII в. – начало XX в. М., 1957. С. 3–30.
- Сахаров А. Н.** Александр I и Аракчеев // Отечественная история. 1998. № 4. С. 24–39.
- Тиванов В. В.** Финансы русской армии (XVIII век – начало XX века). М.: ВФЭФ при ГФА, 1993. 256 с.
- Федоров В. А.** Солдатское движение в годы декабристов: 1816–1825. М.: Изд-во МГУ, 1963. 208 с.
- Штейфон Б.** Воин Христов // Российский военный сборник. М., 1997. Вып. 12: Христолюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии. С. 319–326.

²² РГВИА. Ф. 16232. Оп. 1. Д. 412. Л. 3 об., 32–32 об.

- Finer S. E.** The Man on Horseback. London, Routledge, 1988, 342 p.
- Hartley J. M.** Russia: 1762–1825: Military Power, the State, and the People. London, Praeger, 2008, 318 p.
- Huntington S. P.** The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge, Belknap Press, 1964, 560 p.
- Keep J. L. H.** Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462–1874. Oxford, Oxford Uni. Press, 1985, 432 p.
- Menning B. W.** The Imperial Russian Army, 1725–1796. In: Frederick W., Higham R. (eds.). The Military History of Tsarist Russia. New York, Palgrave Macmillan, 2002, pp. 47–76.
- Perlmutter A.** The Military and Politics in Modern Times. New Haven, London, Yale Uni. Press, 1977, 335 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Воспоминания Н. В. Басаргина // Мемуары декабристов. Южное общество. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 15–161.

References

- Beskrovny L. G.** Russkaya armiya i flot v XIX veke: Voenno-ekonomicheskii potentsial Rossii [Russian Army and Fleet in the 19th Century: Russia's Military and Economic Potential]. Moscow, Nauka, 1973, 616 p. (in Russ.)
- Davydov M. A.** Oppozitsiya ego velichestva [His Majesty's Opposition]. Moscow, AST, 1994, 189 p. (in Russ.)
- Fedorov V. A.** Soldatskoe dvizhenie v gody dekabristov: 1816–1825 [Soldier Movement in the Years of Decembrists: 1816–1825]. Moscow, MSU Press, 1963, 208 p. (in Russ.)
- Finer S. E.** The Man on Horseback. London, Routledge, 1988, 342 p.
- Gavrilov S. V.** Evolyutsiya sistemy material'nogo snabzheniya russkoi armii v pervoi chetverti XIX veka [Evolution of Material Supply System of the Russian Army in the 1st Quarter of the 19th Century]. St. Petersburg, VATT, 2008, 290 p. (in Russ.)
- Hartley J. M.** Russia: 1762–1825: Military Power, the State, and the People. London, Praeger, 2008, 318 p.
- Huntington S. P.** The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge, Belknap Press, 1964, 560 p.
- Keep J. L. H.** Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia 1462–1874. Oxford, Oxford Uni. Press, 1985, 432 p.
- Kiyanskaya O. I.** Yuzhnyi bunt: Vosstanie Chernigovskogo pekhotnogo polka, 9 dekabrya 1825 – 3 yanvarya 1826 [The South Rebellion: The Insurrection of Chernigov Infantry Regiment, December 9, 1825 – January 3, 1826]. Moscow, RSUH Press, 1997, 188 p. (in Russ.)
- Kovalenko A. Yu.** O roli voennogo ministerstva v sisteme upravleniya russkoi armiei v pervoi chetverti XIX v. [On the Role of the Ministry of Defense in the System of Russian Army Management in the First Quarter of the 19th Century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Journal of Moscow University. Series 8: History], 2002, no. 2, pp. 43–54. (in Russ.)
- Matsumura T.** Ekonomicheskie svyazi mezhdru ofitserami i nizhnimi chinami vo 2-i armii v epokhu dekabristov [Economic Relations between Officers and Lower Ranks in the 2nd Army in the Period of Decembrists]. In: Istoricheskaya pamyat' Rossii i dekabristy, 1825–2015 [Russian Historic Memory and Decembrists, 1825–2015]. St. Petersburg, 2019, pp. 268–277. (in Russ.)
- Menning B. W.** The Imperial Russian Army, 1725–1796. In: Frederick W., Higham R. (eds.). The Military History of Tsarist Russia. New York, Palgrave Macmillan, 2002, pp. 47–76.

- Pankov D. V.** Russkaya Regulyarnaya armiya [Russian Standing Army]. In: Razvitie taktiki russkoi armii XVIII v. – nachalo XX v. [Development of Tactics of Russian Army in the 18th Century – Beginning of the 20th Century]. Moscow, 1957, pp. 3–30. (in Russ.)
- Perlmutter A.** The Military and Politics in Modern Times. New Haven, London, Yale Uni. Press, 1977, 335 p.
- Sakharov A. N.** Aleksandr I i Arakcheev [Aleksandr I and Arakcheev]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian History], 1998, no. 4, pp. 24–39. (in Russ.)
- Shteifon B.** Voin Khristov [Warrior of Christ]. In: Rossiiskii voennyi sbornik [Russian Military Miscellany]. Moscow, 1997, iss. 12. Khristolyubivoe voinstvo: Pravoslavnaya traditsiya Russkoi Armii [Christ-Loving Army: Orthodox Tradition in Russian Army], pp. 319–326. (in Russ.)
- Tivanov V. V.** Finansy russkoi armii (XVIII vek – nachalo XX veka) [Finances of the Russian Army (the 18th Century – Beginning of the 20th Century)]. Moscow, VFEF pri GFA, 1993, 256 p. (in Russ.)
- Verkhovskiy A. I.** Ocherk po istorii voennogo iskusstva v Rossii XVIII i XIX vv. [An Overview of the History of Military Art in Russia 18th and 19th Centuries]. 2nd ed. Moscow, Vysshii voennyi redaktsionnyi sovet, 1922, 265 p. (in Russ.)
- Volkov S. V.** Russkii ofiterskii korpus [Russian Officer Corps]. Moscow, Voenizdat, 1993, 367 p. (in Russ.)
- Volkova I. V.** Russkaya armiya v russkoi istorii: armiya, vlast' i obshchestvo. Voennyi factor v politike Rossiiskoi imperii [Russian Army in the Russian History: Army, Power and Society. Military Factor in the Politics of Russian Empire]. Moscow, Eksmo, 2005, 639 p. (in Russ.)
- Zablotskiy-Desyatovskiy A. P.** Graf P. D. Kiselev i ego vremia [Count P. D. Kiselev and His Time]. In 4 vols. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1882, vol. 1, 422 p. (in Russ.)
- Zolotarev V. A., Mezhevich M. N., Skorodymov D. E.** Vo slavu otechestva Rossiiskogo [For the Glory of the Russian Homeland]. Moscow, Mysl', 1984, 335 p. (in Russ.)

List of Sources

- Vospominaniya N. V. Basargina [Memoir of N. V. Basargin]. In: Memuary dekabristov [Memoir of Decembrists]. Moscow, 1982, pp. 15–161. (in Russ.)

Информация об авторе

Такэси Мацумура, доктор экономики, профессор

Information about the Author

Takeshi Matsumura, Doctor of Economics, Professor

*Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 13.04.2022
The article was submitted 10.02.2022;
approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 13.04.2022*

Научная статья

УДК 94(571)«19» + 930.2

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-77-90

Репрезентации сельского населения региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX века: «инородцы»

Наталья Петровна Матханова¹

Наталья Николаевна Родигина²

¹ Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ istochnik_history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2155-2982>

² <https://orcid.org/0000-0003-4938-0924>

Аннотация

Проведено сопоставление официальной версии руководства края о социокультурных характеристиках аборигенного населения, его экономическом положении и правовом статусе, взаимоотношениях с русскими, с содержанием «инородческого вопроса» в русской периодической печати. Аборигенное население позиционировалось в духе патерналистского дискурса как объект заботы и защиты. Как и публицисты, авторы отчетов обращали внимание на необходимость сокращения размера ясачных сборов, на пагубность влияния купцов, а также уголовных и административных ссыльных. По отчетам прослеживается общая для правительственной политики тенденция к уравниванию правового, социального и экономического статуса инородцев с русским крестьянством. Но лучше ориентировавшиеся в сибирских реалиях генерал-губернаторы – во всяком случае, часть их – в большей степени склонны к защите интересов региона, а значит, и сибирского, в том числе и инородческого, населения.

Ключевые слова

история Сибири XIX века, отчеты генерал-губернаторов, сельское население, источниковедение, «инородческий вопрос»

Для цитирования

Матханова Н. П., Родигина Н. Н. Репрезентации сельского населения региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX века: «инородцы» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 77–90. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-77-90

The Representations of Rural Population of the Region in the Reports of Siberian Governor-Generals in the 2nd Half of the 19th Century: “Foreigners”

Natalia P. Matkhanova ¹, Natalia N. Rodigina ²

¹ Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ istochnik_history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2155-2982>

² <https://orcid.org/0000-0003-4938-0924>

Abstract

This article aims to identify the representations of “foreign” people (inorodtsev) of Siberia in the reports of the local governors-general, to define the context of their actualization, to find the mutual relations between the official position of the regional authorities towards the socio-cultural characteristics of the indigenous population, its economic situation and legal status, its relations with Russians and the narratives of the “foreigners’ issue” in Russian periodicals. The study is based on the reports of governors-general of Western and Eastern Siberia from the early 1850s until the abolition of the offices of the West Siberian (1882) and East Siberian governors-general (1887), as well as the Irkutsk governor-general in 1887–1899. Analyzing the above-mentioned sources, the authors take into account that such materials were usually compiled with some involvement of predecessors, lower-level officials, invited experts. Comparison of the representations of the “foreign” people in the reports of the governors-general with those reflected in the periodicals shows their similarities and differences. The authors of the reports and many publicists share paternalistic discourse concerning the indigenous population of Siberia and consider the “foreign” people as an object of care and protection. Both of them claim the necessity to reduce the *yasak* payments, highlight the detrimental influence of merchants, as well as exiles, convicted of criminal and administrative offenses. Remarkably, the reports contain no criticism of the authorities for the decline of the aboriginal population and financial difficulties of the “foreigners”; discuss the problem of the “extinction” of aborigines in quite a soft tone. According to these documents, there was a general tendency in government policy to equalize the legal, social and economic status of “foreigners” with the Russian peasantry. However, at the same time, the governors-general who better knew the Siberian realities – at least some of them – more often defended the interests of the region, and hence the Siberian people, including the indigenous population.

Keywords

history of Siberia in the 19th century, governor-generals’ reports, rural population, source studies, “foreigners” issue

For citation

Matkhanova N. P., Rodigina N. N. The Representations of Rural Population of the Region in the Reports of Siberian Governor-Generals in the 2nd Half of the 19th Century: “Foreigners”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 77–90. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-77-90

Статья продолжает цикл публикаций об источниковом потенциале всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов для изучения образов Сибири и ее населения у представителей высшей правительственной власти в регионе [Матханова, Родигина, 2019а; 2019б; 2021]. Ранее нами были выявлены основные видовые характеристики отчетов, охарактеризована их структура, установлены их авторы (мы поддерживаем идею коллективного авторства) и адресаты, определены ключевые элементы образа Сибири, транслируемого ими, а также раскрыты отраженные в них представления о крестьянах как наиболее многочисленной группе населения края. Обращение к изучению дискурса генерал-губернаторских отчетов об «инородческом» населении актуально, на наш взгляд, по следующим причинам. Во-первых, оно позволит соотнести официальную версию руководства края о социокультурных характеристиках аборигенного населения, его экономическом положении и правовом статусе, взаимоотношениях с русскими с содержанием «инородческого вопроса» в русской периодической

печати, являвшейся одним из основных институтов формирования общественного мнения в Российской империи второй половины XIX в. Во-вторых, расширит существующие в исторической науке представления о роли генерал-губернаторов в разработке имперской политики, а также об источниках формирования и факторах, определявших позицию высшего чиновничества по отношению к аборигенным народам Сибири.

В данной публикации мы стремимся выявить репрезентации «инородческого» населения Сибири во всеподданнейших отчетах местных генерал-губернаторов, определить контекст их актуализации и выяснить факторы, оказавшие на них влияние.

Для выяснения общественно-политического и социально-экономического контекстов, влиявших на мнение авторов отчетов об аборигенном населении региона, мы обратились к обобщающим исследованиям, посвященным имперской политике в отношении коренных народов Сибири в середине – второй половине XIX в. Историки практически единодушны в том, что управление автохтонным населением в эпоху реформ и первые пореформенные десятилетия базировалось на «Уставе об управлении инородцев» 1822 г., оформившем образование нового сословия – «сибирских инородцев». Мы разделяем мнение Л. М. Дамешка о том, что устав был ярким проявлением политики имперского регионализма. С одной стороны, он учитывал этнические, социально-экономические особенности сибирских этносов, регламентировал их экономические, административные, судебно-правовые, социокультурные практики, с другой же – отражал взгляд правительства на специфический статус региона в составе империи [Дамешек, 2007, с. 90–98, 294–295; Сибирь..., 2007, с. 230–235]. Нам представляется важным наблюдение Ю. Слезкина об интеллектуальном контексте формирования устава: «Романтический мир, в котором жил Сперанский и многие его современники, состоял из органических наций, каждая из которых обладала своим собственным духом, своим жизненным циклом и своим уникальным вкладом в целое. Решающий первый шаг состоял в том, чтобы определить, какие группы людей обладают этими качествами и потому могут считаться “историческими нациями”... Более того, благодаря живучести старого “государственного принципа” русские обычно рассматривались как единственная историческая нация Российской империи... Вопрос о незрелых охотниках и собирателях, “к которым само слово «нация» неприменимо” казался ясным... Однако сама их “дикость”, казалось, требовала особого законодательного обеспечения, в котором прочие неисторические народы не нуждались» [Слезкин, 2018, с. 102]. При этом превращение оседлых «инородцев» в русских авторами устава не предусматривалось, предполагалось, что «русификация должна происходить путем индивидуального обучения и обращения и, возможно, через смешанные браки» [Там же, с. 104].

Принимая во внимание работы, посвященные многозначности и истории бытования понятия «инородцы» в русском законодательстве, властных практиках и в общественно-политических дискурсах XIX в. (см. [Конев, 2014; Панченко, Стафеев, 2018; Слокум, 2005] и др.), мы вслед за авторами отчетов генерал-губернаторов понимаем под «сибирскими инородцами» тех представителей этого сословия, которые относятся к аборигенному населению региона.

Л. М. Дамешек, А. Ю. Конев, А. В. Ремнев, обращая внимание на гибкость, а порой и противоречивость правительственной национальной политики, в качестве ее главного вектора в отношении аборигенного населения на протяжении второй половины XIX в. называют стремление к общеимперской унификации и подчинению инородцев имперскому законодательству («обрусение»). В качестве основных вех этой политики ученые отмечают: 1) программу Второго Сибирского комитета 1852 г., предусматривавшую подчинение оседлого аборигенного населения общим крестьянским учреждениям и привлечение к оседлости кочевых этносов наряду с их «ограждением от разных притеснений»; 2) положение «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» 23 мая 1896 г., а также Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском

округе на землях Кабинета его императорского величества, от 31 мая 1899 г., по которым поземельное устройство получили как крестьяне, так и оседлые и кочевые инородцы, получившие наделы в пользование, а не на правах собственности; 3) закон о крестьянских и инородческих начальниках 8 июня 1898 г., согласно которому органы управления инородцами, основанные на принципах 1822 г., сменялись управами «русского типа»; 4) положение «О видах на жительство» 8 июня 1898 г., устанавливавшее для коренного населения места постоянного проживания, при отлучке из которых они должны были иметь паспорта; 5) закон «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчной и поземельною податями» 19 января 1898 г., отменивший в ряде округов подушную и оброчную подати, ясачный сбор и сбор на межевание, уплачиваемые крестьянами и «оседлыми инородцами», а также предусматривавший введение общественного крестьянского самоуправления (см. [Дамешек, 2007, с. 126–134, 162–163, 286–292; Конев, 1995, с. 127–144; Ремнев, 2015, с. 330–334; Сибирь..., 2007, с. 235–238] и др.).

Взаимосвязь и взаимовлияние демографического, социально-экономического, общественно-политического развития аборигенных народов Сибири и правительственной политики в отношении «инородческого» населения применительно к интересующему нас периоду раскрыты в ряде работ (см. [Андреев, 2001; Дамешек, 2007; Конев, 1995; Шерстова, 1999] и др.). Их выводы были важны для выяснения влияния конкретных исторических вызовов и ситуаций на содержание генерал-губернаторских отчетов.

В последние десятилетия предметом пристального внимания историков стал «инородческий вопрос» в русской периодической печати и общественном мнении второй половины XIX – начала XX в. Под ним чаще всего понимается широкий спектр проблем политического, экономического, социального, культурного характера, связанных с инкорпорацией аборигенного населения Сибири в состав Российской империи, решением которых должны были заниматься государство и представители общественности [Ледовских, 2008, с. 3]. Остановимся на характеристике работ, позволивших нам уточнить тот интеллектуальный фон, который мог влиять на содержание представлений авторов генерал-губернаторских отчетов, а также на их восприятие адресатами.

Е. П. Ковалышкиной предпринято сопоставление правительственного (традиционного, патерналистского, «собственнического» в своей основе) и альтернативного ему областнического («прогрессивного») вариантов решения «инородческого вопроса». Исследователь отмечает общность целеполагания решения «инородческого вопроса» как со стороны власти, так и со стороны лидеров областничества [Ковалышкина, 2005, с. 282–283]. Соглашаясь с основными выводами автора, не можем не акцентировать внимания на различиях в представлениях областников о социокультурных характеристиках «сибирских инородцев» и их перспектив развития в будущем [Слезкин, 2018, с. 133–140].

В трудах Е. А. Сениной, Г. А. Казариной показан процесс обсуждения в местной периодической печати положения коренного населения региона и государственной политики в отношении «инородцев» [Сенина, 2005; Казарина, 2009]. Однако нам не близка интерпретация Е. А. Сениной позиции местного журналистского сообщества как сколько-нибудь консолидированного мнения. У местной интеллигенции, как и у представителей власти, было разное, порой противоречивое и конкурентное понимание того, кто такие «инородцы», каковы перспективы их социального и социокультурного развития, как должны строиться отношения между русским и другими этносами зауральских губерний и областей.

Мы опирались на наблюдения и выводы А. Ю. Ледовских, Т. А. Кузнецовой (Кебак) об этапах, причинах, контекстах актуализации «инородческого вопроса» в русской журнальной прессе, о влиянии на его интерпретацию мировоззренческой ориентации изданий, их специализации, профессиональной принадлежности их авторов, характера их биографической связи с регионом, точках «схождения» и дискуссионных аспектах различных сюжетов, объединяемых под общей номинацией «инородческий вопрос» [Ледовских, 2006; 2008; 2010; Кузнецова, 2007а; 2007б].

Несмотря на то что наши предшественники, особенно исследователи аборигенной политики имперской власти второй половины XIX столетия, обращались к текстам отчетов генерал-губернаторов для выяснения позиции представителей высшей административной власти в регионе, дискурс о «сибирских инородцах», сконструированный в этих текстах, еще не был предметом специального анализа. Важно пояснить, что мы не склонны однозначно отождествлять позиции генерал-губернаторов по «инородческому вопросу» с теми их версиями, которые представлены во всеподданнейших отчетах, имея в виду, что к написанию последних были причастны, в большей или меньшей степени, нижестоящие чиновники, предшественники, приглашенные эксперты, в том числе члены Русского Императорского Географического общества (ИРГО). В качестве знатоков образа жизни «инородцев» привлекались представители родовой знати [Дамешек, 2007, с. 105].

Нами использовались отчеты глав Западной и Восточной Сибири с начала 1850-х гг. (обсуждение «сибирских вопросов» во Втором Сибирском комитете) и до времени упразднения Западно-Сибирского (1882) и Восточно-Сибирского генерал-губернаторств (1887), а также отчет иркутского генерал-губернатора за 1887–1889 гг.

Если в общественном мнении, судя по материалам периодической печати, стабильное внимание к проблемам «инородческого» населения совпадает с первой русской «оттепелью», ослаблением цензуры, формированием идей областничества, ростом числа периодических изданий (как географических, страноведческих, так и общественно-политических, в том числе и сибирских), популяризацией этнографии, то интерес местной и столичной бюрократии к проблемам «инородческого» населения очевиден уже с начала изучаемого нами периода и связан с территориальной экспансией империи на Восток, с деятельностью Второго Сибирского комитета, образованием в 1851 г. Восточно-Сибирского отдела ИРГО.

С начала 1850-х гг. дискурс генерал-губернаторских отчетов в отношении «инородческого» населения вполне согласовывался с идеями Второго Сибирского комитета о подчинении оседлых этносов общему крестьянскому законодательству. Однако для репрезентаций «кочевых инородцев» характерны штампы, распространенные в публицистике и этнографических описаниях на протяжении всего XIX в. Часто сюжеты о быте аборигенов, их занятиях и правовом положении появлялись в ответ на требование вышестоящих властей «обратить особое внимание». Это относится к тексту в отчете Г. Х. Гасфорда за 1858 г. (воспроизводящему отчет тобольского губернатора) о северных «инородцах»: «Пространство земли, занимаемое самоедами, край За-Обдорский, состоит большею частью из болот и тундр... но совершенно лишен строевого лесу, отчего самоеды живут в чумах (род палаток) из оленьих шкур и бересты, легко перевозимых с одного места на другое. Главный источник существования самоедов, кроме рыбы, – олень, который питается мохом, растущим хотя везде, но по низкорослости не в таком изобилии, как травы, употребляемые в корм другими животными. Это последнее обстоятельство служит одним из главных и существенных препятствий к изменению бродячей жизни самоедов: если бы какой-нибудь род во всем своем составе осел на одном месте, то неминуемым следствием этого было бы истребление всех его оленей по недостатку моха, необходимого для их пропитания»¹. Очевиден в этом тексте взгляд не столько администратора, сколько любознательного туриста, транслирующего идеи эволюционистов и знакомого с репрезентациями «благородных дикарей» в литературе эпохи романтизма. В меньшей степени он заметен в описании этносов, населявших юг Западной Сибири – они были уже менее экзотичны для европейца. Так, о сибирских киргизах (казахах) сказано: «Быт этого племени кочевой, буколический, и все его народные предания делают для него этот быт священным, самое существование киргизов находится в непосредственной зависимости от их кочевого быта... Но материальные их выгоды, невмешательство правительства в их домашние и духовные дела, предоставление им права избрания волостных управителей

¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 8А. Л. 9 об. – 10 об.

и поддержание между ними народного суда биев с году на год более и более привязывают их к русскому правительству»².

В отчетах А. О. Дюгамеля также заметно большее внимание к южным территориям и их коренному населению, что естественно для востоковеда, специалиста по Азии. Он подчеркивает произошедшие в социальном устройстве казахов перемены: отказ от владения невольниками, распространение русского языка и т. п. Не менее важным он считает и то обстоятельство, что, хотя султаны по-прежнему «пользуются по народным обычаям уважением и почетом», теперь «родовое значение султанов, ходжей и биев значительно ослабело с тех пор, как офицерские чины и другие знаки отличия, дарованные киргизам за заслуги, предоставили возможность и непривилегированным лицам отправлять общественные должности и участвовать в управлении народом»³. Крайне пессимистично описание им «инородческого» населения Березовского и северной части Тобольского округа: «Инородцы Березовского округа живут в грязных чумах и юртах и почти поголовно страдают особенного рода болезнями... передающимися по наследству... и уничтожающими племя... Все эти инородческие племена, не пополняющиеся ни естественным приращением, ни приливом извне, положительно можно отнести к числу вымирающих. Их неминуемо ожидает печальная участь всякого племени, застигнутого в своем развитии другим сильнейшим племенем. Окруженные отовсюду русским племенем, слабые физически, неразвитые нравственно, при отсутствии духа предприимчивости, инородческие племена или должны совершенно поглотиться русским элементом и исчезнуть в нем, или же слабеть и вымирать мало-помалу от своей замкнутости и от недостатков свежих здоровых соков»⁴. Данное утверждение вполне согласуется с распространенным в русской интеллектуальной культуре первой половины XIX в. делением на исторические и неисторические народы. Заметим, что и в воспоминаниях Дюгамеля встречаются подобные утверждения, которые свидетельствуют о том, что генерал-губернатору данные идеи были близки: «...остяки – племя в высшей степени хилое и бедное... Там, точно так же, как и в Березове, русские торговцы, благодаря своим капиталам и большому умственному развитию, жестоко обижают местных жителей, которые – настоящие дети природы и скоро совсем исчезли бы с лица земли, если бы о них не заботилось правительство» (Дюгамель, 1885, с. 423–424).

Несмотря на попечение и заботу, пишет Дюгамель уже в отчете, «с появлением русских повторяется то же самое явление, которое представляют нам первобытные жители Америки, в столкновении их с англо-саксонским племенем они не могут противостоять живучести и высшему развитию народа, с которым стали в соприкосновение, и вследствие невыгодных климатических условий, порождающих гибельные болезни, инородцы мало-помалу вымирают и со временем, вероятно, вовсе исчезнут с лица земли. Для отдаления, по возможности, этого грустного явления, остяки и самоеды требуют особой над собой опеки правительства»⁵. Данная позиция соотносится с общим правительственным курсом на инкорпорацию аборигенов в имперскую систему государственных, экономических и иных связей, сочетающим методы материального и морального поощрения с неприкрытым администрированием, свидетельствует о патерналистском отношении к аборигенам [Сибирь..., 2007, с. 203, 212].

Сопоставление упомянутых отчетов с выводами А. Ю. Ледовских об интерпретации «инородческого вопроса» в Сибири в консервативной журнальной периодике второй половины XIX в. показывает определенную близость репрезентаций аборигенного населения региона. Исходя из того, что «сибирские инородцы» не представляли угрозы целостности империи, консерваторы воспринимали их вполне лояльно, как экзотическое дополнение к сибирской действительности, невежественных и наивных «детей», которые в будущем благодаря воз-

² РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 8А. Л. 12 – 12 об.

³ Там же. Л. 6 – 6 об.

⁴ Там же. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 1. Л. 19 об. – 20.

⁵ Там же. Л. 103.

действию русских достигнут такого же высокого культурного уровня и смогут внести свой особенный вклад в жизнь империи [Ледовских, 2008, с. 43, 94–95 и др.]. Однако наряду с этим местными администраторами не мог игнорироваться вопрос о негативном влиянии русского населения на экономическое, демографическое и культурное развитие местного населения, который регулярно поднимался областническими и народническими публицистами и отражал реально существующие проблемы, в том числе и связанные с управлением «инородческим» населением. Нередко генерал-губернаторы Западной Сибири указывали на «неблагоприятное влияние, а иногда и злоупотребления коммерческих людей, недобросовестно пользовавшихся простотою и бедностью» «инородцев», прямо обвиняли русских рыбопромышленников, захватывавших лучшие рыбные места и бравших их в аренду за бесценку, ведших несправедливую торговлю, спаивавших аборигенов⁶. Повторяя основные тезисы отчетов своих предшественников, А. П. Хрущов в отчете за 1866 г. дополняет их указанием на то, что «звериный промысел в результате постоянного и не экономического истребления зверя с каждым годом падает»⁷. Он развивает и мысль о захвате лучших озер русскими промышленниками и казаками. Однако причиной этого в отчетах, в ориенталистском (в варианте Э. Саида) ключе, называются социокультурные и социально-психологические характеристики самих «инородцев», в том числе их «бедность, неразвитость и беспечность»⁸. Вообще постоянно подчеркивалась мысль, что большая часть проблем «инородцев» вызвана их ленью и нерадением к труду⁹. В отчете за 1867 г. так прямо и сказано: «Леность, умственная неразвитость и ограниченность потребностей составляют отличительный признак большинства инородцев в Западной Сибири, экономический быт которых находится на самой низкой степени развития. Владея лучшими пахотными, сенокосными, лесными и рыболовными угодьями, татары не разрабатывают их, предпочитая пользоваться... ничтожною арендною платою. Они... влачат жалкое существование»¹⁰. Но еще «более печальное состояние представляют по своему образу жизни обитающие на севере Тобольской губернии остяки и самодеды». Хотя они платят незначительный ясак, у них нет податей, они владеют богатыми рыбными промыслами и лесными угодьями, но при «неразвитии их в умственном и экономическом отношениях» в положении их мало утешительного. Богатые рыбные ловли отдаются за ничтожную плату русским промышленникам, а сами владельцы нанимаются к ним в работники. Таково же положение «инородцев» и в Томской губернии¹¹. Попутно заметим, что сетования на лень и неразвитость характерны не только для репрезентаций аборигенного населения, они адресуются и русскому старожильческому населению. О чем, к примеру, упоминает восточносибирский генерал-губернатор Н. Н. Муравьев в отчете за 1849 г.¹²

Близкую позицию фиксируют и отчеты Н. Г. Казнакова: «Крайняя бедность остяков и самодедов» происходит преимущественно от «неудержимой страсти к крепким напиткам». Все меры правительства остаются безуспешными «по причине умственной неразвитости и суровой обстановки жизни инородцев, частью вследствие беспощадной эксплуатации их промышленниками». Миссионеры, учителя и медики неохотно едут в отдаленные суровые районы, а обучение уроженцев пока организовать не удастся. Остается лишь «следить, чтобы рыболовные пески сдавались инородцами в аренду за справедливую цену»¹³.

Схожие репрезентации аборигенного населения очевидны из отчетов восточносибирских генерал-губернаторов 1850–1880-х гг. Как и в Западной Сибири, отчеты свидетельствуют о том, что степень актуальности «инородческого вопроса» не только отличалась у разных глав генерал-губернаторств, но и зависела от задач, которые они ставили перед собой и под-

⁶ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6 (1864). Д. 133. Л. 9 об.

⁷ Там же. Ф. 1281. Оп. 7 (1868). Д. 9. Л. 28 об.

⁸ Там же. Л. 29 – 29 об.

⁹ Там же. Л. 86 об.

¹⁰ Там же. Оп. 7 (1869). Д. 51. Л. 7 об. – 8.

¹¹ Там же. Л. 8–12.

¹² Там же. Оп. 5. Д. 132. Л. 23 об. – 24.

¹³ Там же. Ф. 948. Оп. 1. Д. 65. Л. 39 об. – 41.

чиненными в тот или иной период управления. И. П. Барсуков называл Н. Н. Муравьева защитником «инородческого» населения, оберегавшим «инородцев от незаконного закрепощения и грубого произвола разных промышленников» и оставившим «благодарную память в коренном населении Восточной Сибири» (Барсуков, 1891, с. I). Однако его отчеты за 1848–1851 гг. содержат единичные упоминания о коренных жителях края. Это объясняется другими геополитическими и административными приоритетами, связанными с присоединением Амура. Судя по отчетам, «инородцы» интересуют Муравьева как объект защиты от «алчных притеснений» со стороны купечества¹⁴ и в связи с угрозой распространения ламаизма в Забайкальской области¹⁵. Ситуация меняется в 1852–1853 гг., когда он представляет проект «О преобразовании ламайского духовенства». Опытный управленец поддерживал генеральную линию по распространению на инородцев общероссийского законодательства, но, учитывая геополитическую ситуацию, предлагал действовать с большой осторожностью [Дамешек Л., Дамешек И., 2021]. Во второй половине 1850-х гг., указывая на желательность распространения общего законодательства на «оседлых инородцев», Муравьев по-прежнему довольно осторожен и конкретен. Так, в отчете за 1856 г. читаем: «Все законы, относящиеся до управления сибирскими инородцами, относятся к 1822 г. Нет сомнения, что с этого времени инородцы сделали большой шаг на пути к гражданственности, многие из них из кочевых сделали оседлыми и, в быту своем ни в чем не отличаясь от русских крестьян, чувствуют потребность в изменении законов, составленных сообразно их прежнему быту 35 лет тому назад. Именно в таком положении находятся инородцы округов: Иркутского, Балаганского и Верхоленского (Иркутской губернии) и Минусинского (Енисейской губернии), все они давно уже бросили кочевую жизнь, занимаются хлебопашеством и, находясь в постоянных торговых и других сношениях с русскими, чувствуют потребность в общих с ними законах»¹⁶.

В соответствии с правительственной установкой «превращения Сибири в Россию» в отчетах высказывается желательность распространения земледелия в крае, что имело целью не только экономическую, но социокультурную инкорпорацию «инородцев» (в этническом, а не в сословном понимании этого слова) в состав империи, а в качестве цивилизатора рассматривался «православный крестьянин-земледелец, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского “инородца” не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться, говорить и думать по-русски» [Сибирь..., 2007, с. 209]. Исходя из этого степень интеграции аборигенного населения определялась способностью к ведению земледельческого хозяйства.

Самое распространенное для отчетов восточносибирских генерал-губернаторов высказывание: «Буряты – полезные хлебопашцы, татары и якуты – большие скотоводы, тунгусы – отличные звероловы»¹⁷. Понятно, что здесь представлен взгляд с одной точки зрения – значения для начальства и фискальных интересов казны. А. П. Игнатьев (и его подчиненные) довольно подробно характеризует бурят и якутов. При этом обнаруживается вполне достаточная информированность о специфике управленческой структуры, о различиях в быте отдельных племен, подчеркивается относительно большая степень усвоения русской культуры, способов хозяйства и обычаев у бурят Иркутской губернии. Ставится вопрос о возможности и необходимости ликвидации Устава об инородцах, обусловливавшего сохранение до некоторой степени властных полномочий за местными выборными органами управления и обычное право в ряде судебных разбирательств (Всепопданнейший отчет..., 1886, с. 24).

Нередко генерал-губернаторы предъявляли претензии и к миссионерам. М. С. Корсаков утверждал, что «неумеренная ревность миссионеров, выражаясь во временных благоприят-

¹⁴ РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 132. Л. 40 – 40 об.

¹⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9, карт. 1734. Д. 1. Л. 1 – 1 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6 (1857). Д. 284. Л. 56 об. – 57.

¹⁷ Там же. Оп. 10. Д. 202. Л. 8.

ных результатах, может помешать делу христианской проповеди в будущем»¹⁸. Н. П. Синельников – что они не соответствуют своему высокому призванию¹⁹. Муравьев подчеркивал, что «умственное образование» «иностранцев» должно предшествовать их религиозному просвещению²⁰. Но все считали важной и полезной деятельностью миссионеров по обращению аборигенов в православие, что способствовало их постепенному обрусению – единственному приемлемому для части представителей русского духовенства, власти и интеллигенции способу их инкорпорации в общеимперское социокультурное пространство. П. А. Фредерикс подчеркивал, что «обрусение иностранцев и успехи между ними гражданственности обуславливаются исключительно принятием православия, что доказывает быт оседлых ясачных бурят, давно усвоивших русскую жизнь»²¹.

Горячий сторонник русификации бурятского населения А. П. Игнатъев настаивал: «Следует всемерно способствовать полному слиянию бурят с остальным русским населением, иначе говоря, обрусению их, что, в свою очередь, несомненно, поведет и к успехам в деле миссионерской проповеди» (Всеподданнейший отчет..., 1889, с. 39). Именно его предложения, наряду с идеями министра внутренних дел И. Л. Горемыкина, легли в основу закона 8 июня 1898 г., явившегося началом подчинения аборигенов действию общерусского законодательства [Сибирь..., 2007, с. 237].

Примечательно, что на протяжении всего изучаемого периода аборигенное население, как и русское крестьянство, позиционировалось в духе патерналистского дискурса как объект заботы и защиты от «вредных элементов», в первую очередь уголовных и административных ссыльных. Так, уже упомянутый А. П. Игнатъев, характеризуя якутское население, подчеркивает многочисленность, основательность и справедливость жалоб на «причисление к их наслегам и улусам ссыльных различных категорий». Он, в частности, замечает: «В бытность мою в Якутской области выяснилось вполне, до какой степени обременительна эта особая повинность для народа, обездоленного самою природою» (Всеподданнейший отчет..., 1886, с. 26).

Имея в виду, что позиция генерал-губернаторов по отношению к уголовной ссылке детально изучена А. М. Хламовой [2010], отметим, что красной нитью через большинство проанализированных нами отчетов проходит мысль о пагубном, развращающем воздействии уголовных и административных ссыльных и каторжан на социокультурный облик сибирского населения и на криминальную ситуацию в регионе, разочарование в колонизационном потенциале «отбросов Европейской России». Пожалуй, наиболее ярко эта мысль сформулирована в отчете Д. Г. Анучина: «Принудительное ее заселение и отбрасывание в нее всех подонков русского общества в виде ссыльных и ссыльнокаторжных положили на тамошнюю жизнь и порядки особый отпечаток. Административный произвол, самую силу вещей становившийся в прежнее время на место закона в этой пустынной стране, извратил совершенно понятие о законности, как у управляющих, так и в населении»²².

Таким образом, сравнение репрезентаций «иностранческого населения» в отчетах генерал-губернаторов с теми, что были известны читающей публике благодаря периодическим изданиям, свидетельствует об их сходстве, но и о различиях по целому ряду вопросов. Для отчетов, как и для общественно-политических газет и журналов либеральной и народнической ориентации, специализированных географических и исторических изданий, было характерно сопоставление представителей неоседлых аборигенных этносов с дикарями, «пасынками природы». Подобно авторам отчетов, публицисты обращали внимание на необходимость сокращения размера ясачных сборов, на пагубность влияния купцов, а также уголовных и административных ссыльных (см. [Ледовских, 2006; 2008; 2010; Кузнецова, 2007а; 2007б]

¹⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6 (1863). Д. 99. Л. 6 об. – 7.

¹⁹ Там же. Ф. 1284. Оп. 67 (1872). Д. 337. Л. 8 об.

²⁰ Там же. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 130. Л. 41 – 41 об.

²¹ Там же. Ф. 1284. Оп. 69 (1876). Д. 485. Л. 32.

²² Там же. Оп. 70 (1882). Д. 102. Л. 8.

и др.). Отдельные авторы либеральных и народнических изданий, как и представители высшей правительственной власти в регионе, считали, что одним из рецептов «спасения» коренного населения является распространение христианства (при этом авторы «толстых» журналов настаивали исключительно на добровольной и постепенной христианизации) [Родигина, 2005, с. 48–49]. Однако на страницах периодики, особенно марксистской и областнической, нередкой была и критика внешнего, формального усвоения основ христианской религии, любого принуждения к ее принятию. Как публицистам (вне зависимости от их идеологических симпатий) и этнографам, «открывавшим» для себя «местных индейцев», авторам проанализированных нами делопроизводственных документов присуща определенная мифологизация (а иногда и романтизация) «инородцев», отношение к ним, как неиспорченным цивилизацией дикарям, нуждающимся в опеке, изучении и просветительском воздействии. В отчетах, как и на страницах периодической печати, сконструирован противоречивый образ «инородца»: с одной стороны, он выступает в качестве привлекательно-романтического дикаря, с другой же – как непонятный («ленивый», «ограниченный», «лживый», «беспомощный»), а иногда и потенциально враждебный символ осваиваемого имперского пограничья [Там же, с. 49–50]. И в отчетах, и в периодической печати внимание акцентируется на проблемах «кочевых» и «бродячих» «инородцев», «оседлые» же представляются более благополучными в социально-экономическом и социокультурном аспектах. Народнические, областнические и марксистские публицисты постоянно подчеркивают общность социальных и культурных проблем русских и аборигенных сельских жителей Сибири. При этом, разумеется, в отчетах нет критики власти за сокращение численности и тяжелое материальное положение «инородцев»; тема «вымирания» автохтонных народов в отчетах подается гораздо мягче.

По отчетам со всей очевидностью прослеживается общая для всей правительственной политики тенденция к уравниванию правового, социального и экономического статуса инородцев с русским крестьянством. Но в то же время несомненно лучше ориентировавшиеся в сибирских реалиях генерал-губернаторы – во всяком случае часть их – в большей степени склонны к защите интересов региона, а значит, и сибирского, в том числе и инородческого, населения.

Список литературы

- Андреев Ч. Г.** Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX века (60-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.): модернизация и традиционный образ жизни. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. с.-х. акад., 2001. 287 с.
- Дамешек Л. М.** Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 320 с.
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.** Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский и положение о ламайском духовенстве 1853 г. // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2021. № 72. С. 31–34.
- Казарина Г. А.** Коренное население Сибири на страницах «Томских губернских ведомостей» во второй половине XIX в.: авторы, проблематика, жанры: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 180 с.
- Ковалешкина Е. П.** «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 323 с.
- Конев А. Ю.** «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 117–120.
- Конев А. Ю.** Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX в.). М.: Координац.-метод. центр прикладной этнографии ИЭИА, 1995. 217 с.

- Кузнецова (Кебак) Т. А.** «Инородческий» вопрос на страницах столичных журналов Русского Географического общества во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых. Омск, 2007а. Вып. 10. С. 111–123.
- Кузнецова (Кебак) Т. А.** Представления русских об «инородческом» населении Сибири во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам сибирских периодических изданий Русского Географического общества) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2007б. С. 104–111.
- Ледовских А. Ю.** «Инородческий вопрос» в Сибири на страницах специализированных географических изданий второй половины XIX – начала XX в. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 1 (дополнительный): История. С. 46–50.
- Ледовских А. Ю.** Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. 241 с.
- Ледовских А. Ю.** Актуализация и обсуждение сибирского «инородческого вопроса» в общественно-политической журнальной прессе пореформенной России: реальная проблема или вариант самопрезентации? // Вопросы истории Сибири. Омск, 2010. Вып. 2. С. 103–116.
- Матханова Н. П., Родигина Н. Н.** Всеподданнейшие отчеты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе // Гуманитарные науки в Сибири. 2019а. Т. 26, № 1. С. 45–51.
- Матханова Н. П., Родигина Н. Н.** Образ Сибири в отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX в. // *Quaestio Rossica*. 2019б. Т. 7, № 3. С. 835–850.
- Матханова Н. П., Родигина Н. Н.** Репрезентации сельского населения региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX века: крестьянство // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 49–60. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-49-60
- Панченко А. Б., Стафеев О. Н.** Инородческий вопрос в дискурсах Российской империи: между потребностями государства и представителями общества // Вестник ТГУ. 2018. № 436. С. 164–174.
- Ремнев А. В.** Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX в. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
- Родигина Н. Н.** «Жаль, что комнаты и книги совсем скрыли от нас эту жизнь»: «инородческий вопрос» в Сибири на страницах либеральных и народнических журналов рубежа XIX–XX вв. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2005. С. 45–57.
- Сенина Е. А.** «Инородческий» вопрос на страницах сибирской периодической печати во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2005. 326 с.
- Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М.: НЛЮ, 2007. 368 с.
- Слезкин Ю.** Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: НЛЮ, 2018. 512 с.
- Слокум У. Дж.** Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 502–532.
- Хламова А. М.** Уголовная ссылка в Сибирь в материалах официального делопроизводства высшей администрации во второй половине XIX в. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 246–250.
- Шерстова Л. И.** Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX вв. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 1999. 432 с.

Список источников

- Барсуков И. П.** Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: В 2 т. М.: Синодальная тип., 1891. Т. 1. 672 с.

- Всеподданнейший отчет и[справляющего] д[олжность] генерал-губернатора Восточной Сибири за 1885–1886 года. СПб.: Типолит. А. М. Вольфа, 1886. 52 с.
- Всеподданнейший отчет по управлению Иркутским генерал-губернаторством за 1887–1889 год. СПб., 1889. 77 с.
- Дюгамель А. О.** Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля // Русский архив. 1885. Т. 2, № 7. С. 371–427.

References

- Andreev Ch. G.** Korennye narody Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (60-e gg. XIX v. – oktyabr' 1917 g.): modernizatsiya i traditsionnyi obraz zhizni [Indigenous Peoples of Eastern Siberia in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century (1960s – October 1917): Modernization and Traditional Lifestyle]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buryatskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii, 2001, 287 p. (in Russ.)
- Dameshek L. M.** Sibirskie “inorodtsy” v imperskoi strategii vlasti (XVIII – nachalo XX v.) [Siberian “Foreigners” in the Imperial Strategy of Power (18th – Early 20th Century)]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya, 2007, 320 p. (in Russ.)
- Dameshek L. M., Dameshek I. L.** General-gubernator Vostochnoi Sibiri N. N. Murav'ev-Amurskii i polozhenie o lamaiskom dukhovenstve 1853 g. [Nikolay Muravyov-Amursky as the Governor-General of Eastern Siberia and the Regulation on Lamai Clergy in 1853]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal. History], 2021, no. 72, pp. 31–34. (in Russ.)
- Dameshek L. M., Remnev A. V.** (eds.). Sibir' v sostave Rossiyskoy Imperii [Siberia in the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 368 p. (in Russ.)
- Kazarina G. A.** Korennoe naselenie Sibiri na stranitsakh “Tomskikh gubernskikh vedomostei” vo vtoroi polovine XIX v. [The Indigenous Population of Siberia on the Pages of “Tomskiye Gubernskiye Vedomosti” in the 2nd Half of the 19th Century]. Cand. Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2009, 180 p. (in Russ.)
- Khlamova A. M.** Criminal Exile to Siberia in the Official Records of the Higher Administration in the 2nd Half of the 19th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, iss. 1, pp. 246–250. (in Russ.)
- Konev A. Yu.** Korennye narody Severo-Zapadnoi Sibiri v administrativnoi sisteme Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Indigenous Peoples of North-Western Siberia in the Administrative System of the Russian Empire (18th – Early 20th Century)]. Moscow, Koordinatsionno-metodicheskii tsentr prikladnoi etnografii IEIA, 1995, 217 p. (in Russ.)
- Konev A. Yu.** “Inorodtsy” Rossijskoj imperii: k istorii vozniknoveniya ponyatiya [“Inorodtsy” of the Russian Empire: History of Concept's Origin]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2014, no. 13, pp. 117–120. (in Russ.)
- Kovalyashkina E. P.** “Inorodcheskii vopros” v Sibiri: Kontseptsii gosudarstvennoi politiki i oblastnicheskaya mysl' [“Foreigners' Issue” in Siberia: Concepts of Government Policy and Regional Thought]. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 2005, 323 p. (in Russ.)
- Kuznetsova (Kebak) T. A.** “Inorodcheskii” vopros na stranitsakh stolichnykh zhurnalov Russkogo Geograficheskogo obshchestva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [“Foreigners” Issue on the Pages of the Capital's Journals of the Russian Geographical Society in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. In: *Voprosy metodologii i istorii v rabotakh molodykh uchenykh* [Questions of Methodology and History in the Works of Young Scholars]. Omsk, 2007, iss. 10, pp. 111–123. (in Russ.)
- Kuznetsova (Kebak) T. A.** Predstavleniya russkikh ob “inorodcheskom” naselenii Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (po materialam sibirskikh periodicheskikh izdaniy Russkogo Geograficheskogo obshchestva) [Russian Perception of the “Foreign” People of Siberia in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century (Based on Materials from Siberian Periodicals of

- the Russian Geographical Society)]. In: *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Studies in Siberia: Problems and Perspective]. Novosibirsk, 2007, pp. 104–111. (in Russ.)
- Ledovskikh A. Yu.** “Inorodcheskii vopros” v Sibiri na stranitsakh spetsializirovannykh geografi-cheskikh izdaniy vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [“Foreigners’ Issue” in Siberia on the Pages of Specialized Geographical Publications of the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2006, vol. 5, iss. 1 (special edition), pp. 46–50. (in Russ.)
- Ledovskikh A. Yu.** Sibirskii “inorodcheskii vopros” na stranitsakh rossiyskoi zhurnal’noi pressy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Siberian “Non-Russian Issue” on the Pages of Russian Magazines in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. Cand. Hist. Sci. Diss. Omsk, 2008, 241 p. (in Russ.)
- Ledovskikh A. Yu.** Aktualizatsiya i obsuzhdenie sibirskogo “inorodcheskogo voprosa” v obshchestvenno-politicheskoi zhurnal’noi presse poreformennoi Rossii: real’naya problema ili variant samoprezentatsii? [Actualization and Discussion of the Siberian “Foreigners’ Issue” in the Socio-Political Magazines of Post-Reform Russia: A Real Problem or just a Way of Self-Presentation?]. In: *Voprosy istorii Sibiri* [Questions of History of Siberia]. Omsk, 2010, iss. 2, pp. 103–116. (in Russ.)
- Matkhanova N. P., Rodigina N. N.** Vsepodanneishie otchety kak istochnik dlya izucheniya predstavlenii sibirskikh general-gubernatorov vtoroi poloviny XIX stoletiya o regione [Reports as a Source for Studying Siberian Governor-Generals’ Views on the Region in the 2nd Half of the 19th Century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2019, vol. 26, no. 1, pp. 45–51. (in Russ.)
- Matkhanova N. P., Rodigina N. N.** Obraz Sibiri v otchetakh general-gubernatorov vtoroi poloviny XIX veka [The Image of Siberia in the Accounts of Governors-General in the 2nd Half of the 19th Century]. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 3, pp. 835–850. (in Russ.)
- Matkhanova N. P., Rodigina N. N.** The Representations of the Rural Population of the Region in the Reports of Siberian Governor-Generals in the 2nd Half of the 19th Century: The Peasantry. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 8: History, pp. 49–60. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-8-49-60
- Panchenko A. B., Stafeev O. N.** Inorodcheskii vopros v diskursakh Rossijskoi imperii: mezhdru potrebnostyami gosudarstva i predstavatelyami obshchestva [Inorodtsy’s Question in the Discourse of Russian Empire: Between Government Needs and Society Images]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2018, no. 436, pp. 164–174. (in Russ.)
- Remnev A. V.** Sibir’ v imperskoi geografii vlasti XIX – nachala XX v. [Siberia in the Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Century]. Omsk, Omsk State Uni. Press, 2015, 580 p. (in Russ.)
- Rodigina N. N.** “Zhal’, chto komnaty i knigi sovsem skryli ot nas etu zhizn’”: “inorodcheskii vopros” v Sibiri na stranitsakh liberal’nykh i narodnicheskikh zhurnalov rubezha XIX–XX vv. [“It Is a Shame that the Rooms and Books Completely Overshadow this Life from Us”: The “Foreigners’ Issue” in Siberia on the Pages of Liberal and Populist Journals at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. In: *Etnografiya Altaya i sopredel’nykh territorii* [Ethnography of Altay and Neighboring Territories]. Barnaul, 2005, pp. 45–57. (in Russ.)
- Senina E. A.** “Inorodcheskii” vopros na stranitsakh sibirskoi periodicheskoi pechati vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [“Foreigners” Issue on the Pages of the Siberian Periodicals in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. Dr. Hist. Sci. Diss. Irkutsk, 2005, 326 p. (in Russ.)
- Sherstova L. I.** Etnopoliticheskaya istoriya tyurkov Yuzhnoi Sibiri v XVII–XIX vv. [Ethnopolitical History of the Turks of Southern Siberia in the 17th – 19th Centuries]. Tomsk, Izdatel’stvo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 1999, 432 p. (in Russ.)

- Slezkin Yu.** Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Trans. from Eng. by J. Leonteva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 512 p. (in Russ.)
- Slocum J. W.** Kto i kogda byli “inorodtsami”? Evolyutsiya kategorii “chuzhie” v Rossiyskoi imperii [Who and When Were the “Inorodtsy”? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia]. In: Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya [Russian Empire in Foreign Historiography. Works of Recent Years: Anthology]. Moscow, 2005, pp. 502–532. (in Russ.)

List of Sources

- Barsukov I. P.** Graf Nikolai Nikolaevich Murav’ev-Amurskii po ego pis’mam, ofitsial’nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam [Count Nikolay Nikolaevich Muravyev-Amursky according to His Letters, Official Documents, Narratives of His Contemporaries and Printed Sources]. In 2 vols. Moscow, Sinodal’naya tipografiya, 1891, vol. 1, 672 p. (in Russ.)
- Dyugamel A. O.** Avtobiografiya Aleksandra Osipovicha Dyugamelya [Autobiography of Alexander Osipovich Dugamel]. *Russkii arkhiv* [Russian Archive], 1885, vol. 2, no. 7, pp. 371–427. (in Russ.)
- Vsepoddanneishii otchet i[spravlyayushchego] d[olzhnost’] general-gubernatora Vostochnoi Sibiri za 1885–1886 goda [Report of the [Acting] Governor-General of Eastern Siberia for 1885–1886]. St. Petersburg, Tipolitografiya A. M. Vol’fa, 1886, 52 p. (in Russ.)
- Vsepoddanneishii otchet po upravleniyu Irkutskim general-gubernatorstvom za 1887–1889 god [Report of the Governor-General of Eastern Siberia for 1887–1889]. St. Petersburg, 1889, 77 p. (in Russ.)

Информация об авторах

- Наталья Петровна Матханова**, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57190745973
- Наталья Николаевна Родигина**, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 5719382567
WoS Researcher ID S-5134-2016

Information about the Authors

- Natalia P. Matkhanova**, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57190745973
- Natalia N. Rodigina**, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 5719382567
WoS Researcher ID S-5134-2016

*Статья поступила в редакцию 14.12.2021;
одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 03.03.2022
The article was submitted 14.12.2021;
approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication 03.03.2022*

Научная статья

УДК 94(47).08; 94(575.1)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-91-102

Борьба России против жестоких уголовных наказаний в Бухарском эмирате (коммуникационные аспекты)

Роман Юлианович Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Россия

rpochekaev@hse.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528>

Аннотация

Рассматриваются причины и основные этапы борьбы Российской империи против жестоких наказаний в Бухарском эмирате в период его пребывания под российским протекторатом (1868–1917). Основное внимание уделено выбору методов и инструментов коммуникации в рамках этой борьбы, учитывая, что административные и правовые средства влияния российских властей на правящие круги Бухары были весьма ограниченными в связи с неопределенными формулировками договоров 1868 и 1873 гг., которыми де-факто и закреплялся протекторат империи над среднеазиатским государством. Анализируются коммуникационные инструменты, использовавшиеся для отмены жестоких наказаний в эмирате российскими чиновниками и дипломатами, представителями предпринимательских кругов и журналистами. В заключение предпринимается попытка ответить на вопрос, почему, несмотря на активность сторонников отмены жестоких и устаревших наказаний в Бухаре, поставленная ими цель так и не была достигнута вплоть до отмены российского протектората.

Ключевые слова

Российская империя, Бухарский эмират, протекторат, преступления и наказания, традиционное государство и право, политическая коммуникация

Для цитирования

Почекаев Р. Ю. Борьба России против жестоких уголовных наказаний в Бухарском эмирате (коммуникационные аспекты) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 91–102. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-91-102

Russia's Fight against the Savage Punishments in the Emirate of Bukhara (Communicative Aspects)

Roman Yu. Pochekaev

National Research University "Higher School of Economics"

St. Petersburg, Russian Federation

rpochekaev@hse.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528>

Abstract

The article analyzes the instruments of political communication used by Russian authorities and other groups of interests in the fight for the abolition of the most severe punishments in the Emirate of Bukhara as an element of its political-legal and social-economic modernization. On a base of legal acts, notes of contemporaries and periodicals of the end of the 19th – beginning of the 20th centuries the author analyzes using of different communication tools, groups of interests which used them, effectiveness of communicative means. In particular, diplomatic demarches of imperial diplomats and "own example" of the Russian settlements on the territory of the Emirate of Bukhara are examined as

© Почекаев Р. Ю., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 91–102
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 91–102

well as direct political consultations of frontier Russian administration (of the Turkestan Governor-Generalship) with Bukharan emirs and high officials and campaign in periodical at the beginning of the 20th century launched by Russian business circles and political parties. The study clarifies the reasons why the goal was not reached despite the active position of Russian actors: some instruments could be effective in relations with Western states but were not relevant in case of the Central Asian country, besides that, the conflicts between Russian authorities (Military Ministry from one side and Ministry of Foreign Affairs from another) on the “Bukharan question” graded effect of political communication executed by regional authorities and Russian actors immediately in the Emirate.

Keywords

Russian Empire, Emirate of Bukhara, protectorate, crimes and punishments, traditional state and law, political communication.

For citation

Pochekaev R. Yu. Russia's Fight against the Savage Punishments in the Emirate of Bukhara (Communicative Aspects). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 91–102. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-91-102

В историографической традиции уже в XX в. было широко распространено мнение, что после установления российского протектората над Бухарским эмиратом это государство попало под полный контроль российских властей, которые начали вносить значительные изменения в его политическое и социально-экономическое устройство, вытесняя прежние институты новыми, которые устраивали имперские властные и торговые круги. Широко распространено было мнение о том, что эмират фактически являлся частью России, власти которой просто не считали целесообразным включать его в состав империи официально [Турсунова, 2014, с. 184–186; Тухтаметов, 1966, с. 50–67; Халфин, 1965, с. 409–419; Becker, 2004, p. 146–148, 174–177; Holdsworth, 1959, p. 63–65].

Новейшие исследования различных аспектов русско-бухарских отношений эпохи протектората, казалось бы, подтверждают эту позицию. В самом деле, в эмирате были размещены российские войска, обеспечивавшие лояльность вассального правителя империи [Почекаев, 2020]. В 1890-х гг. были сняты таможенные ограничения между Россией и Бухарой [Почекаев, 2016]. На рубеже XIX–XX вв. курс бухарской валюты (таньга) был привязан к российскому рублю, на территории эмирата стали действовать филиалы и отделения российских банков [Алимджанов, 2018а; 2018б]. В начале XX в. в Бухарском эмирате стала действовать российская полиция, боровшаяся с иностранными агентами и местной оппозицией эмиру и российским властям [Котюкова, 2020, с. 52–55]. Таким образом, современные исследователи в полной мере поддерживают тезис о постепенном усилении контроля Российской империи над Бухарой, при этом некоторые из них, отказавшись от прежней «колониационной» парадигмы, склонны видеть в действиях российских властей политику фронтальной модернизации, т. е. постепенного повышения уровня развития протектората с целью последующей полноценной его интеграции в имперское политико-правовое и социально-экономическое пространство [Лысенко, Гончаров, 2017].

Однако более детальное изучение политики российских властей по отношению к Бухаре в конце 1860-х – 1910-е гг. дает основание утверждать, что все перечисленные и иные изменения, по сути, носили «косметический» характер, касались исключительно сферы русско-бухарских отношений и совершенно не затрагивали внутренней жизни Бухарского эмирата, сохранившего почти в неприкосновенности все свои основные политические, правовые и социально-экономические институты, существовавшие на протяжении предшествующих веков. Безусловно, российские власти осознавали это и старались изменить ситуацию, однако у них отсутствовали реальные возможности проведения каких бы то ни было радикальных преобразований в эмирате: договоры 1868 и 1873 гг., которые, как считается, закрепляли зависимость Бухары от России, не содержали никаких положений, предоставляющих российским властям право вмешиваться во внутреннюю жизнь эмирата.

В связи с этим имперской администрации, осознававшей необходимость перемен во внутренней жизни Бухары, приходилось использовать неюридические средства и методы влияния

на местные власти для того, чтобы подвигнуть их на определенные изменения. Сегодня мы отнесли бы эти действия к сфере политической коммуникации. В настоящей статье предпринимается попытка проследить применение и эволюцию коммуникационных средств, использовавшихся Россией на примере борьбы за отмену наиболее жестоких и необычных наказаний, применявшихся в Бухарском эмирате. Насколько нам известно, этот вопрос прежде не становился специальным предметом изучения, кроме того, в рамках настоящего исследования применяется комплексный подход, сочетающий методы исторического (источниковедческого), историко-правового и коммуникационного исследования.

Источниковую базу исследования составили записки современников – российских и западных дипломатов, ученых, путешественников, побывавших в Бухарском эмирате в рассматриваемый период и отразивших в своих сочинениях проблему применения жестоких наказаний и борьбу против них российских властей. В качестве источников привлекаются также публикации в российских периодических изданиях, посвященные исследуемой проблеме.

Отметим, что вопрос о жестоких наказаниях в Бухарском эмирате поднимался российской и западной общественностью задолго до установления над ним протектората Российской империи. Иностранные современники, посещавшие эмират с начала XIX в. и вплоть до середины 1870-х гг., упоминают в своих записках о суровых телесных наказаниях за незначительные правонарушения, а также о жестоких казнях, применявшихся бухарскими властями по собственному усмотрению – даже с нарушением предписаний шариата (Бернс, 1848, с. 404–405, 435–436; Демезон, 1983, с. 57–58; Мейендорф, 1975, с. 137, 145; Игнатъев, 1897, с. 236–237; Татаринов, 1867, с. 63–64; Ханыков, 1843, с. 83–84).

Установление протектората Российской империи над Бухарским эмиратом поначалу никак не повлияло на сферу преступлений и наказаний в этом государстве: российские очевидцы первой половины 1870-х гг., так же как и их предшественники, фиксировали применение весьма суровых наказаний бухарскими властями – опять же вопреки представлениям о справедливости и принципам мусульманского права. Так, Л. Ф. Костенко, посетивший Бухару в составе дипломатической миссии в 1870 г., упомянул действие круговой поруки: женщина из гарема эмира оправилась на богомолье, по пути остановившись на ночлег в некоем доме, где была убита, после чего по приказу эмира были немедленно зарезаны все 11 обитателей этого дома, хотя днем позже схватили настоящих убийц (Костенко, 1871, с. 96). Журналист Н. П. Стремоухов, побывавший в Бухаре в 1874 г., дал выразительную характеристику «Башни смерти» – минарета, с которого сбрасывали приговоренных преступников, а также тюремного заключения в «клоповой яме» – подземной тюрьме с множеством насекомых, которые заедали заключенных насмерть, либо же те сходили с ума от условий пребывания в этом месте. Также он описал и другой вид тюрьмы – «классический» зиндан, в котором пожизненно пребывали приговоренные, не видя света и выживавшие лишь благодаря пище, приносимой их родственниками. Упомянул он и варварские методы получения показаний подозреваемых: поджаривание на углях, отрубание разных частей тела, выкалывание глаз, выдергивание ногтей, волос и пр. (Стремоухов, 1875, с. 683–684) Тем самым, как представляется, авторы этих сообщений обращали внимание властей на наличие проблемы жестоких средневековых наказаний в эмирате, установление протектората над которым преследовало цель модернизации отношений в этом государстве – повышения уровня его развития путем распространения в нем определенных российских (т. е., по сути, европейских) ценностей. Сфера преступлений и наказаний в этом отношении являлась одним из наиболее ярких примеров несоответствия текущего состояния Бухарского эмирата и планов имперской администрации.

Еще одной причиной борьбы российских властей за отмену жестоких наказаний в эмирате стало распространение принципов и норм бухарского права на территории, которые вошли в состав эмирата в последней четверти XIX в. в том числе и при содействии российских властей. К таковым, в частности, относились государства Дарваз и Каратегин, вошедшие в состав эмирата в 1870-е гг., а также западно-памирские горные княжества Вахан, Рушан

и Шугнан, ставшие бухарскими владениями по итогам русско-британского соглашения о мирском разграничении между Бухарским эмиратом и Афганистаном 1895 г. [Искандаров, 1962, с. 133–153; Халфин, 1975, с. 8–17] Естественно, сделав эти владения частью российского протектората, имперские власти чувствовали определенную ответственность за их судьбу, и попытки бухарских властей распространить на них систему наказаний, действовавшую в эмирате, в рамках которой телесные наказания и смертная казнь заменили штрафы, ранее применявшиеся за те же преступления (Кузнецов, 1893, с. 71; Серебренников, 1900, с. 83–84), заставляли русскую администрацию настойчиво бороться за изменение принципов уголовно-исполнительных отношений не только на этих территориях, но и в эмирате в целом.

Первые попытки изменить ситуацию в Бухаре представители Российской империи стали предпринимать с конца 1870-х гг., когда стало очевидным укрепление русского влияния в эмирате и зависимость эмира от имперской администрации. Тем не менее, отсутствие правовых средств воздействия на эмира и правящие круги Бухары заставляло даже уполномоченных российских чиновников и дипломатов предпринимать неформальные шаги в рамках борьбы с жестокими наказаниями, используя различные средства коммуникационного воздействия.

Первым из них стали своеобразные «демарши» российских дипломатов, чьи посещения совпадали с казнями, устраивавшимися по приказу эмира. Так, Н. А. Маев, туркестанский военный чиновник и публицист, описал случай, когда ко двору эмира прибыл некий токсаба (региональный чиновник) Рахматулла, ранее участвовавший в восстании Катта-хана, сына эмира против отца. Несмотря на то что сам эмир ранее помиловал всех участников восстания, он тут же составил «хатт» (смертный приговор), и токсаба был казнен, а его труп приказали оставить до вечера на улице. Российские дипломаты, ставшие свидетелями казни, отказались ехать во дворец мимо трупа казненного и заявили о своем отъезде; в ответ на просьбу эмира отсрочить отъезд ими было указано, что сам эмир не отсрочил казнь до их убытия (Маев, 1879, с. 106). Аналогичное решение российских дипломатов было принято в 1888 г., когда был убит влиятельный бухарский сановник диван-беги, а его убийца отдан на волю родственников жертвы, которые замучили его до смерти, привязали труп к ослу и провезли через весь город, затем бросив на съедение собакам. Русские дипломаты возражали против такой жестокой казни, но, не добившись успеха, демонстративно покинули город (П. П. Ш., 1892; Dobson, 1890, p. 272–273). Впрочем, нельзя не отметить, что подобные действия посланников Российской империи, которые, несомненно, вызвали бы резонанс в дипломатических отношениях с любой из стран Европы, не производили должного впечатления на бухарских властителей, выстраивавших свою внешнюю политику на совершенно других принципах. Соответственно, этот коммуникационный прием не возымел должного эффекта, и представителям российского внешнеполитического ведомства пришлось изыскивать иные средства воздействия на бухарские власти.

Новые возможности официально бороться за отмену наиболее жестоких наказаний появились у российских властей после 1886 г., когда в Бухаре было открыто имперское дипломатическое представительство – Русское императорское политическое агентство. Его руководители обладали весьма широкими полномочиями по прямому взаимодействию с бухарскими монархами и высшими сановниками. Их целенаправленная деятельность по изменению системы наказаний принесла некоторые плоды: уже первый политический агент Н. В. Чарыков (в 1886–1890 гг.) отмечал, что ему удалось добиться отмены, в частности, таких наказаний, как сбрасывание с минарета, и закрытия зинданов (Чарыков, 2016, с. 143). Многие иностранцы, посетившие Бухару в конце XIX в., также отмечали (возможно, со слов Чарыкова или его преемников в политическом агентстве) прекращение сбрасывания с минарета и бросания заключенных в «клоповые ямы» (Boutroue, 1897, p. 24; Olufsen, 1911, p. 337, 548; Phibbs, 1899, p. 163–164).

Еще одним инструментом коммуникации российских властей в борьбе против жестоких наказаний стал своеобразный «собственный пример»: власти русских поселений на террито-

рии Бухарского эмирата (Новая Бухара, Новый Чарджуй, Термез) обладали правом суда на подконтрольной им территории в отношении русских подданных [Почекаев, 2014; Becker 2004, p. 112–116]. По отзывам современников, к русскому суду неоднократно пытались обращаться и бухарцы со своими исками и жалобами: русский суд был гораздо гуманнее эмирского и, соответственно, определял куда менее суровые наказания (Skrine, Ross, 1899, p. 383). Любопытно, что одним из показателей объективности российского суда в глазах местных жителей стало то, что он приговаривал к тюремному заключению, а в исключительных случаях и к смертной казни русских подданных (Ухтомский, 1891, с. 165–174)¹.

Как показали последующие события, Чарыков в значительной степени выдавал желаемое за действительное. Даже закрытие зинданов имело место лишь в отдельных местностях эмирата². Многие средневековые наказания сохранялись – причем в ряде случаев сами же чиновники, ответственные за исполнение приговора, по собственному усмотрению могли заменить менее мучительное повешение на жестокое перерезывание горла [Логофет, 1909, с. 149–150]. Также продолжали практиковаться пытки для получения признания (приковывание к шесту, лишение сна и т. п.) (Olufsen, 1911, p. 574).

Более того, благодаря политике российского Министерства иностранных дел влияние ближайшей имперской пограничной администрации (Туркестанского генерал-губернаторства) на бухарские дела с конца XIX в. постоянно уменьшалось, в результате чего многие достижения Н. В. Чарыкова со временем сошли на нет. Более того, очевидцы 1890-х – 1900-х гг. фиксировали не только сохранение зинданов (Дмитриев-Кавказский, 1894, с. 18–19), но и пребывание в них даже российских подданных (Рок-Тен, 1910а; Norman, 1902, p. 315).

Такая ситуация, конечно же, вызывала беспокойство не только властей, но и представителей гораздо более широких кругов, в частности предпринимателей, чиновников и ученых. Это объяснялось тем, что они в силу своих профессиональных обязанностей посещали Бухарский эмират и, соответственно, не могли быть уверены в том, что смогут в полной мере пользоваться правами и привилегиями, предусмотренными договорами 1868 и 1873 гг., и обеспечить собственную безопасность. Привлечь внимание властей к проблеме они могли лишь двумя способами: путем непосредственного взаимодействия с отдельными государственными сановниками (представителями центрального правительства и региональных администраций) либо же через средства массовой информации. Второй инструмент воздействия смог оказаться куда более эффективным после первой русской революции 1905–1907 гг., одним из результатов которой стало введение свободы печати с отменой предварительной цензуры и, соответственно, появление значительного числа периодических изданий самой разной политической и профессиональной направленности. Благодаря им представители самых разных социальных, политических и профессиональных групп получили возможность донести до широкой общественности сведения о ситуации в Бухарском эмирате [Почекаев, 2021, с. 49–50], в том числе о применявшихся в нем варварских наказаниях и о том, чем их сохранение грозило российским интересам в протекторате.

В результате в конце 1900-х – начале 1910-х гг. появляется целая серия публикаций о наказаниях и тюрьмах в Бухаре.

Так, в статье анонимного автора «Зиндан», опубликованной в «Туркестанских ведомостях» в 1908 г., и в статье «Тюрьмы в Бухаре», автор которой выступал под псевдонимом «Рок-Тен», опубликованной в «Туркестанском курьере» за 1910 г., констатировалось сохранение подземных тюрем в Бухарском эмирате, упразднение которых еще полтора десятилетия назад констатировалось политическим агентом Н. В. Чарыковым (Зиндан, 1908; Рок Тен, 1910б). Точно так же следователь Военно-окружного суда Туркестанского военного округа А. Я. Таранец, побывавший в Бухаре в начале 1910-х гг., не без иронии отмечал, что зиндан

¹ ЦГА РУз. Ф. И-1 (канцелярия Туркестанского генерал-губернатора). Оп. 9. Д. 114. URL: zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de (дата обращения 30.12.2021).

² См., например: (Логофет, 1910, с. 237).

«уничтожен, по крайней мере официально» (Таранец, 1913, с. 1024), давая понять, что фактически его продолжают использовать.

Автор, скрывшийся за подписью «А. Т-ев», в статье «Публичные наказания в Бухаре», опубликованной также в «Туркестанском курьере» за 1910 г., красочно описывает разнообразные телесные наказания, практикующиеся в Бухаре, в том числе даже в отношении высокопоставленных беков – наместников областей эмирата. Примечательно, что публичный характер казни, по мнению автора статьи, является своеобразной гарантией того, что наказуемый получит именно то количество ударов, к которому был приговорен: если наказывали в здании суда или тюрьме, то преступнику могли дать гораздо больше палок и даже забить его до смерти (Т-ев, 1910).

Следует отметить, впрочем, что эти публикации преследовали цель не только осудить сохранение жестоких наказаний в Бухаре, но и поднять проблему отсутствия контроля над ситуацией в эмирате в целом. Нельзя не обратить внимания на то, что они печатались в газетах, издававшихся в Туркестанском крае, либо же в других изданиях, но представителями военного чиновничества того же региона. А ведь именно его администрация на начальном этапе установления протектората над Бухарой обладала широкими полномочиями в рамках такого контроля, которых была лишена в 1890-е гг. усилиями МИДа. Соответственно, поднимая тему игнорирования бухарскими властями российских предписаний в сфере исполнения наказаний и нарушения прав российских подданных в эмирате, авторы статей завуалировано критиковали политику внешнеполитического ведомства Российской империи и намекали на необходимость возврата контроля над русско-бухарскими отношениями туркестанской администрации. Неслучайно в ряде упомянутых статей имеются отсылки к трудам высокопоставленного туркестанского военного чиновника и журналиста Д. Н. Логофета, который в 1900-х гг. опубликовал серию статей о провале российской политики в Бухарском эмирате, возложив вину именно на Министерство иностранных дел [Брежнева, 2009; Почекаев, 2017].

Обратим внимание, что при использовании данного инструмента политической коммуникации существенно изменились ее субъект и объект: если прежде коммуникацию осуществляли представители имперских властей, воздействуя на правящие круги Бухарского эмирата, то в данном случае коммуникаторами выступали представители широких кругов российской общественности, пытавшиеся воздействовать уже на властные структуры самой Российской империи. И тот факт, что эти публикации отражали противостояние внешнеполитического и военного ведомств Российской империи в борьбе за контроль над политикой в Бухарском эмирате, отнюдь не умалял важности поднимаемой в них проблемы сохранения средневековых видов наказаний в Бухаре, несовместимых с дальнейшим процессом модернизации этого среднеазиатского государства.

В 1910 г. на бухарский трон вступил новый эмир Сейид Алим-хан, в свое время получивший образование в российском кадетском корпусе, и имперские власти увидели в его воцарении подходящий повод для проведения более радикальных преобразований в эмирате. Это в значительной степени касалось и преобразований в системе наказаний, поскольку наличие в ней архаических элементов являлось одним из препятствий дальнейшей интеграции эмирата в политико-правовое пространство Российской империи в итоге с окончательным вхождением его в состав России. Изменившаяся ситуация обусловила возможность восстановления прямой коммуникации региональных имперских властей (в частности, администрации Туркестанского края) с правительством эмирата. Так, туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов в своих отчетах председателю совета министров П. А. Столыпину и военному министру В. А. Сухомлинову упоминает, что рекомендовал новому эмиру отменить такие меры, как приковывание подсудимых и заключенных за шею и надевание на них колодок, запретить применение смертной казни по приговору эмирских сановников и ввести утверждение смертных приговоров исключительно самим эмиром [Тухтаматов, 1977, с. 54].

Однако дальше «декларации о намерениях» дело не пошло. Еще и в середине 1910-х гг., т. е. накануне падения империи и ликвидации системы протекторатов в Средней Азии, оче-

видцы отмечали сохранение жестоких наказаний, в том числе заключение в зиндан – особенно в отношении представителей бедных слоев населения, причем не только по решению эмира, но и по приговорам местных администраторов. Кроме того, беки нарушали предписания самого же эмира, согласно которым могли приговаривать преступников не более чем к 25 ударам палками (сам эмир своим приговором мог увеличить это число до 75 ударов), тогда как 50 ударов фактически уже означали смерть наказуемого (Варыгин, 1916, с. 796–799)³.

Таким образом, можно констатировать, что усилия российских властей по изменению уголовно-исполнительной системы в Бухарском эмирате путем отмены наиболее жестоких наказаний, несмотря на разнообразие использовавшихся средств политической коммуникации, в конечном счете не увенчались успехом по двум причинам. Первая заключалась в отсутствии четкого фиксирования статуса Бухарского эмирата как протектората в русско-бухарских договорах и, как следствие, в отсутствии у России юридических закрепленных инструментов по контролю политики эмирата, в том числе в уголовной и процессуальной сфере. Второй причиной были непрекращающиеся противоречия между Военным министерством и Министерством иностранных дел в отношении политики России в эмирате. Восторжествовавшее в итоге внешнеполитическое ведомство придерживалось политики невмешательства во внутренние дела Бухары, чем не только затормозило процесс преобразований в уголовно-исполнительных отношениях в эмирате, но и способствовало частичной ликвидации тех достижений, которых российская региональная администрация сумела добиться в этой сфере к концу 1880-х гг.

В результате добиться окончательной отмены жестоких наказаний и полного закрытия зинданов имперским властям не удалось вплоть до упразднения российского протектората над Бухарой после Октябрьской революции 1917 г.

Список литературы

- Алимджанов Б. А.** История Бухарского отделения Государственного банка // Вестник Моск. гуманитарно-экономического ун-та. 2018а. № 1. С. 176–188.
- Алимджанов Б. А.** История деятельности Бухарского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. История. 2018б. Т. 63, № 2. С. 597–613.
- Брежнева С. Н.** Бухарский эмират периода протектората России в трудах ученого-востоковеда Д. Н. Логофета // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15, № 4. С. 12–17.
- Искандаров Б. И.** Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962. Ч. 1. 356 с.
- Котюкова Т. В.** Имперская политика России в Центральной Азии в «трясине» ведомственных интересов, или Печальная судьба Центрального разведочного бюро // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: Сб. науч. тр. М., 2020. С. 48–56.
- Логофет Д. Н.** Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб.: В. Березовский, 1909. 239 с.
- Лысенко Ю. А., Гончаров Ю. М.** Бухарский эмират и Хивинское ханство во внешней политике Российской империи: опыт фронтальной модернизации // Былые годы. 2017. Т. 46, № 4. С. 1480–1487.
- Почекаев Р. Ю.** Российский суд в Бухарском эмирате и его роль в процессе фронтальной модернизации // Сборники Президентской библиотеки. Серия «Историческое правоведение. СПб., 2014. Вып. 2: Российская судебная власть в контексте историко-правовых исследований. С. 188–203.

³ См. также: [Тухтаметов, 1966, с. 82].

- Почекаев Р. Ю.** Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // *Право*. 2016. № 3. С. 172–184.
- Почекаев Р. Ю.** «Страна бесправия» Д. Н. Логофета как отражение конфликта Военного министерства и МИД России по «Бухарскому вопросу» в начале XX в. // *Военно-юридический журнал*. 2017. № 5. С. 26–30.
- Почекаев Р. Ю.** Использование российских войск в среднеазиатских протекторатах Российской империи // *Военно-исторический журнал*. 2020. № 3. С. 34–39.
- Почекаев Р. Ю.** Властные PR в среднеазиатской политике Российской империи (опыт контент-анализа публикаций о статусе Бухары и Хивы в российской периодике второй половины XIX – начала XX в.) // *Российская пиарология: современные тренды и драйверы*. СПб., 2021. Вып. 12. С. 44–51.
- Турсунова Г. Н.** Торгово-экономические связи Бухары и России позднефеодального периода (XIX – начала XX века) // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 9. С. 183–187.
- Тухтаметов Т. Г.** Русско-бухарские отношения в конце XIX – начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент: Фан, 1966. 181 с.
- Тухтаметов Т. Г.** Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе: Ирфон, 1977. 208 с.
- Халфин Н. А.** Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
- Халфин Н. А.** Россия и Бухарский эмират на Западном Памире. М.: Наука, 1975. 127 с.
- Becker S.** Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London, New York, Routledge, 2004, 348 p.
- Holdsworth M.** Turkestan in the Nineteenth Century: A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. Oxford, St. Anthony's College, 1959, 81 p.

Список источников

- [**Бернс А.**] Путешествие в Бухару лейтенанта Ост-Индской компанейской службы Александра Борнса. М.: Унив. тип., 1848. Ч. 2. 502 с.
- Варыгин М. А.** Опыт описания Кулябского бекства // *Изв. ИРГО*. 1916. Т. 52, вып. 10. С. 737–803.
- [**Демезон П. И.**] Записки П. И. Демезона / Пер. с фр. В. Г. Воловникова, З. А. Цомартовой // *Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича)*. М., 1983. С. 17–83.
- Дмитриев-Кавказский Л. Е.** По Средней Азии. Записки художника. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1894. 116 с.
- Зиндан // *Туркестанский сборник*. 1908. Т. 491. С. 78–80.
- [**Игнатъев Н. П.**] Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб.: Гос. тип., 1897. 278 с.
- Костенко Л. Ф.** Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году. СПб.: Изд. Бортневского, 1871. 109 с.
- [**Кузнецов П. А.**] Дарвоз (Рекогносцировка Ген. шт. кап. Кузнецова в 1892 г.). Новый Маргелан: Ферг. обл. стат. ком., 1893. 175 с.
- Логофет Д. Н.** Через Бухару. Путевые очерки по Средней Азии // *Военный сборник*. 1910. № 7. С. 229–250.
- Маев Н.** Очерки Бухарского ханства // *Материалы для статистики Туркестанского края*. 1879. Вып. 5. С. 77–130.
- Мейендорф Е. К.** Путешествие из Оренбурга в Бухару / Ред. и вступ. ст. Н. А. Халфина; пер. с фр. Е. К. Бетгера. М.: Наука, 1975. 180 с.
- П. П. Ш.** Недавняя трагедия в Бухаре // *Исторический вестник*. 1892. № 5. С. 466–475.
- Рок-Тен.** Положение русских в Бухаре // *Туркестанский сборник*. 1910а. Т. 543. С. 1–4.

- Рок-Тен.** Тюрмы в Бухаре // Туркестанский сборник. 1910б. Т. 543. С. 56–58.
- Серебренников А.** Очерк Памира. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. 97 с.
- Стремоухов Н. П.** Поездка в Бухару (извлечение из дневника) // Русский вестник. 1875. Т. 117. С. 629–695.
- Т-ев А.** Публичные наказания в Бухаре // Туркестанский сборник. 1910. Т. 543. С. 26–27.
- Таранец А. Я.** Поездка в Бухару // Исторический вестник. 1913. Т. 132. С. 1019–1038.
- Татаринов А.** Семимесячный плен в Бухарии. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1867. 136 с.
- Ухтомский Э.** От Калмыцкой степи до Бухары. СПб.: Тип. В. П. Мещерского, 1891. 214 с.
- Ханыков Н.** Описание Бухарского ханства. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1843. 279 с.
- Чарыков Н. В.** Беглый взгляд на высокую политику / Пер. с англ. Л. А. Пуховой. М.: Русский путь, 2016. 416 с.
- Boutroue A.** En Transcaspië: Notes de voyage. Paris, Ernest Leroux, 1897, 36 p.
- Dobson G.** Russia's Railway Advance into Central Asia: Notes of a Journey from St. Petersburg to Samarkand. London, Calcutta, W. H. Allen and Co., 1890, 439 p.
- Norman H.** All the Russias: Travels and Studies in Contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Caucasus, & Central Asia. London, W. Heinemann, 1902, 476 p.
- Olufsen O.** The Emir of Bokhara and his Country. Journeys and Studies in Bokhara (with a Chapter of my Voyage on the Amu Darya to Khiva). London, W. Heinemann, 1911, 599 p.
- Phibbs I.** A Visit to the Russians in Central Asia. London, K. Paul, Trench, Trübner & Co., Ltd., 1899, 238 p.
- Skrine F. H., Ross E. D.** The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, Methuen & Co., 1899, 444 p.

References

- Alimdzhanov B. A.** Istoriya Bukharskogo otdeleniya Gosudarstvennogo banka [The History of Bukhara Department of the State Bank]. *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow Humanitarian Economic University], 2018, no. 1, pp. 176–188. (in Russ.)
- Alimdzhanov B. A.** Istoriya deyatel'nosti Bukharskogo otdeleniya Russko-Aziatskogo kommercheskogo banka [The History of the Activity of the Bukhara Branch of the Russian-Asian Commercial Bank]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the St. Petersburg University. History], 2018, vol. 63, no. 2, pp. 597–613. (in Russ.)
- Becker S.** Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. London, New York, Routledge, 2004, 348 p.
- Brezhneva S. N.** Bukharskii emirat perioda protektorata Rossii v trudakh uchenogo-vostokoveda D. N. Logofeta [Emirate of Bukhara during the Protectorate Period in Works of Orientalist D. N. Logofet]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov], 2009, vol. 15, no. 4, pp. 12–17. (in Russ.)
- Holdsworth M.** Turkestan in the Nineteenth Century: A Brief History of the Khanates of Bukhara, Kokand and Khiva. Oxford, St. Anthony's College, 1959, 81 p.
- Iskandarov B. I.** Vostochnaya Bukhara i Pamir vo vtoroi polovine XIX v. [Eastern Bukhara and Pamirs in the 2nd Half of the 19th Century]. Dushanbe, Izdatel'stvo AN TadzhSSR, 1962, pt. 1, 356 p. (in Russ.)
- Khalfin N. A.** Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii (60–90-e gody XIX v.) [Joining of the Central Asia to Russia (1860s – 1890s)]. Moscow, Nauka, 1965, 468 p. (in Russ.)
- Khalfin N. A.** Rossiya i Bukharskii emirat na Zapadnom Pamire [Russia and the Emirate of Bukhara in the Western Pamirs]. Moscow, Nauka, 1975, 127 p. (in Russ.)
- Kotyukova T. V.** Imperskaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii v "tryasine" vedomstvennykh interesov, ili Pechal'naya sud'ba Tsentral'nogo razvedochnogo byuro [Imperial Policy of Russia

- in the “Quagmire” of Departmental Interests, or the Sorrowful Fate of the Central Bureau of Investigation]. In: Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv. [Central Asia at the Crossroads of European and Asiatic Political Interests: 18th – 19th Centuries]. Collection of Scientific Works. Moscow, 2020, pp. 48–56. (in Russ.)
- Logofet D. N.** Strana bespraviya. Bukharskoe khanstvo i ego sovremennoe sostoyanie [The Country of Lawlessness. The Khanate of Bukhara and its Current State]. St. Petersburg, V. Berezovskii, 1909, 239 p. (in Russ.)
- Lysenko Yu. A., Goncharov Yu. M.** Bukharskii emirat i Khivinskoe khanstvo vo vneshnei politike Rossiiskoi imperii: opyt frontirnoi modernizatsii [The Emirate of Buhara and the Khanate of Khiva in Foreign Policy of the Russian Empire: Experience of the Frontier Modernization]. *Bylye gody* [Past Years], 2017, vol. 46, no. 4, pp. 1480–1487. (in Russ.)
- Pochekaev R. Yu.** Rossiiskii sud v Bukharskom emirate i ego rol' v protsesse frontirnoi modernizatsii [Russian Court in Bukhara Emirate and its Role in the Process of Modernization in the Outskirts (“Frontier Modernization”)]. In: Sborniki Prezidentskoi biblioteki. Seriya “Istoricheskoe pravovedenie” [Collected Works of the Presidential Library. Series “Historical Jurisprudence”]. St. Petersburg, 2014, iss. 2: Rossiiskaya sudebnaya vlast' v kontekste istoriko-pravovykh issledovaniy [Russian Judicial Authority in the Context of Historical Legal Studies], pp. 188–203. (in Russ.)
- Pochekaev R. Yu.** Vklyuchenie Bukharskogo emirata i Khivinskogo khanstva v tamozhennuyu chertu Rossiiskoi imperii (1895 g.) [Inclusion of Bukhara Emirate and Khiva Khanate into the Customs System of the Russian Empire (1895)]. *Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2016, no. 3, pp. 172–184. (in Russ.)
- Pochekaev R. Yu.** “Strana bespraviya” D. N. Logofeta kak otrazhenie konflikta Voennogo ministerstva i MID Rossii po “Bukharskomu voprosu” v nachale XX v. [“The Country of Lawlessness” by D. N. Logofet as a Reflection of Conflict between the War Ministry and Ministry of Foreign Affairs of Russia on the “Bukhara Issue” at the Beginning of the 20th Century]. *Voенно-yuridicheskii zhurnal* [Military Legal Journal], 2017, no. 5, pp. 26–30. (in Russ.)
- Pochekaev R. Yu.** Ispol'zovanie rossiiskikh voisk v sredneaziatskikh protektoratakh Rossiiskoi imperii [Using Russian Troops in the Central Asian Protectorates of the Russian Empire]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 2020, no. 3, pp. 34–39. (in Russ.)
- Pochekaev R. Yu.** Vlastnye PR v sredneaziatskoi politike Rossiiskoi imperii (opyt kontent-analiza publikatsii o statuse Bukhary i Khivy v rossiiskoi periodike vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.) [Public Affairs in the Central Asian Policy of the Russian Empire (Attempt of the Content Analysis of Publications on the Status of Bukhara and Khiva in the Russian Periodicals of the 2nd Half of 19th – Beginning of the 20th Century)]. In: Rossiiskaya piarologiya: sovremennyye trendy i draivery [Russian PR Studies: Modern Trends and Drivers]. St. Petersburg, 2021, iss. 12, pp. 44–51. (in Russ.)
- Tukhtametov T. G.** Russko-bukharskie otnosheniya v kontse XIX – nachale XX v. Pobeda Bukharskoi narodnoi revolyutsii [Russo-Bukharan Relations at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century. Victory of the Bukharan People's Revolution]. Tashkent, Fan, 1966, 181 p. (in Russ.)
- Tukhtametov T. G.** Rossiya i Bukharskii emirat v nachale XX veka [Russia and the Emirate of Bukhara at the Beginning of the 20th Century]. Dushanbe, Irfon, 1977, 208 p. (in Russ.)
- Tursunova G. N.** Torgovo-ekonomicheskie svyazi Bukhary i Rossii pozdnefeodal'nogo perioda (XIX – nachala XX veka) [Trade-Economic Connections of Bukhara and Russia of the Late Feudal Period (19th – Beginning of 20th Century)]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Transformation of the Economy], 2014, no. 9, pp. 183–187. (in Russ.)

List of Sources

- Boutroue A.** En Transcaspië: Notes de voyage. Paris, Ernest Leroux, 1897, 36 p.
- Burns A.** Puteshestvie v Bukharu leitenanta Ost-Indskoi kompanieiskoi sluzhby Aleksandra Bornsa [Travels into Bokhara, Being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1848, pt. 2, 502 p. (in Russ.)
- Charykov N. V.** Beglyi vzglyad na vysokuyu politiku [Glimpses of High Politics: Through War and Peace, 1855–1929: The Autobiography of N. V. Tcharykov, Serf-owner, Ambassador, Exile]. / Transl. from Engl. by L. A. Pukhova. Moscow, Russkii put', 2016, 416 p.
- Desmaisons P. I.** Zapiski P. I. Demezona [Notes by P. I. Desmaisons] / Transl. from French by V. G. Volovnikov and Z. A. Tsomartova. In: Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P. I. Demezona i I. V. Vitkevicha) [Notes on the Khanate of Bukhara (Reports of P. I. Desmaisons and I. V. Vitkevich)]. Moscow, 1983, pp. 17–83. (in Russ.)
- Dmitriev-Kavkazsky L. E.** Po Sredney Azii. Zapiski khudozhnika [Across the Central Asia. Artist's Notes]. St. Petersburg, Izdanie A. F. Devriena, 1894, 116 p. (in Russ.)
- Dobson G.** Russia's Railway Advance into Central Asia: Notes of a Journey from St. Petersburg to Samarkand. London, Calcutta, W. H. Allen and Co., 1890, 439 p.
- Khanykov N.** Opisanie Bukharskogo khanstva [Description of the Khanate of Bukhara]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1843, 279 p. (in Russ.)
- Kostenko L. F.** Puteshestvie v Bukharu russkoi missii v 1870 godu [Travel of the Russian Mission to Bukhara in 1870]. St. Petersburg, Bortnevsky Publ., 1871, 109 p. (in Russ.)
- [**Kuznetsov P. A.**] Darvoz (Rekognostirovka Gen. sht. kap. Kuznetsova v 1892 g.) [Darvaz. The Reconnoitering by the Captain of General Staff Kuznetsov in 1892]. New Margelan, Ferganskii oblastnoi statisticheskii komitet, 1893, 175 p. (in Russ.)
- Logofet D. N.** Cherez Bukharu. Putevye ocherki po Srednei Azii [Throughout Bukhara. Travel Notes on the Central Asia]. *Voennyi sbornik [Military Digest]*, 1910, no. 7, pp. 229–250. (in Russ.)
- Maev N.** Ocherki Bukharskogo khanstva [Essays on the Khanate of Bukhara]. *Materialy dlya statistiki Turkestantskogo kraja [Materials for the Statistics of the Turkestan Region]*, 1879, iss. 5, pp. 77–130. (in Russ.)
- Meyendorff E. K.** Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. Ed. and intr. by N. A. Khalfin; transl. from French by E. K. Betger. Moscow, Nauka, 1975, 180 p. (in Russ.)
- Missiya v Khivu i Bukharu v 1858 g. fligel'-ad'yutanta polkovnika N. Ignat'eva [Mission of the Aide-de-Camp Colonel Ignat'ev to Khiva and Bukhara in 1858]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1897, 278 p. (in Russ.)
- Norman N.** All the Russias: Travels and Studies in Contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Caucasus, & Central Asia. London, W. Heinemann, 1902, 476 p.
- Olufsen O.** The Emir of Bokhara and his Country. Journeys and Studies in Bokhara (with a Chapter of my Voyage on the Amu Darya to Khiva). London, W. Heinemann, 1911, 599 p.
- P. P. Sh.** Nedavnyaya tragediya v Bukhare [Recent Tragedy in Bukhara]. *Istoricheskii vestnik [Historical Herald]*, 1892, no. 5, pp. 466–475. (in Russ.)
- Phibbs I. A.** Visit to the Russians in Central Asia. London, K. Paul, Trench, Trübner & Co., Ltd., 1899, 238 p.
- Rok-Ten.** Polozhenie russkikh v Bukhare [The Status of Russians in Bukhara]. *Turkestantskii sbornik [Turkestan Collection]*, 1910, vol. 543, pp. 1–4. (in Russ.)
- Rok-Ten.** Tyur'my v Bukhare [Prisons in Bukhara]. *Turkestantskii sbornik [Turkestan Collection]*, 1910, vol. 543, pp. 56–58. (in Russ.)
- Serebrennikov A.** Ocherk Pamira [Essay on the Pamirs]. St. Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1900, 97 p. (in Russ.)

- Skrine F. H., Ross E. D.** The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. London, Methuen & Co., 1899, 444 p.
- Stremoukhov N. P.** Poezdka v Bukharu (izvlechenie iz dnevnika) [Trip to Bukhara (Extract from the Diary)]. *Russkii vestnik* [*Russian Herald*], 1875, vol. 117, pp. 629–695. (in Russ.)
- T-ev A.** Publichnye nakazaniya v Bukhare [Public Punishments in Bukhara]. *Turkestanskii sbornik* [*Turkestan Collection*], 1910, vol. 543, pp. 26–27. (in Russ.)
- Taranets A. Ya.** Poezdka v Bukharu [Trip to Bukhara]. *Istoricheskii vestnik* [*Historical Herald*], 1913, vol. 132, pp. 1019–1038. (in Russ.)
- Tatarinov A.** Semimesyachnyi plen v Bukharii [Seven Months of Captivity in Bukhara]. St. Petersburg, Moscow, Izdanie M. O. Vol'fa, 1867, 136 p. (in Russ.)
- Ukhtomsky E.** Ot Kalmytskoi stepi do Bukhary [From the Kalmyk Steppe to Bukhara]. St. Petersburg, Tipografiya V. P. Meshcherskogo, 1891, 214 p. (in Russ.)
- Varygin M. A.** Opyt opisaniya Kulyabskogo bekvstva [Attempt of Description of the Kulyab Province]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [*Proceedings of the Imperial Russian Geographic Society*], 1916, vol. 52, no. 10, pp. 737–803. (in Russ.)
- Zindan. *Turkestanskii sbornik* [*Turkestan Collection*], 1908, vol. 491, pp. 78–80. (in Russ.)

Информация об авторе

Роман Юлианович Почекаев, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
Scopus Author ID 57190090464
WoS Researcher ID K-2921-2015

Information about the Author

Roman Yu. Pochekaev, Doctor of Sciences (History), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
Scopus Author ID 57190090464
WoS Researcher ID K-2921-2015

*Статья поступила в редакцию 23.01.2022;
одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 03.03.2022
The article was submitted 23.01.2022;
approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 03.03.2022*

Научная статья

УДК 930(571)«1894/1914» + 314(571)(09)
DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-103-118

Естественное движение населения в Сибирском казачьем войске за двадцать лет (1894–1914): к вопросу о начале демографического перехода на востоке России

Владимир Александрович Зверев¹
Илья Игоревич Пономарев²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ sosna232@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0108-4499>

² Пуа.ponomarev96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1118-408X>

Аннотация

Характеризуется воспроизводство населения на территории Сибирского казачьего войска рубежа XIX–XX вв. На основе официальной демографической статистики, помещенной в ежегодных «Отчетах о состоянии...» войска, раскрыты в хронологической динамике масштабы, темпы и тренды естественного движения населения – казачьего и неказачьего в совокупности. Установлено, что на войсковой земле последовательно сокращалась смертность, в меньшей степени – и рождаемость населения. Естественный прирост был самым большим по сравнению со Степным краем, Забайкальским казачьим войском, со взятыми в целом Сибирью и Российской империей. Господствовал традиционный тип воспроизводства населения, но модернизационные сдвиги в его естественном движении, особенно «взрывной» масштаб прироста, свидетельствовали о вступлении войска в первую фазу демографического перехода – становления современного типа возобновления поколений.

Ключевые слова

казачество, Сибирское казачье войско, рождаемость, смертность, естественный прирост населения, воспроизводство населения, демографический переход

Для цитирования

Зверев В. А., Пономарев И. И. Естественное движение населения в Сибирском казачьем войске за двадцать лет (1894–1914): к вопросу о начале демографического перехода на востоке России // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 103–118. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-103-118

Natural Population Dynamics of the Territory Controlled by the Siberian Cossack Host over Twenty Years (1894–1914): To the Question of the Beginning of the Demographic Transition in the East of Russia

Vladimir A. Zverev¹, Ilya I. Ponomarev²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ sosna232@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0108-4499>

² Ilya.ponomarev96@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1118-408X>

Abstract

The article describes the natural development of population in the territories controlled by the Siberian Cossack Host. It is primarily based on the official demographic statistics included in the annual “Reports on the State of the Siberian Cossack Troops for...”, which presents dynamics of absolute and relative indicators depicting the fertility, mortality, and natural growth of the population. The sources reveal the scale, pace, and trends of natural population development over 20 years with chronological changes presented by year and by stage. The authors comprehensively examine all data related to the population of the Siberian Cossack Host, including the Cossacks and “non-residents” registered by the Host. The article concludes by arguing that over time the annual natural population growth increased due to a consistent drop in mortality, while the birth rate declined at a slower pace. Compared to the Steppe Region, the Transbaikal Cossack Host, and in general Siberia and the Russian Empire as the whole, the Siberian Cossack Host demonstrated the largest natural increase in the number of residents. The lands of the Host were dominated by the traditional, “cost-intensive” reproduction of the population established in the past. However, the shifts brought by modernization to the natural development of the population, especially the “explosive” natural population growth, indicate that, at the turn of the 20th century, the Siberian Host entered the first phase of a demographic transition – the formation of a modern type of generational renewal.

Keywords

Cossacks, Siberian Cossack Host, birthrates, mortality, natural population growth, reproduction of population, demographic transition

For citation

Zverev V. A., Ponomarev I. I. Natural Population Dynamics of the Territory Controlled by the Siberian Cossack Host over Twenty Years (1894–1914): To the Question of the Beginning of the Demographic Transition in the East of Russia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 103–118. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-103-118

«Войско казачье – в сотни да вскачь. // С ветром полынным вровень – лети, // Черное дерево – карагач, // Камень да пыль на твоём пути!» – многим помнятся эти экспрессивные строки из «Песни о гибели казачьего войска», написанной поэтом Павлом Васильевым, потомком казаков-сибирцев. Авторы статьи в «Исторической энциклопедии Сибири» определяют Сибирское казачье войско (СКВ) как «военно-служилое, сословно-территориальное образование с центром в Омске, существовавшее в 1808–1919 гг.» [Андреев, Шульдяков, 2010, с. 88]. На рубеже XIX–XX вв. СКВ размещалось в основном на северо-востоке Степного края и малой частью на юге Томской губернии. В 1906 г. войско получило право на вечное владение занимаемыми землями. Население, учитываемое в его составе, по сословному принципу делилось на казачество и прочих – неказачев (разночинцев и инородцев-казахов). Казачество, занимаясь преимущественно земледельческо-скотоводческим мелкотоварным хозяйством, отбывало особую воинскую повинность, основанную на принципе самоснаряжения, и наделялось за это определенными правами и льготами, прежде всего земельными.

Существует богатая научная литература, посвященная истории казачества Азиатской России, в том числе Сибирского казачьего войска, характеризующая, в частности, его развитие в конце имперского периода истории нашей страны (современные справочно-энциклопедические и обобщающие труды: [Андреев, Шульдяков, 2010; Зуев, 2010; История казачества..., 1995] и др.). В основном она раскрывает административные и политические, социаль-

но-экономические, социокультурные аспекты истории СКВ. Однако такие труды важны и для понимания социально-демографической истории казачества, поскольку характеризуют те условия, которые существенно влияли на параметры возобновления поколений жителей на казачьих землях.

В небольшой статье казачьего генерала и историка-краеведа Г. Е. Катанаева, опубликованной в 1916 г., в изданных в последние десятилетия трудах историков С. М. Андреева, А. Р. Иволина, В. В. Исаева, Д. В. Колупаева, Ю. Г. Недбая, Г. И. Панковской применительно к концу XIX – началу XX в. затрагивались и некоторые вопросы, имеющие непосредственное отношение к историко-демографической проблематике. Ценность для нас представляют обоснованные выводы о последовательном увеличении в 1890-х – начале 1910-х гг. общей численности населения СКВ, людности всех сословных групп при опережающих темпах роста в среде разночинцев [Катанаев, 1916, с. 9]; о равновесии количества мужчин и женщин, высокой брачности в казачьей среде, большой доле в ней детей и молодежи, что поддерживало в войске воспроизводственный потенциал [Панковская, 2010, с. 344]; о ведущей роли естественного прироста в увеличении количества казаков-сибирцев (но не всего войскового населения) [Андреев, 2006, с. 30; Колупаев, 2011б, с. 19].

Специально тема естественного движения населения СКВ, взятого во всей его совокупности на рубеже XIX–XX вв., учеными не разрабатывалась. Ближе всего к ней подошли С. М. Андреев и Д. В. Колупаев, изучавшие некоторые демографические параметры только казачьего населения. Чтобы уловить его хронологическую динамику, они привлекали, наряду с иными источниками, официальную войсковую статистику.

С. М. Андреев установил поэтапное повышение темпов естественного прироста населения до 20 и более человек на каждую 1 000 душ населения в начале XX в. [Андреев, 2006, с. 28]. Объективно это очень высокие показатели, но историк почему-то делает противоположный вывод: «...Темпы естественного прироста сибирского казачества были традиционно низкими...» [Там же, с. 30]. Тот же автор дал перечень долгосрочных факторов и конкретных событий, снижавших уровень рождаемости и повышавших масштабы смертности казачества в СКВ: неблагоприятные природно-климатические условия, недостаток качественной питьевой воды в ряде станиц, их неблагополучное санитарно-гигиеническое состояние, низкий уровень развития медицинского обслуживания, неурожай и массовый голод в начале 1890-х, в 1901–1902 гг., ежегодный призыв в строевые части всех казаков, достигших призывного возраста, их длительная воинская служба с частыми отлучками из дома, поголовная мобилизация в годы военных действий (1900, 1904, 1914) и пр. Нетрудно увидеть, что большинство указанных факторов влияло на воспроизводство не только казачества, но и остального населения СКВ.

Д. В. Колупаев пришел к более оптимистическим выводам. Применительно к 1890-м гг. он зафиксировал «явную тенденцию к снижению количества смертей» в казачьей среде (несмотря на сохранение таких факторов смертности у мужчин, как участие в военных действиях и опасных промыслах, пьянство), более высокие темпы этого сокращения у женщин по сравнению с мужчинами. Связал эти процессы с «распространением среди казаков медицинских знаний, повышением их общей культуры» [Колупаев, 2011а, с. 70–71].

В последние годы появились научные труды, специально посвященные воспроизводству не только казачества, но и всего населения в Забайкальском и Сибирском казачьих войсках конца имперского периода. Работа В. А. Зверева и Ю. В. Линейцевой [2015] о Забайкальском казачьем войске (ЗКВ) создает возможность сопоставить динамику естественного движения населения в двух крупнейших в Азиатской России иррегулярных воинских сообществах, что мы и делаем далее в настоящей статье. В тезисах выступления И. И. Пономарева [2020] на студенческой конференции изложены основные результаты магистерского исследования о народонаселении СКВ рубежа XIX–XX вв. Сделаны выводы о сокращении масштабов рождаемости и смертности населения, о положительной динамике и совокупного, и естественного прироста числа войсковых жителей, о модернизационных тенденциях в демографиче-

ской сфере. Однако крайне малый объем тезисов не позволил автору аргументировать эти и другие положения, и в настоящей статье они формулируются в уточненном виде уже в сопровождении анализа репрезентативных статистических источников.

Обзор исследований по истории казачества Азиатской России и конкретно СКВ показывает, что важная тема воспроизводства населения в казачьих войсках учеными лишь намечена в общих чертах. Более детальную разработку она имеет только применительно к Забайкальскому войску: выстроены погодные и поэтапные динамические ряды показателей естественного движения населения, охватывающие хронологический период второй половины XIX – начала XX в.; проведено сравнение масштабов, темпов и направлений динамики рождаемости, смертности, прироста населения в ЗКВ с общесибирскими параметрами; сделаны аргументированные выводы о появлении на рубеже столетий в войсковом населении признаков демографической модернизации. Таким образом, появился прецедент, которому можно следовать при изучении демографической истории других казачьих войск, казачества России в целом.

Целью настоящей статьи является конкретно-историческая характеристика естественного движения народонаселения в Сибирском казачьем войске конца XIX – начала XX в. Естественное движение населения в демографии «характеризуется показателями числа родившихся и умерших, изменяющих численность населения так называемым естественным путем» [ДЭ, 2013, с. 279]. Близким по значению является термин *воспроизводство населения*: «постоянное возобновление поколений людей в результате взаимодействия рождаемости и смертности, а также связанных с ними других демографических процессов... протекающих в рамках определенных общественных отношений...» [Там же, с. 127]. Мы употребляем в статье оба термина как синонимы. В качестве основных форм естественного движения мы рассматриваем в данном случае *рождаемость, смертность и естественный прирост* населения. Иные формы – заключение браков, разводы и прочие – из-за малого объема статьи выводятся за рамки изучения.

В качестве основного теоретико-методологического инструмента исследования в данном случае применена теория демографического перехода. Демографическим переходом (в широком смысле) называют важную составную часть модернизации традиционного общества – «переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости», который «кардинально обновляет... тысячелетние социальные механизмы, управляющие воспроизводством человеческих поколений» [ДМР, 2006, с. 9]. Как показано А. Г. Вишневым и подтверждено в авторитетной отраслевой энциклопедии, Российская империя вступила в первую фазу демографического перехода на рубеже XIX–XX столетий, когда успехи в индустриальном и культурном развитии страны стимулировали начало системного снижения смертности, при том, что рождаемость если и снижалась, то не столь заметно [Вишневский, 1998, с. 112–157; ДЭ, 2013, с. 674]. Б. Н. Миронов помещает исходную точку транзита на более ранний рубеж, в середину XIX в. [Миронов, 2014, с. 621]. В работах В. А. Зверева аргументируется положение о том, что демографическое развитие восточных регионов России мало отставало от центра страны, здесь тоже на рубеже XIX–XX вв. появились признаки начальной фазы демографического перехода (см, например, [Зверев, 1999]). Настоящая статья призвана, в частности, внести вклад в верификацию этого положения, на этот раз применительно к населению Сибирского казачьего войска.

Науке известно, что демографический переход начинается в конкретном обществе традиционного типа с систематического сокращения смертности в условиях, когда высокая рождаемость сохраняется или уменьшается слабо, поэтому усиливается естественный прирост населения, чаще всего до уровня демографического «взрыва» [ДЭ, 2013, с. 241]. Нас интересует, проявились ли признаки начальной фазы демографического перехода в населении СКВ на рубеже XIX–XX вв.

Задачи настоящей статьи: 1) раскрыть в хронологической динамике масштабы, темпы и тренды естественного движения населения в Сибирском казачьем войске периода 1894–

1914 г.; 2) определить особенности режима и типа смены поколений в СКВ в сравнении с таковыми в Забайкальском казачьем войске, во всем населении Степного края, где расселялась основная часть казаков-сибирцев, в Сибирском регионе и Российской империи в целом; 3) проверить на этой основе гипотезу о появлении на излете имперской эпохи признаков начальной фазы демографического перехода на войсковой территории СКВ.

Объектом рассмотрения в настоящей статье является население СКВ, взятое суммарно, во всей его совокупности. Нам представляется, что такой подход правомерен с историко-демографической точки зрения, поскольку все жители войсковой территории составляли народонаселенческий комплекс, разные группы и отдельные представители которого влияли друг на друга и взаимодействовали в ситуациях самовоспроизводства. Традиции брачного, детородного, санитарного поведения, характерные для доминирующего здесь казачества, были ориентиром для приписанных к станицам представителей иных сословий. С другой стороны, зачисление в состав казачества людей со стороны, чаще всего крестьян (преимущественно это были крестьянские женщины, вышедшие замуж за казаков), способствовало распространению в войсковой среде «мужичества» – элементов крестьянской культуры, в том числе стандартов демографического поведения. Отдельному анализу и сравнению демографической динамики казачьего и прочего, неказачьего, населения СКВ посвящена другая наша статья, подготовленная к публикации.

Начальный хронологический рубеж работы в данном случае обусловлен успехами в строительстве Транссибирской железной дороги. Ее Западно-Сибирский участок, проходивший по Пресногорьковской казачьей линии и через Омск, закончили строить в 1894–1895 гг., что привело к началу массового переселения в Степной край, росту числа желающих вступить в ряды сибирского казачества, запуску других демографических перемен в войсковом населении. К 1890-м гг. историки относят важные трансформации в социально-экономической жизни войскового сообщества, утверждение в СКВ достаточно полного текущего учета демографических событий. Конечная граница исследования связана с началом Первой мировой войны в 1914 г. Данные нашего основного исторического источника – «Отчетов о состоянии Сибирского казачьего войска...» относятся к 1894–1915 гг., однако в 1915 г. в России разразился демографический кризис, продлившийся до 1922 г., проявления которого в казачьих войсках требуют специального изучения.

Основным источником информации для нашего исследования стали периодические (с пропуском некоторых лет) «Отчеты о состоянии Сибирского казачьего войска...». Они составлялись по распоряжению и под контролем войскового наказного атамана, затем направлялись для рассмотрения императору. Гражданская часть отчетов опубликована. Каждый выпуск содержит информацию за соответствующий год, иногда также за предыдущие годы, так что в совокупности раскрыта информация за весь интересующий нас период, кроме 1899 г. В частности, приведены актуальные для нас сведения о численности населения в войске, о количестве людей, родившихся и умерших за каждый год. При составлении отчетов сопоставлялись данные, полученные от командования отделами войска, от хозяйственной службы, медицинских инстанций, церковного руководства, при необходимости они проверялись, поэтому можно говорить о высокой степени достоверности этого источника [Андреев, 2008, с. 260].

Используя абсолютные демографические показатели, содержащиеся в «Отчетах...», мы рассчитали общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения СКВ за каждый год и свели их во временные динамические ряды. Относительные показатели вычислены делением абсолютного количества родившихся или умерших за год на среднегодовую численность населения с последующим тысячекратным увеличением частного. В статье они сопровождаются знаком «‰» (лат. «промилле» – «на тысячу»). Среднегодовая численность населения – людность на середину года – исчислялась делением пополам суммы численности населения на начало текущего и начало последующего года. Коэффициенты естественного прироста измерены как разность между коэффициентами рождаемости

и смертности. Относящиеся к Сибирскому казачьему войску количественные показатели, использованные далее в тексте статьи, в табл. 1 и диаграмме, если не указано иное, подсчитаны по: (Отчет о состоянии СКВ в течение 1894 г., 1895, с. 19; Отчет о состоянии СКВ за 1896 г., 1898, с. 3–4; Отчет о состоянии СКВ за 1898 г., 1899, с. 5; Отчет о состоянии СКВ за 1900 г., 1901, с. 23; Отчет о состоянии СКВ за 1901 г., 1902, с. 32; Отчет о состоянии СКВ за 1902 г., 1903, с. 16; Отчет о состоянии СКВ за 1903 г., 1905, с. 11, 15; Отчет о состоянии СКВ за 1907 г., 1908, с. 11, 14; Отчет о состоянии СКВ за 1910 г., 1911, с. 10–11, 14; Отчет о состоянии СКВ за 1912 г., 1913, с. 10, 13; Отчет о состоянии СКВ за 1913 г., 1914, с. 12, 15; Отчет о состоянии СКВ за 1914 г., 1915, с. 7–8, 11).

Рассмотрение демографических процессов, протекающих в любом человеческом сообществе, полезно начинать с выяснения его общей людности. На рубеже XIX–XX вв. Сибирское казачье войско было самым многолюдным иррегулярным воинским формированием на зауральских окраинах России, если учитывать всё население, жившее на его территории, – казаков вместе с их семьями и прочих, неказачков. По официальным данным, в начале 1894 г. на войсковых землях размещались 125 322 жителя, в том числе 109 997 казаков и членов их семей. К концу 1914 г. численность всего войскового населения увеличилась до 301 420 человек, казачества – до 169 829 душ. Изменилось численное соотношение казачества и неказачков: если в 1894 г. казаки составляли 88 % и имели подавляющее большинство, то в 1914 г. с показателем в 56 % у них сохранился только небольшой перевес.

Чем объяснялась указанная трансформация структуры населения СКВ? Во-первых, часть прибывавших в Западную Сибирь из Центральной России переселенцев, закрепляясь на войсковых землях, в основном попадала в категорию «разночинцев», постепенно увеличивая их количество. Во-вторых, в состав войскового населения с 1899 г. стали включать инородцев-казахов, оседавших на войсковой территории (ранее они состояли на учете гражданской администрации) [Андреев, 2008, с. 258–259]. Это привело к скачкообразному увеличению доли неказачьего сектора (на 31 %) и общей численности населения СКВ (в 1,6 раза).

Перейдем непосредственно к характеристике вычисленных нами показателей *естественного движения населения* в СКВ, взятого во всей его совокупности. Таблица 1 содержит ежегодные абсолютные данные о численности этого населения, приходящейся на середину каждого года (кроме 1899), о числе людей, родившихся и умерших в течение года, о ежегодном балансе количества родившихся и умерших. Первый важный вывод, который можно сделать, просматривая эти данные, заключается в том, что в населении Сибирского казачьего войска на рубеже XIX–XX вв. последовательно осуществлялось расширенное воспроизводство населения. Его численность увеличивалась со среднегодовым темпом в период 1894–1898 гг. в 101,7 %, а в 1900–1914 гг. – 102,3 %. Вместе с этим в толще населения происходило, правда, не столь последовательно, увеличение абсолютного количества рождений и смертей.

Относительные показатели (см. табл. 1) показывают, что для населения СКВ в период 1894–1914 гг. был характерен очень высокий уровень рождаемости (прокреации). Общий коэффициент рождаемости имел среднеарифметическую годовую величину, равную 51,3 ‰. Последняя была больше, чем показатели в целом по Сибири за те же годы (50,1 ‰)¹, в Забайкальском казачьем войске за 1895 и 1901–1914 гг. (44,4 ‰)², в Степном крае за 1897–1914 гг. (33,5 ‰)³. Повышенная интенсивность прокреации в СКВ может объясняться высоким уровнем брачности, благоприятным половым и возрастным составом войскового населения, его этнодемографической спецификой, но этот вопрос требует специального изуче-

¹ Подсчитано по: [Зверев, 2008, с. 119]. Далее количественные данные, относящиеся к Сибирскому региону, взятому в целом, подсчитаны по этому источнику. Сибирь рассматривается в границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей.

² Подсчитано по: [Зверев, Линеицева, 2015, с. 96]. Далее количественные данные, относящиеся к ЗКВ, подсчитаны по этому источнику, с. 93–102.

³ Подсчитано по: [Зверев, 2009, с. 73]. Далее количественные данные, относящиеся к Степному краю, подсчитаны по этому источнику. Степной край рассматривается в границах Акмолинской и Семипалатинской областей, установившихся в 1898 г. после вывода из состава этого края Семиреченской области.

ния. Согласно традиции, младенцев рождалось много в поддерживаемых государством и церковью условиях почти всеобщей и ранней брачности, слабого распространения внутрисемейного регулирования деторождения, в силу необходимости компенсировать огромную смертность.

Таблица 1 дает нам почти полный динамический ряд показателей смертности (мортальности) населения в Сибирском казачьем войске. Как и в случае с рождаемостью, обращают на себя внимание большие ежегодные коэффициенты смертности. Средняя годовая их величина за 1894–1914 гг. равнялась 30,4 ‰. Соответствующий показатель в целом по Сибири за те же годы (32,5 ‰) был еще больше, но в ЗКВ в 1895 и 1901–1914 гг. мортальность выглядела скромнее, чем в СКВ, составив 28 ‰, как и в Степном крае с показателем для 1897–1914 гг. в 19,9 ‰.

Большая мортальность имела своей главной причиной свирепствовавшие почти каждый год эпидемии, косившие в первую очередь младенцев и детей. Как установил войсковой врач В. П. Гедройц-Юраго, незадолго до изучаемого времени, в 1878–1887 гг., на Пресногорьковской казачьей линии СКВ из каждой сотни новорожденных через год оставался в живых только 61 младенец, к пяти годам – 45, к десяти – 43 человека [Гедройц-Юраго, 1890, с. 153]. Тот же медик, заведовавший казачьим врачебным участком, утверждал, что войсковое население «вполне свыклось с громадной рождаемостью и таковою же смертностью детей, считает это чем-то вполне обыкновенным и довольно равнодушно относится к болезням своих малюток; взрослые же охотно ищут медицинской помощи у врачей и фельдшеров...» [Там же, с. 173]. Слова о «равнодушии» казаков и их соседей к болезням и смерти детей не стоит безоговорочно принимать на веру. Население, как и руководство СКВ, пыталось бороться, пусть и не очень успешно, с этой напастью народно-медицинскими средствами и путем развития официальной медицинской и образовательной сети [Колупаев, 2008а; 2008б]. Как мы покажем ниже, благодаря этим усилиям на рубеже XIX–XX вв. положение со смертностью улучшалось, хотя и не радикально.

Баланс рождаемости и смертности выражается в естественном приросте населения. Суммируем абсолютные величины прироста за все годы, включенные в табл. 1, добавим еще прирост за 1899 г. (его гипотетическую величину в 3,3 тыс. человек исчислим как среднюю между приростом 1897–1898 и 1900–1901 гг.) и обнаружим, что за период между 1894 и 1914 гг. «естественным» путем Сибирское казачье войско стало многолюднее примерно на 87 тыс. человек. Почти половина – 49,4 % – увеличения численности войскового населения накопилась за счет естественного прироста. Соответственно, 50,6 % приходилось на прирост механический, образовавшийся за счет крестьянской и казачьей иммиграции и причисления к войску местных жителей, ранее не подлежавших учету.

Относительные показатели естественного прироста населения в СКВ были очень высокими. Среднее годовое их значение в 1894–1914 гг. составляло 20,9 ‰. Уступали СКВ в это же время средние величины коэффициента естественного прироста во всей Сибири (17,6 ‰), в 1895 и 1901–1914 гг. – в Забайкальском казачьем войске (16,4 ‰), в 1897–1914 гг. – в Степном крае (13,6 ‰).

Посмотрим, как менялись год от года в период 1894–1914 гг. масштабы естественного движения населения в Сибирском казачьем войске. Таблица 1 показывает колебания годовых коэффициентов рождаемости, смертности и прироста населения в динамических рядах. В ряду рождаемости отступления от средней величины доходили до 8 %, в ряду смертности – до 16 %, в ряду естественного прироста – до 23 %. Как и следовало ожидать, смертность колебалась гораздо сильнее, чем рождаемость, поскольку тесно зависела от текущих эпидемических, экономических, политических событий и конъюнктуры конкретного года или хронологического микроэтапа. Прокреация же определялась в большей степени факторами, медленно меняющимися во времени: ментальностью людей, брачной, половой, возрастной структурой населения.

Таблица 1

Естественное движение населения в СКВ: ежегодные параметры на рубеже XIX–XX вв.

Table 1

Natural dynamics of population of the territory controlled by the Siberian Cossack Host:
annual parameters at the turn of the 19th – 20th centuries

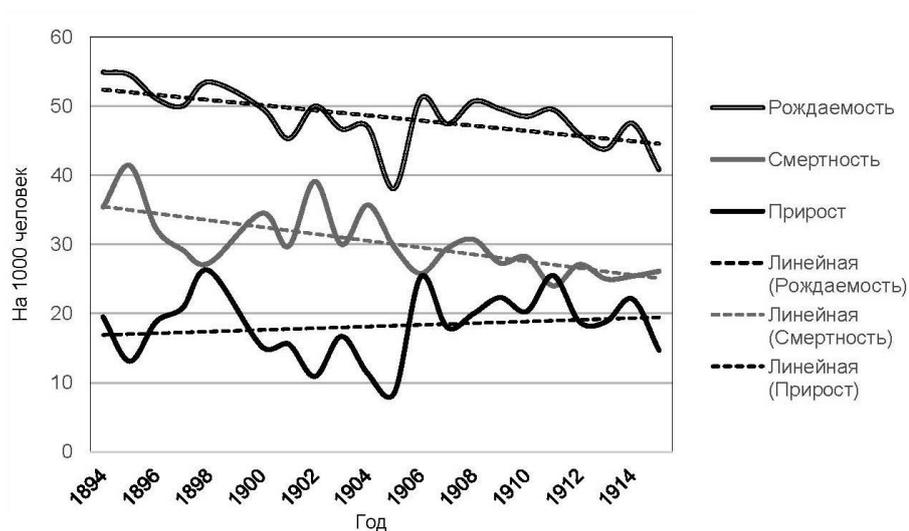
Год	Средняя численность, чел.	Родилось		Умерло		Прирост	
		чел.	%о	чел.	%о	чел.	%о
1894	127 134	6 980	54,9	4 495	35,4	2 485	19,5
1895	130 146	7 087	54,5	5 387	41,4	1 700	13,1
1896	134 899	6 891	51,1	4 363	32,3	2 528	18,8
1897	136 868	6 836	50,0	3 991	29,2	2 845	20,8
1898	135 868	7 268	53,5	3 710	27,3	3 558	26,2
1900	217 826	10 829	49,7	7 522	34,5	3 307	15,2
1901	222 135	10 055	45,3	6 607	29,7	3 448	15,6
1902	225 231	11 261	50,0	8 818	39,2	2 443	10,8
1903	228 405	10 677	46,7	6 847	30,0	3 830	16,7
1904	232 759	10 932	47,0	8 312	35,7	2 620	11,3
1905	235 796	8 984	38,1	6 979	29,6	2 005	8,5
1906	241 939	12 373	51,1	6 237	25,8	6 136	25,3
1907	251 147	11 903	47,4	7 375	29,4	4 528	18,0
1908	258 818	13 120	50,7	7 955	30,7	5 165	20,0
1909	271 124	13 442	49,6	7 394	27,3	6 048	22,3
1910	283 765	13 772	48,5	8 016	28,2	5 756	20,3
1911	292 661	14 499	49,5	7 011	24,0	7 488	25,5
1912	291 480	13 568	46,5	8 021	27,5	5 547	19,0
1913	295 999	12 952	43,8	7 398	25,0	5 554	18,8
1914	299 852	14 253	47,5	7 609	25,4	6 644	22,1

Таблица 1 показывает: *рождаемость* в СКВ была наибольшей в первые годы изучаемого периода, что закономерно для исходной ситуации, предвещающей последующую трансформацию демографической традиции. Кроме того, в 1894–1896 гг. население «отыгрывало» свадьбы и рождения, отложенные в начале 1890-х гг. из-за неурожая и голода, охвативших самые густонаселенные войсковые территории [Андреев, 2006, с. 26]. Высокие показатели прокреации обнаруживаются также в 1906 и 1908 гг., и это тоже феномен, компенсирующий спад брачной и детородной активности людей в острые моменты Русско-японской войны и Первой русской революции. Наименьшая рождаемость наблюдалась именно в 1905 г., ведь в предыдущем году в действующую армию было мобилизовано около 12 тыс. сибирцев (до 20 % казачьего мужского населения СКВ), молодых и физически здоровых людей [История казачества..., 1995, с. 73]. Негативно сказалась военная мобилизация и неказачьего мужского контингента.

Смертность имела наибольшие масштабы в 1895, 1902, 1904 гг. В первом случае это было связано с одновременной высокой рождаемостью. Такая связь была в то время закономерной: чем больше младенцев рождалось, тем больше и умирало. Во втором случае негативно сказались трудности неурожайных и голодных 1901–1902 гг., в третьем случае – проблемы стартового года Русско-японской войны. Относительно небольшая смертность, плохо совместимая с высокой рождаемостью, отмечена в 1906 г. Здесь наверняка «аукнулась» низкая рождаемость предыдущего года. Относительно малая смертность 1911 и 1913 гг., возможно, уже отражает первые успехи демографической модернизации.

Естественный прирост населения СКВ давал всплески в 1898, 1906, 1911 гг., когда в силу обстоятельств, благоприятных для демографической сферы, рождаемость была высокой, а смертность низкой. Наименьшим же приростом закономерно оказался в 1902, 1904–1905 гг. – в моменты, отмеченные в стране и регионе политическими потрясениями и экономическими трудностями.

Противоречивые колебания относительных показателей, представленных в табличной форме, не позволяют понять, в каком направлении менялись масштабы естественного движения населения СКВ в изучаемый период. Чтобы преодолеть эту трудность, представим динамику рождаемости, смертности и естественного прироста населения в виде линейчатой диаграммы с добавленными траекториями линейных трендов (см. диаграмму).

Естественное движение населения в СКВ:

динамика ежегодных показателей на рубеже XIX–XX вв.

Natural development of population of the territory controlled by the Siberian Cossack Host:
dynamics of annual indicators at the turn of the 19th – 20th centuries

Диаграмма вполне определенно показывает, что изначально очень высокая смертность в Сибирском казачьем войске со временем сокращалась, причем довольно быстро. Рождаемость одновременно тоже уменьшалась, но гораздо медленнее. Указанная разница темпов сокращения генерировала восходящий тренд естественного прироста населения. В целом картина соответствовала параметрам начальной фазы демографического перехода в ее «французском» варианте [ДЭ, 2013, с. 237], хотя в иных сообществах на заре демографической модернизации между началом сокращения смертности и рождаемости чаще всего существует временной лаг.

Обнаруженные нами исторические тенденции динамики естественного движения населения в СКВ сформировались именно на рубеже XIX–XX вв. Исследователь Ф. Н. Усов в свое время высчитал в округленном виде общие коэффициенты естественного движения войскового населения за 1857–1876 гг.: рождаемость – 45 ‰, смертность – 30 ‰, естественный прирост – 15 ‰ [Усов, 1879, с. 83]. С. М. Андреев обнаружил, что со временем естественный прирост в среде казаков-сибирцев увеличивался: в 1870-е гг. он составлял 15,8 ‰, в 1880-е – 17 ‰, в 1890-е – 19,9 ‰, в 1900–1915 гг. – 21,3 ‰ [Андреев, 2006, с. 28]. Сопоставление этих величин с рассчитанными нами показателями 1894–1914 гг., относящимися ко всему населению СКВ, приводит к такой оценке: во второй половине XIX в. в течение трех-четырех десятилетий смертность в войске не сокращалась, а рождаемость даже подросла, что первоначально стимулировало некоторое увеличение естественного прироста. Но «модернизационным», характерным для начальной стадии демографического перехода, этот прирост был именно на рубеже столетий, когда его главной причиной стало сокращение смертности. Средняя годовая величина прироста превысила тогда 20 ‰, что явно маркировало ситуацию демографического «взрыва».

Чтобы лучше понять и объяснить выявленные нами масштабы и тенденции воспроизводства населения в Сибирском казачьем войске, рассмотрим их в обобщенном виде и более широком территориальном контексте. Сравним их с ситуацией в Забайкальском казачьем войске (близком к Сибирскому по многим параметрам), в Степном крае (на его территории размещалась основная часть СКВ), в Сибирском регионе, включавшем в себя территорию размещения и Сибирского, и Забайкальского войск, а также во всей Российской империи. В построенной для этого табл. 2 в динамические ряды поместим не годовые, а поэтапные данные.

Таблица 2 дает возможность рассматривать воспроизводство населения на разных территориях в исторической динамике. Поэтапная группировка подтверждает наши выводы, сделанные на основе анализа годовых динамических рядов, о снижении смертности и в меньшей степени рождаемости, о повышении естественного прироста населения в Сибирском казачьем войске на рубеже XIX–XX вв. Такой расклад похож на демографическую динамику в ЗКВ, хотя там она была не столь определенно выражена. В целом по Российской империи смертность и рождаемость сокращались с середины XIX в., но в изучаемое нами время естественный прирост «забуксовал». Наконец, в Степном крае прирост последовательно увеличивался, но одновременно с этим росли и рождаемость, и смертность. Это было, во-первых, следствием усиленного притока в край крестьян-переселенцев, в среде которых часто рождались дети, но была и повышенная смертность. Во-вторых, не исключено и влияние улучшения со временем качества учета демографических событий в среде казахов-кочевников.

Обобщая показатели всех этапов, констатируем, что население в Сибирском казачьем войске имело в изучаемый период хороший воспроизводственный потенциал. Рождаемость здесь была выше, чем в среднем по Российской империи, больше, чем в Забайкальском казачьем войске, она тянула за собой вверх низкие показатели всего Степного края. Однако общесибирский уровень прокреации с начала XX в. превосходил уровень СКВ во многом благодаря интенсивной рождаемости в среде многочисленных аграрных мигрантов, селившихся чаще всего не на казачьих войсковых, а на кабинетских и государственных землях Сибири. Смертность в СКВ тоже превосходила масштабы смертности в Российской империи

и Степном крае, но «отрыв» здесь уже был невелик. Во второй половине изучаемого периода смертность в Сибирском войске была уже ниже, чем в целом по Сибири и в Забайкальском войске.

Таблица 2

Поэтапные параметры естественного движения населения в СКВ:
сравнительная динамика на рубеже XIX–XX вв., %^{*}

Table 2

Phased parameters of natural population development of the territory
controlled by the Siberian Cossack Host: comparative dynamics
at the turn of the 19th – 20th centuries, %

Годы	Сибирское казачье войско	Забайкальское казачье войско	Степной край	Сибирь	Российская империя
Рождаемость					
1894–1898	52,8	46,8 ^{**}	24,7 ^{***}	49,0	45,2
1901–1905	45,4	41,5	27,6	48,3	44,2
1906–1909	49,7	45,6	33,2	52,3	43,5
1910–1914	47,2	44,3	37,0	51,4	40,6
Смертность					
1894–1898	33,1	31,4 ^{**}	16,5 ^{***}	32,8	30,2
1901–1905	32,8	29,5	18,1	31,0	28,1
1906–1909	28,3	29,6	20,3	34,0	27,4
1910–1914	26,0	27,7	21,9	31,8	25,3
Естественный прирост					
1894–1898	19,7	15,4 ^{**}	8,2 ^{***}	16,2	15,0
1901–1905	12,6	12,0	9,5	17,3	16,1
1906–1909	21,4	16,0	12,9	18,3	16,1
1910–1914	21,1	16,6	15,1	19,6	15,3

^{*} Подсчитано по данным табл. 1, а также по: [Зверев, 2008, с. 119; 2009, с. 73; Зверев, Линеицева, 2015, с. 93, 96, 101]; Отчет медицинского департамента..., 1898, с. 192–211, 258–277; Отчет о состоянии народного здоровья... за 1896–1901 гг., 1905, с. 74, 80, 104; Отчет о состоянии народного здоровья... за 1902 г., 1904, с. 28–29, 54–55; Отчет о состоянии народного здоровья... за 1903 г., 1905, с. 28–29, 54–55; Отчет о состоянии народного здоровья... за 1904 г., 1906, с. 28–29, 54–55; Отчет о состоянии народного здоровья... за 1905 г., 1907, с. 28–29, 54–55.

^{**} Данные за 1894–1895 гг. о казачестве, составлявшем 95,5 % всего войскового населения ЗКВ.

^{***} Данные за 1897–1898 гг.

Воспроизводственный потенциал находил адекватное воплощение в естественном движении населения. В СКВ на рубеже XIX–XX вв. последовательно сокращалась смертность населения, а средний ежегодный уровень его естественного прироста был самым большим по сравнению со Степным краем, ЗКВ и даже с взятыми в целом Сибирским регионом и Россией. Согласно существующему в науке представлению, систематическое снижение смертности и выход естественного прироста на уровень демографического «взрыва» – несомненные признаки вступления изучаемого сообщества в начальную фазу демографического перехода. Как известно, первые признаки демографического «взрыва», обозначив начало демографического транзита, появились в Российской империи на рубеже XIX–XX вв., однако в масштабах всей страны «взрыв» «не состоялся из-за войн, голода, эпидемий, репрессий, вызывавших подъемы смертности и спады рождаемости» [ДЭ, 2013, с. 238]. Настоящее наше исследование по исторической демографии СКВ, как и предыдущие работы по истории За-

байкальского казачьего войска, Западной Сибири, городов всей Азиатской России, показывают, что по крайней мере в некоторых сообществах на востоке страны, где отсутствовала часть факторов, негативно сказывавшихся на развитии народонаселения, на рубеже XIX–XX вв. демографический «взрыв» стал реальностью. В частности, так произошло в Сибирском казачьем войске, где в процессе общественного развития всё еще господствующие традиционные демографические порядки стали изживать себя, и войсковое население вступило в первую фазу замены их порядками, характерными для современного типа возобновления поколений.

Появление начальных признаков демографического перехода в Сибирском казачьем войске вовсе не означает, конечно, что процесс демографической модернизации даже в первой его фазе развернулся здесь в полную силу, достиг решающих успехов. Для этого в масштабе Российской империи и, в частности, на территории казачьих войск за Уралом в имперское время еще не сложились необходимые условия.

Список литературы

- Андреев С. М.** Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917 гг.). Омск: Акад. МВД России, 2006. 259 с.
- Андреев С. М.** Отчеты о состоянии Сибирского казачьего войска как исторический источник // Катанаевские чтения: Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2008. С. 257–260.
- Андреев С. М., Шудляков В. А.** Сибирское казачье войско // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 3. С. 88–90.
- Вишневский А. Г.** Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
- Гедройц-Юраго В. П.** Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878–1887 гг.) // Протоколы Омского медицинского общества. 1890. № 8. Прилож. С. 117–180.
- ДМР – Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Нов. изд-во, 2006. 608 с.
- ДЭ – Демографическая энциклопедия / Гл. ред. А. А. Ткаченко. М.: Энциклопедия, 2013. 944 с.
- Зверев В. А.** Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографической модернизации // «Сибирь – мой край...». Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153.
- Зверев В. А.** «Родится на смерть, умрет на живот». Естественное движение населения Сибири за 30 лет (1884–1914) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2008. Вып. 2. С. 107–124.
- Зверев В. А.** Степной край на рубеже XIX–XX вв.: естественное движение населения, влияние на него политических и социальных конфликтов // Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов: подходы и практики в современных региональных исследованиях. Омск, 2009. С. 71–83.
- Зверев В. А., Линейцева Ю. В.** «Казачьему роду нет переводу». Динамика воспроизводства населения в Забайкальском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 1: История. С. 91–105.
- Зувев А. С.** Казачество Азиатской России // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 2. С. 8–13.
- История казачества Азиатской России / Гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX в. 255 с.
- Катанаев Г. Е.** Сибирское казачье войско за последние 25 лет. Количественный состав и движение населения войска с 1890 по 1916 г. // Сибирские войсковые ведомости. 1916. № 3 (5 нояб.). Часть неофиц. С. 8–9.
- Колупаев Д. В.** Здравоохранение в поселениях сибирского казачества во второй половине XIX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. 2008а. № 4–5 (60). С. 252–254.

- Колупаев Д. В.** Образование в поселениях сибирского казачества во второй половине XIX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. 2008б. № 4–4 (60). С. 106–112.
- Колупаев Д. В.** Демографические процессы в Сибирском казачьем войске во второй половине XIX в. // Вестник Орлов. гос. ун-та. 2011а. № 3. С. 69–72.
- Колупаев Д. В.** Сибирское казачество во второй половине XIX в. – 1850–1900 гг.: социально-экономическое развитие: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2011б. 33 с.
- Миронов Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
- Панковская Г. И.** Славянское население Восточного Казахстана и Томской губ. в конце XIX – начале XX в.: к вопросу о формировании состава населения // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: XI Междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2010. С. 340–349.
- Пономарев И. И.** Народонаселение Сибирского казачьего войска в конце XIX – начале XX в.: итоги исследования // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы IX Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 2020. Ч. 1. С. 183–184.
- Усов Ф. Н.** Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб.: Гл. упр. иррегуляр. войск, 1879. 340 с.

Список источников

- Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1893–1895 гг. СПб., 1898. Ч. 1. 359 с.
- Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905. 185 с.
- Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению в России за 1902 г. СПб., 1904. 314 с.
- Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1903 г. СПб., 1905. 401 с.
- Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1904 г. СПб., 1906. 535 с.
- Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1905 г. СПб., 1907. 505 с.
- Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска в течение 1894 г. Омск, 1895. Ч. 2, гражд. 162 с.
- Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1896 г. Омск, 1898. Ч. 2, гражд. 46 с.
- Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1898 г. Омск, 1899. Ч. 2, гражд. 95 с.
- Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1900 г. Омск, 1901. Ч. 2, гражд. 226 с.
- Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1901 г. Омск, 1902. Ч. 2, гражд. 242 с.
- Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1902 г. Омск, 1903. Ч. 2, гражд. 117 с.
- Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1903 г. Омск, 1905. Ч. 2, гражд. 123 с.
- Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1907 г. Омск, 1908. Ч. 2, гражд. 140 с.
- Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1910 г. Омск, 1911. Ч. 2, гражд. 120 с.
- Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1912 г. Омск, 1913. Ч. 2, гражд. 155 с.
- Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1913 г. Омск, 1914. Ч. 2, гражд. 195 с.
- Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1914 г. Омск, 1915. Ч. 2, гражд. 150 с.

References

- Alekseev V. V.** (ed.). *Istoriya kazachestva Aziatskoi Rossii* [History of the Cossacks of Asian Russia]. Ekaterinburg, UB RAS Publ., 1995, vol. 2, 255 p. (in Russ.)

- Andreev S. M.** Otchety o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska kak istoricheskii istochnik [Reports on the State of the Siberian Cossack Troops as a Historical Source]. In: Katanaevskie chteniya: Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Katanaev Readings: Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference]. Omsk, 2008, pp. 257–260. (in Russ.)
- Andreev S. M.** Sibirskoe kazach'e voisko: vzniknovenie, stanovlenie, razvitie (1808–1917 gg.) [The Siberian Cossack Troops: Origin, Formation, Development (1808–1917)]. Omsk, Akademiya MVD Rossii, 2006, 259 p. (in Russ.)
- Andreev S. M., Shuld'yakov V. A.** Sibirskoe kazach'e voisko [The Siberian Cossack Troops]. In: Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, 2010, vol. 3, pp. 88–90. (in Russ.)
- Gedroits-Yurago V. P.** Sanitarno-statisticheskii ocherk 3-go uchastka Sibirskogo kazach'ego voiska (1878–1887 gg.) [Sanitary-Statistical Feature Article of the 3rd Section of the Siberian Cossack Army (1878–1887)]. *Protokoly Omskogo meditsinskogo obshchestva* [Protocols of the Omsk Medical Society], 1890, no. 8, appl., pp. 117–180. (in Russ.)
- Katanaev G. E.** Sibirskoe kazach'e voisko za poslednie 25 let. Kolichestvennyi sostav i dvizhenie naseleniya voiska s 1890 po 1916 g. [Siberian Cossack Troops Over the Past 25 Years. The Quantitative Composition and Dynamics of the Population of the Troops From 1890 to 1916]. *Sibirskie voiskovye vedomosti* [Siberian Military Papers], 1916, no. 3, pp. 8–9. (in Russ.)
- Kolupaev D. V.** Obrazovanie v poseleniyakh sibirskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX v. [Education in the Settlements of the Siberian Cossacks in the 2nd Half of the 19th Century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo univesiteta* [News of the Altai State University], 2008, no. 4–4 (60), pp. 106–112. (in Russ.)
- Kolupaev D. V.** Zdravookhranenie v poseleniyakh sibirskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX v. [Health Care in the Settlements of the Siberian Cossacks in the 2nd Half of the 19th Century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo univesiteta* [News of the Altai State University], 2008, no. 4–5 (60), pp. 252–254. (in Russ.)
- Kolupaev D. V.** Demograficheskie protsessy v Sibirskom kazach'em voiske vo vtoroi polovine XIX v. [Demographic Processes in the Siberian Cossack Troops in the 2nd Half of the 19th Century]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orel State University], 2011, no. 3, pp. 69–72. (in Russ.)
- Kolupaev D. V.** Sibirskoe kazachestvo vo vtoroi polovine XIX v. – 1850–1900 gg.: sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie [Siberian Cossacks in the 2nd Half of the 19th Century – 1850–1900: Socio-Economic Development]. Abstract of Dr. Hist. Sci. Diss. Irkutsk, 2011, 33 p. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: From Tradition to Modernity]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2014, vol. 1, 896 p. (in Russ.)
- Pankovskaya G. I.** Slavyanskoe naselenie Vostochnogo Kazakhstana i Tomskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX v.: k voprosu o formirovanii sostava naseleniya [Slavic Population of East Kazakhstan and Tomsk Province in the Late 19th – Early 20th Century: On the Question of the Formation of the Population]. In: Etnodemograficheskie protsessy v Kazahstane i sopredel'nykh territoriyakh: XI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya [Ethnodemographic Processes in Kazakhstan and Adjacent Territories. XI International Scientific and Practical Conference]. Ust-Kamenogorsk, 2010, pp. 340–349. (in Russ.)
- Ponomarev I. I.** Narodonaselenie Sibirskogo kazach'ego voiska v kontse XIX – nachale XX v. [The Population of the Siberian Cossack Troops in the Late 19th – Early 20th Century]. In: Molodezh' XXI v.: obrazovanie, nauka, innovatsii [Youth of the 21st Century: Education, Science, Innovations]. Materials of the IX All-Russian Student Scientific and Practical Conference with International Participation. Novosibirsk, 2020, pt. 1, pp. 183–184. (in Russ.)
- Tkachenko A. A.** (ed.). Demograficheskaya entsiklopediya [Demographic Encyclopedia]. Moscow, Entsiklopediya, 2013, 944 p. (in Russ.)

- Usov F. N.** Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voiska [Statistical Description of the Siberian Cossack Troops]. St. Petersburg, Glavnoe upravlenie irregulyarnykh voisk, 1879, 340 p. (in Russ.)
- Vishnevsky A. G.** Serp i rubl': konservativnaya modernizatsiya v SSSR [Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow, OGI, 1998, 432 p. (in Russ.)
- Vishnevsky A. G.** (ed.). Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic Modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2006, 608 p. (in Russ.)
- Vosproizvodstvo naseleniya [Population Reproduction]. In: Demograficheskaya entsiklopediya [Demographic Encyclopedia]. Moscow, 2013, p. 127–130. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Kazachestvo Aziatskoi Rossii [Cossacks of Asian Russia]. In: Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, 2010, vol. 2, pp. 8–13. (in Russ.)
- Zverev V. A.** “Roditsya na smert', umret na zhivot”. Estestvennoe dvizhenie naseleniya Sibiri za 30 let (1884–1914) [“Born to Die, Die to Survive”. Natural Dynamics of the Population of Siberia for 30 Years (1884–1914)]. In: Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII – nachala XX v. [Modern Studies of the Siberian History of the 17th – Early 20th Century]. Barnaul, 2008, iss. 2, pp. 107–124. (in Russ.)
- Zverev V. A.** Stepnoi krai na rubezhe XIX–XX vv.: estestvennoe dvizhenie naseleniya, vliyanie na nego politicheskikh i sotsial'nykh konfliktov [Steppe Region at the Turn of the 19th –20th Centuries: The Natural Dynamics of Population, the Influence of Political and Social Conflicts on It]. In: Lokal'nye soobshchestva imperskoi Rossii v usloviyakh sotsial'nykh konfliktov: podkhody i praktiki v sovremennykh regional'nykh issledovaniyakh [Local Communities of Imperial Russia in The Context of Social Conflicts: Approaches and Practices in Modern Regional Studies]. Omsk, 2009, pp. 71–83. (in Russ.)
- Zverev V. A.** Vosproizvodstvo sibirskogo naseleniya na nachal'nom etape demograficheskoi modernizatsii [Reproduction of the Siberian Population at the Initial Stage of Demographic Modernization]. In: “Sibir' – moi krai”. Problemy regional'noi istorii i istoricheskogo obrazovaniya [“Siberia is my Land...”. Problems of Regional History and Historical Education]. Novosibirsk, 1999, pp. 130–153. (in Russ.)
- Zverev V. A., Lineitseva Yu. V.** “The Cossack Tribe Will Live Forever”. Dynamics of Population Reproduction in the Trans-Baikal Cossack Army (the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, iss. 1, pp. 91–105. (in Russ.)

List of Sources

- Otchet meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del za 1893–1895 gg. [Report of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for 1893–1895]. St. Petersburg, 1898, pt. 1, 359 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii narodnogo zdraviya i organizatsii vrachebnoi pomoshchi v Rossii za 1896–1901 gg. [Report on the State of Public Health and Organization of Medical Care in Russia for 1896–1901]. St. Petersburg, 1905, 185 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii narodnogo zdraviya i organizatsii vrachebnoi pomoshchi naseleniyu v Rossii za 1902 g. [Report on the State of Public Health and Organization of Medical Assistance to the Population in Russia for 1902]. St. Petersburg, 1904, 314 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii narodnogo zdraviya i organizatsii vrachebnoi pomoshchi v Rossii za 1903 g. [Report on the State of Public Health and Organization of Medical Care in Russia for 1903]. St. Petersburg, 1905, 401 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii narodnogo zdraviya i organizatsii vrachebnoi pomoshchi v Rossii za 1904 g. [Report on the State of Public Health and Organization of Medical Care in Russia for 1904]. St. Petersburg, 1906, 535 p. (in Russ.)

- Otchet o sostoyanii narodnogo zdравиya i organizatsii vrachebnoi pomoshchi v Rossii za 1905 g. [Report on the State of Public Health and Organization of Medical Care in Russia for 1905]. St. Petersburg, 1907, 505 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska v techenie 1894 g. [Report on the State of the Siberian Cossack Troops During 1894]. Omsk, 1895, pt. 2, civil., 162 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska za 1896 g. [Report on the State of the Siberian Cossack Troops for 1896]. Omsk, 1898, pt. 2, civil., 46 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska za 1898 g. [Report on the State of the Siberian Cossack Troops for 1898]. Omsk, 1899, pt. 2, civil., 95 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska za 1900 g. [Report on the State of the Siberian Cossack Troops for 1900]. Omsk, 1901, pt. 2, civil., 226 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska za 1901 g. [Report on the State of the Siberian Cossack Troops for 1901]. Omsk, 1902, pt. 2, civil., 242 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska za 1902 g. [Report on the State of the Siberian Cossack Troops for 1902]. Omsk, 1903, pt. 2, civil., 117 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska za 1903 g. [Report on the State of the Siberian Cossack Troops for 1903]. Omsk, 1904, pt. 2, civil., 123 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska za 1907 g. [Report on the State of the Siberian Cossack Troops for 1907]. Omsk, 1908, pt. 2, civil., 140 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska za 1910 g. [Report on the State of the Siberian Cossack Troops for 1910]. Omsk, 1911, pt. 2, civil., 120 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska za 1912 g. [Report on the State of the Siberian Cossack Troops for 1912]. Omsk, 1913, pt. 2, civil., 155 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska za 1913 g. [Report on the State of the Siberian Cossack Troops for 1913]. Omsk, 1914, pt. 2, civil., 195 p. (in Russ.)
- Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska za 1914 g. [Report on the State of the Siberian Cossack Troops for 1914]. Omsk, 1915, pt. 2, civil., 150 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Владимир Александрович Зверев, доктор исторических наук, профессор
Илья Игоревич Пономарев, аспирант

Information about the Authors

Vladimir A. Zverev, Doctor of Sciences (History), Professor
Ilya I. Ponomarev, Postgraduate Student

*Статья поступила в редакцию 14.09.2021;
одобрена после рецензирования 01.11.2021; принята к публикации 17.03.2022
The article was submitted 14.09.2021;
approved after reviewing 01.11.2021; accepted for publication 17.03.2022*

Научная статья

УДК 94(57) + 32.019.51 «1921/1929»

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-119-131

Каналы и инструменты трансляции официального образа Советской власти населению Сибири в условиях новой экономической политики

Татьяна Игоревна Морозова

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

t.morozova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8601-1290>

Аннотация

Выявлены основные каналы и инструменты, которые в годы новой экономической политики использовала Советская власть для трансляции населению Сибири намеренно и целенаправленно сконструированных представлений о себе. Сделан вывод, что в первые годы нэпа значительная часть этих каналов и инструментов действовала в Сибири в ограниченном режиме. Однако по мере отказа Центра от чрезвычайных методов руководства и улучшения экономической ситуации в стране и крае они были постепенно восстановлены, что позволило власти осуществлять самопрезентацию в разных формах, на разных языках, среди городских и сельских жителей, мужчин и женщин, русских и национальных меньшинств, не только грамотных, но и неграмотных.

Ключевые слова

власть, общество, образ власти, репрезентация, РКП(б), ВКП(б), Советы, профсоюзы, комсомол, газеты, политическое просвещение, новая экономическая политика, Сибирь

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00155 (<https://rscf.ru/project/22-28-00155>)

Для цитирования

Морозова Т. И. Каналы и инструменты трансляции официального образа Советской власти населению Сибири в условиях новой экономической политики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 119–131. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-119-131

Ways and Tools of Channeling the Official Image of Soviet Authorities to the Population of Siberia during the Period of the New Economic Policy

Tatiana I. Morozova

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

t.morozova@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8601-1290>

Abstract

The article analyzes one of the key aspects of the representation of authorities, i. e. channeling their official image to the population. Based on the achievements of Russian historiography and information from published and newly found archival sources, it identifies ways and tools used by the Soviet Authorities to deliberately and purposefully construct the idea about itself in the minds of Soviet citizens in Siberia and effectively channel it during 1921–1929.

© Морозова Т. И., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 119–131

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 119–131

Among the main translators of the official image of the Soviet authorities were such institutions as the Communist Party, Soviets, trade unions, the All-Union Leninist Young Communist League (Komsomol), various public organizations, media press, cultural and political educational institutions. The article shows that these translators used tools that generally can be divided into three groups. The first one is traditional or universal tools, including congresses, conferences, meetings, elections, theaters, museums, clubs, libraries, books, newspapers, and magazines. The second group – tools established by the Soviet regime, including illiteracy elimination organizations, Izba Chitalnya (“village reading rooms”), Soviet party schools, Peasant Club, and “red” corners. The third group – unique or innovative tools: “nomination”, patronage of the city over the village. The article concludes by arguing that in the early years of the New economic policy (NEP) the efficiency of the majority translators and tools of the representation of the Soviet authorities were limited. However, as the Central committee of the RCP(b) abandoned the emergency policy in Siberia and the economic situation in the country and in the region had been improved, their work and influence were gradually restored. Because of this, the authorities got back their abilities of self-presentation in different forms, in different languages, among urban and rural residents, men and women, Russians and national minorities, and literate and illiterate citizens.

Keywords

authorities, society, image of authorities, representation, RCP(b), AUCP(b), Soviets, trade unions, AULYCL, newspapers, political education, new economic policy, Siberia

Acknowledgments

The research was funded by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00155 (<https://rscf.ru/project/22-28-00155>)

For citation

Morozova T. I. Ways and Tools of Channeling the Official Image of Soviet Authorities to the Population of Siberia during the Period of the New Economic Policy. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 119–131. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-119-131

Образ(ы) российской власти уже несколько десятилетий являются актуальной темой, изучением которой активно занимаются отечественные политологи и социологи. В последние двадцать лет к ним постепенно присоединились историки. При сравнении результатов проделанной ими работы без труда обнаруживаются принципиально разные подходы к познанию этого феномена между политологами и социологами в одном случае и историками – в другом. Если первые исследуют представления о власти и образ власти, рассматривая его как некий результат, продукт, который формирует общество (при активном, но чаще всего не афишируемом участии самой власти), то историков прежде всего интересует то, какой образ изначально сконструировала и затем транслировала эта власть населению.

С обозначенных позиций специального внимания заслуживает почти семидесятилетний период в истории России, в течение которого у власти находились большевики / коммунисты. Именно тогда, по сути дела, впервые в истории России власть специально и последовательно занималась формированием своего облика, а потом столь же целенаправленно и целеустремленно работала над тем, чтобы общество его приняло и признало в качестве единственно верного, образцового.

В современной российской историографии имеются публикации, посвященные данной теме. Первоочередное внимание в них уделяется выяснению того, какие институты формировали властный образ, какими способами они это делали и каким этот образ в результате получился (см. [Шалаева, 2006; 2014; Мазур, 2017; Раннесоветское общество..., 2018; Сарычева, 2019] и др.). Только в последние годы появились специальные исследования, посвященные тому, что и как в разное время делала власть, чтобы донести этот образ до разных слоев общества, однако пока они выполнены преимущественно в узких территориальных и хронологических рамках [Киселева, 2013; Конев, 2021]. Цель настоящей статьи – частично восполнить указанный пробел. В ней ставится скромная задача выяснить, какие каналы и инструменты использовала Советская власть для трансляции своего облика населению Сибири в годы новой экономической политики.

Поясним значение трех ключевых терминов, используемых в статье. Под официальным образом (имиджем) власти понимается осознанно и целенаправленно сформированная властью система представлений о самой себе, ее самопрезентация. Под каналом имеется в виду

социальный институт или система институтов, обеспечивающих трансляцию этого образа власти населению, под инструментом – конкретные средства и органы трансляции.

В конце 1919 – начале 1920 г. в Сибири была восстановлена Советская власть, и Сибирь вновь стала частью РСФСР. До конца 1925 г. по названию высшего областного советского органа – Сибирского революционного комитета – Сибирь именовалась «сибревкомовской», а затем – Сибирским краем. С середины лета 1921 г. Сибирь включала в себя Омскую, Томскую, Алтайскую, Новониколаевскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, состоявшие из 35 уездов, которые, в свою очередь, делились на 838 волостей. В 1922–1926 гг. Сибирь подверглась административно-территориальному реформированию, заключающемуся в замене четырехуровневого (волость – уезд – губерния – область) устройства трехуровневым (район – округ – край). В итоге к середине 1926 г. Сибирский край состоял из 19 округов, включавших в себя 245 районов, и Ойротской автономной области. Административно-территориальная реформа и связанная с ней перестройка партийно-советского аппарата способствовали его приближению к местам.

По данным Всероссийской переписи населения 1920 г., на территории Сибири проживало около 8,9 млн чел., в том числе примерно 7,9 млн – в сельской местности и около 1,0 млн – в городах (Предварительные итоги..., 1921, с. 8). Население Сибири отличалось сложным социальным и этноконфессиональным составом. В нем преобладало русское крестьянство с высоким удельным весом зажиточного и середняцкого слоев, имелось довольно многочисленное казачество, рабочий класс был малочисленным и распяленным территориально и по мелким предприятиям, за исключением железнодорожников. Почти половина взрослого населения Сибири была элементарно неграмотной. Как показали революция и Гражданская война, многие сибиряки имели склонность при решении сложных вопросов использовать простые и радикальные меры и способы.

В силу указанных и ряда других причин, а также того, что около полутора лет население Сибири находилось под властью контрреволюции, партийно-политическое руководство РСФСР для управления ей учредило свои представительства, являвшиеся не выборными, а назначаемыми, официально не наделенными, но фактически располагавшими чрезвычайными полномочиями. По советской линии таким органом стал Сибревком, по партийной – Сибирское бюро ЦК РКП(б), имевшее статус территориального отдела ЦК партии.

Также в Сибири в течение нескольких месяцев после ее освобождения от белогвардейцев и интервентов назначались сверху, а не выбирались все губернские и многие уездные партийные и советские руководящие органы: бюро и оргбюро в первом случае, ревкомы – во втором. К тому же здесь была сформирована густая сеть карательно-репрессивных органов, необходимость создания которой мотивировалась сохранением на территории Сибири «обломков» колчаковского государственного аппарата, десятков тысяч бывших военнослужащих белых армий, зажиточностью и свободолобием местного крестьянства, высоким удельным весом в его составе кулачества, наличием на сопредельной территории остатков белогвардейских воинских формирований. Всё это делало задачу по трансляции официального образа власти в Сибири важной, сложной, требующей больших усилий, применения адекватных институтов и инструментов.

За время революции и Гражданской войны большевики создали уникальную политическую систему. Она включала в себя органы государственной власти и различные общественные организации (профсоюзы, комсомол, кооперацию и др.), которыми руководила РКП(б). В структуре почти всех этих институтов имелись собственные органы периодической печати, на всех уровнях вертикали, начиная от ЦК большевиков, советского правительства и Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов (ВЦИК) и до низового звена в виде парткомов, исполкомов, отделов и аналогичных ячеек, существовали подразделения, которые вели агитационно-пропагандистскую и политико-просветительную работу.

Наряду с ними в рамках названных институций или под их патронажем было создано большое количество всевозможных учреждений, которые занимались ликвидацией общей

и политической неграмотности: разного рода университеты, партийно-советские школы и курсы, библиотеки, избы-читальни, клубы, уголки, агитпоезда, агитпароходы и т. д. Своей деятельностью они охватили практически все слои населения, причем работу среди разных ее категорий иногда вели специальные органы и их персонал. Например, среди военнослужащих – политические отделы и их сотрудники, среди женщин – женотделы парткомов, среди представителей нерусских народов – национальные отделы / секции парткомов и отделов народного образования. Случалось, деятельность таких органов велась параллельно и даже пересекалась, что не всегда было эффективно, но позволяло лучше добиваться искомого результата.

Главная задача, которую решали все эти институты и органы, заключалась в разъяснении населению того, что такое Советская власть и в чем заключалась ее текущая политика. Поддержка Советской власти со стороны значительной части жителей России и победа большевиков в Гражданской войне во многом были достигнуты благодаря тому, что созданная ими политическая система в основном справилась с решением главной задачи, в результате чего именно эта власть воспринималась ее сторонниками как близкая им по смыслу и духу.

В Сибири же Советская власть существовала намного меньше, чем в центральной России, и была возрождена не в конституционной, а в чрезвычайных формах. Все провластные институты здесь находились в стадии становления. Они только возобновляли легальную работу в широких массах и приобретали соответствующий опыт. Количество каналов и инструментов, которые в период «военного коммунизма» использовали большевики в Сибири для трансляции местному населению нужного власти собственного привлекательного облика, было не меньше, чем в европейской части РСФСР. Но реально используемые ими в Сибири институты и средства значительно уступали существовавшим в советском Хартленде по количеству и качеству работавших в них сотрудников, по численности охваченного их влиянием населения. Необходимость догнать по этим параметрам европейскую Россию руководство Сибири сознавало. Неофициально Сиббюро ЦК и Сибревком ставили такую задачу перед партийно-советским аппаратом в качестве актуальной, но к весне 1921 г. она осталась невыполненной.

Осуществленный большевиками переход от «военного коммунизма» к нэпу был вынужденным и являлся ответом на системный кризис, в котором в конце 1920 – начале 1921 г. оказались РСФСР и ее основные институты: РКП(б), Советы, профсоюзы. Выход из кризиса включал в себя отступление в сфере экономики, генеральную чистку РКП(б), сокращение многих учреждений и их персонала. Тем не менее, систему в целом удалось сохранить. Вынужденные меры большевики компенсировали наступлением в области идеологии и политики против Русской православной церкви, эсеров, меньшевиков и интеллигенции. Этими акциями РКП(б) продемонстрировала своей социальной опоре, что она сохраняет верность идеалам революции, а союз рабочих и крестьян остается «альфой и омегой» Советской власти.

На протяжении нэпа большевики постоянно маневрировали во внутренней политике. Незменным оставалось стремление их руководства к укреплению партии и сохранению ее решающей роли. С 1 января 1924 по 1 января 1929 г., во многом благодаря массовым призывам, ее численность выросла с 446,1 тыс. до 1,4 млн чел., т. е. в 3,2 раза¹. Резко увеличился партийный аппарат. К 1928 г. членами бюро ячеек и кандидатских групп, составлявших нижний этаж партийной пирамиды, состояли примерно 177 тыс. чел. [Морозова, Шишкин, 2020, с. 922]. Оба результата являлись, с одной стороны, гарантией поддержки курса Генерального секретаря ЦК И. В. Сталина, с другой – служили расширению числа пропагандистов и проводников этого курса в беспартийных массах. Общее руководство агитационно-пропагандистской работой на разных уровнях партийной пирамиды от районного до всесоюзного осуществляли агитпропотделы соответствующих парткомов. Двудеятельная задача мо-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 148. Л. 2; Оп. 68. Д. 145. Л. 2.

дернизации и трансляции созданного большевиками властного образа обсуждалась на пяти, с XI по XV, партийных съездах, проведенных с 1922 по 1927 г.

Сибирская партийная организация была одной из самых молодых в РСФСР. С 1 января 1924 по 1 января 1929 г. ее численность увеличилась с 38,8 тыс. до 93,3 тыс. чел., или в 2,4 раза². Такое отставание от темпов роста РКП(б) – ВКП(б) в целом объяснялось малочисленностью кадровых рабочих, малограмотностью и политической пассивностью большей их части, слабостью местного партаппарата. В первые годы нэпа в Сибири функционировал один областной, шесть губернских и 35 уездных агитпропотделов, в которых работали всего около 150 сотрудников³. По мере разрастания партийного аппарата увеличивалось количество агитпропотделов, и расширялся их штат. Частично недостаток агитпропработы восполнялся тем, что в Сибири относительно регулярно проходили партийные конференции областного, краевого, губернского, окружного, уездного и районного уровней, делегатами которых были тысячи сибиряков, получивших тем самым хотя и неполное представление о власти, но из первых рук.

Вторым по значимости и мощности каналом воздействия на представления россиян о существовавшей в РСФСР власти была многоступенчатая и всепроникающая советская система. Она на практике демонстрировала, что такое Советская власть и как эта власть функционирует. В кампаниях по выборам в Советы, которые иногда длились по 3–4 месяца каждая, принимали участие миллионы людей, причем со временем их количество росло. Например, если в 1928 г. в выборах в сельские советы участвовало около 19 млн чел. (47,5 % избирателей), то в 1929 г. их численность достигла 25 млн (60,6 %) (XIV Всероссийский съезд, 1929, бюлл. № 15, с. 5).

Неизменно ощутимый эффект с точки зрения трансляции официального образа власти имели проходившие почти ежегодно Всероссийские съезды Советов. Они представляли собой многоярусные и многодневные акции. В состоявшемся в декабре 1921 г. IX съезде участвовал 1 991 делегат, в XIV съезде в мае 1929 г. – 2 391 чел. Делегаты всех Всероссийских съездов Советов были преимущественно коммунистами. В первой половине 1920-х гг. среди делегатов преобладала элита второго и третьего эшелонов: представители центральных, республиканских, областных, краевых и губернских партийных и советских учреждений.

Постепенно состав и целевое назначение съездов претерпели изменения. На них увеличился удельный вес беспартийных (с 7,6 % на IX съезде до 28,6 % на XIV), женщин (соответственно с 2,2 до 17,3 %), крестьян «от сохи» (с 0,9 до 15,9 %). Делегатами XIV съезда являлись 174 члена районных исполкомов и 150 председателей сельсоветов (XIV Всероссийский съезд, 1929, бюлл. № 16, с. 53–54). Всероссийские съезды Советов, в начале 1920-х гг. имевшие своей целью демонстрацию политического доминирования партии большевиков, превратились в многофункциональную площадку, на которой производился обмен местным опытом и подводились его итоги, осуществлялась учеба низового советского актива. Решения съездов партии и Советов оперативно и широко тиражировались посредством издания брошюр, публикации в газетах и журналах, разъяснялись их участниками, агитаторами и пропагандистами среди рабочих и крестьян. В результате представление рядовых граждан о сущности и механизме Советской власти расширялось, становилось ближе к тому, которое стремилась им внедрить власть.

В Сибири за 1922–1925 гг., по самым приблизительным подсчетам, состоялось не менее 24 губернских, 140 уездных и около 3,3 тыс. волостных съездов. Только в интервале с 15 марта по 5 апреля 1925 г. по меньшей мере 3 216 чел. были делегированы на уездные и 688 чел. – на губернские съезды Советов (Советы Западной Сибири, 1980, с. 91–92). После административно-территориальной реформы в Сибири состоялись три краевые, десятки окружных и сотни районных съездов. Причем, если численность делегатов окружного уровня была относительно стабильной (2 590 чел. в 1927 г. и 2 492 чел. в 1929 г.), то аудитория

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 148. Л. 4; Оп. 68. Д. 144. Л. 3.

³ Подсчитано по: Известия Сибирского областного бюро РКП. 1920. 12 ноября.

районных съездов за тот же промежуток времени выросла с 16 510 до 22 661 чел. (Сибирский край, 1930, с. 76).

Существенное место в политической системе РСФСР принадлежало профессиональным союзам. Такое положение профсоюзов определялось тем, что к концу Гражданской войны они являлись самой крупной организацией, состоявшей из беспартийных рабочих, сыграли выдающуюся роль в установлении, укреплении и защите Советской власти. Вместе с тем в конце 1920 – начале 1921 г. профсоюзы, численность которых в мае 1921 г. достигла примерно 8,5 млн чел., поразил глубокий кризис, вызванный их бюрократизацией, отрывом от масс, доминированием методов внеэкономического принуждения к работе и др. Об этом убедительно свидетельствует значительное сокращение количества членов профсоюзов после перехода к нэпу: в январе 1922 г. примерно до 6,9 млн, в сентябре 1922 г. до 5,1 млн чел. (Антошкин, 1925, с. 337).

Преодоление негативных тенденций эпохи «военного коммунизма» в профсоюзном движении было мучительным и долгим, а осознание того, как нужно работать в условиях нэпа, пришлось далеко не сразу. Начало новому курсу положили тезисы Политбюро ЦК о роли и задачах профсоюзов, разработанные по указанию декабрьского 1921 г. пленума ЦК РКП(б) и опубликованные 17 января 1922 г. в газете «Правда», а также решения XI съезда РКП(б). Наиболее значимым результатом воплощения нового курса в жизнь стал рост численности членов профсоюзов: 4,5 млн к 1 октября 1922 г., 5,6 млн к 1 января 1924 г., 9,3 млн к 1 июля 1926 г., 11,9 млн к 1 июля 1928 г. (Профессиональные союзы..., 1924, с. 19; Профессиональные союзы..., 1928, с. 25–27).

Примерно с конца 1922 г. профсоюзы вели работу широким фронтом, главным направлением которой как на государственных, так и на частных предприятиях была тарифно-экономическая и культурно-просветительная деятельность. В центре их внимания находились вопросы заработной платы, повышения производительности и охраны труда, социального страхования и безработицы, заключения коллективных договоров и разрешения трудовых конфликтов, ликвидации неграмотности и повышения квалификации, деятельность клубов, работа среди женщин, молодежи и национальных меньшинств. Они защищали специалистов от рабочих-спецедедов, боролись против нарушителей трудовой дисциплины и излишне рьяных администраторов. Им было очень далеко до того, чтобы иметь основание называться «школой коммунизма». Но они довольно хорошо справлялись с функцией «приводного ремня» между партией коммунистов и широкой беспартийной массой. Благодаря профсоюзам основная масса беспартийных лучше понимала, что такое коммунистическая партия и Советская власть в их собственной трактовке, а значительная часть рабочих всерьез считала себя сопричастной к осуществлению диктатуры пролетариата.

В Сибири профсоюзы легализовались после ее освобождения от контрреволюции. К началу 1921 г. в них состояли около 500 тыс. чел. Охват профсоюзным членством занятых в народном хозяйстве Сибири достигал 90,0 %. Но в первые годы нэпа профсоюзы Сибири из-за закрытия производственных предприятий и перехода на индивидуальное членство переживали тяжелый кризис, выразившийся в резком уменьшении их численности. На 1 января 1925 г. они объединяли всего 260,5 тыс. чел., причем пятая часть из них (51,6 тыс. чел.) приходилась на профсоюз советских работников, тогда как профсоюз железнодорожных рабочих насчитывал всего 40,8 тыс., земли и леса – 23,6 тыс., просвещения – 23,5 тыс., горняков – 22,3 тыс.⁴ К 1 апреля 1928 г. общее количество членов профсоюзов в Сибири достигло 460,4 тыс. чел., а охват работавших на предприятиях – 90,6 % (Отчет..., 1928, с. 127). Иными словами, в Сибири этот канал трансляции официального образа Советской власти большую часть нэпа был сужен, выполняя свои функции в ограниченном режиме.

Другим «приводным ремнем» партии, который власть еще со времен Гражданской войны использовала для трансляции своего имиджа, являлся Российский коммунистический союз

⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 563. Л. 4 об.

молодежи. Осенью 1921 г. в РКСМ состояли около 415 тыс. чел. Однако повышение требований к вступающим в организацию в сочетании с добровольными выходами из нее, вызванными прежде всего массовыми увольнениями юношей и девушек с предприятий, а также ухудшением их материального положения, привели к резкому сокращению численности РКСМ. К октябрю 1922 г. она уменьшилась до 260 тыс. чел. Прекращение массовых увольнений, повышение заработной платы и, как следствие, рост доверия молодежи к Советской власти способствовали сначала стабилизации, а затем возобновлению роста комсомольских рядов. В январе 1923 г. численность РКСМ составляла 303,9 тыс., январе 1924 г. – 500,7 тыс., 1925 г. – 1,1 млн, 1926 г. – 1,8 млн, 1927 г. – 2,1 млн, 1929 г. – 2,3 млн чел.⁵

Комсомольская организация Сибири была создана в 1920 г. и с тех пор развивалась аналогичными темпами. В марте 1924 г. ее численность составляла 29,8 тыс. чел., в январе 1925 г. – 55,0 тыс. чел., в марте 1927 г. – 119,0 тыс. чел.⁶ Таким образом, РКСМ по охвату населения Сибири заметно уступал профсоюзам, но опережал при этом РКП(б) – ВКП(б). Несомненным преимуществом РКСМ как канала трансляции официального имиджа Советской власти являлась его ориентация на узкую возрастную группу (преимущественно от 14 до 23 лет), что позволяло более точно и эффективно достигать нужного результата.

К началу 1920-х гг. в России сохранились десятки самостоятельных обществ, объединений, организаций и союзов разного профиля и масштаба, действовавших в различных сферах жизни. Некоторая либерализация режима в начале нэпа в этой области вскоре сменилась установлением контроля за общественными институтами со стороны партийно-советских органов, завершилась их частичным запрещением и отказом в регистрации новых по политико-идеологическим основаниям. Одновременно с санкции и при поддержке властей произошло учреждение десятков идеологически нейтральных, просоветских и прокоммунистических структур, выполнявших двоякую функцию: общественно значимую и провластную. В конце 1920-х гг. после организационных перестроек и «чисток» все неправительственные организации подверглись унификации, потеряли свой общественный статус и изначальный смысл, превратились в служебные инструменты и опоры Советской власти. Они стали заниматься в основном агитационно-пропагандистской, политико-воспитательной, историко-революционной и военно-патриотической работой, пропагандой советского образа жизни и достижений Советской власти [Ильина, 2000, с. 145–149].

В Сибири в период нэпа действовали ячейки, отделения и представительства ряда общероссийских и общесоюзных организаций. В их числе были такие крупные, как Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Общество содействия жертвам интервенции, Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Общество старых большевиков. Членство в перечисленных организациях, как и сам факт их существования, напоминало сибирякам об обстоятельствах и цене установления Советской власти. Широкое распространение в Сибири получило учрежденное в 1923 г. Общество «Долой неграмотность», целью которого было не только научить людей читать и писать, но и дать им базовые знания по общественно-политической тематике.

По мере ликвидации неграмотности взрослого населения увеличивалось значение печатной продукции как канала не только пропаганды и агитации, но и передачи привлекательного образа действующей власти. Ассигнования, которые выделялись Государственному издательству и Российскому телеграфному агентству из государственного бюджета, на протяжении 1920-х гг. постоянно увеличивались. Объем изданной книжной продукции и периодической печати непрерывно возрастал, достигнув в 1928 г. по книгам цифры в 209 млн экземпляров. Причем больше всего книг (около 40–50 % объема) приходилось на литературу по социально-экономической и общественной тематике, а непосредственно политграмоте были посвящены около 915 тыс. экземпляров (XIV Всероссийский съезд, 1929, бюлл. № 12, с. 30; бюлл. № 18, с. 23, 26).

⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 33. Д. 1. Л. 1.

⁶ ГАНО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 155. Л. 51 об.; Д. 450. Л. 120; ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 241. Л. 6 об.

Особое место среди инструментов трансляции властного облика занимала газетная периодика. Ее специфическая роль определялась рядом факторов: наличием огромной сети повременной печати, насчитывавшей сотни названий и имевшей свои ячейки в самых отдаленных уголках России; полной политико-идеологической подконтрольностью газет партийным органам; оперативностью и систематическим характером подачи ими нужной властям информации. Кроме того, такие центральные газеты, как «Правда», «Известия», «Беднота», «Гудок» и «Труд», выходявшие тиражами в сотни тысяч экземпляров, пользовались у читателей популярностью и авторитетом. В результате приобщения населения к печатному слову власть становилась для него понятнее и немного ближе к народу.

Однако из-за отдаленности Сибири от Москвы и обширности ее территорий центральные газеты поступали сюда в ограниченном количестве экземпляров и с большим опозданием, из-за чего не могли в достаточной мере удовлетворить нужды даже немногочисленной читающей публики, поэтому особое значение здесь приобретала именно местная сеть периодических изданий. К концу 1921 – началу 1922 г. она включала девять газет областного уровня: «Советская Сибирь», «Сельская правда», «Сибирский гудок», «Красноармейская звезда», «Путь молодежи», «Азад Себер» на татарском языке, «Сибириас Циня» на латышском, «Сибери Театая» на эстонском и «Дер Ландман» на немецком. Одновременно областные органы выпускали пять журналов: «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», «Жизнь Сибири», «Красная сибирячка», «Профессиональное движение», «Сибирские огни».

Известно, что областную сеть периодических печатных изданий партийно-советское руководство Сибири изначально формировало с учетом социально-профессионального и национального состава населения. Аналогичную «специализацию» изданий оно пыталось реализовать в губерниях и уездах, в которых, однако, в первые годы нэпа относительно регулярно выходили только общеполитические газеты и издания для крестьян. Исключения составляли такие каменноугольные и промышленные районные центры Сибири, как Анжерка, Бодайбо, Черемхово и Щегловск, где специально печатались газеты, предназначенные в первую очередь для рабочих-шахтеров.

В конце 1925 – начале 1926 г. краевая сеть периодических изданий была представлена уже 10 газетами и 13 журналами, разовый тираж которых составлял 93,7 тыс. и 31,9 тыс. экземпляров соответственно. Еще 13 газет в количестве 86,6 тыс. экземпляров выходили в округах и две – в Ойротской автономной области⁷. Свои журналы издавали также окружкомы РКП(б) и окрисполкомы Советов, однако их точное количество и тиражность пока не установлены. Тем не менее, даже если учесть только газетную периодику, то ее совокупный разовый тираж к началу 1926 г. насчитывал как минимум 180,3 тыс. экземпляров. В дальнейшем сеть периодических изданий продолжала расширяться. К сентябрю 1928 г. она включала уже 13 краевых, 21 окружную и четыре районные газеты общим разовым тиражом 346,1 тыс. экземпляров (Отчет..., 1928, с. 156).

Распространение газет осуществлялось как по индивидуальной, так и по коллективной (ведомственной) подписке. Популяризации прессы среди населения и, соответственно, более широкому ее распространению в качестве канала трансляции официального образа Советской власти способствовали культурно- и политико-просветительные учреждения.

Они были созданы большевиками сразу после восстановления Советской власти. Однако переход к нэпу означал снятие большинства учреждений, включая политико-просветительные, с государственного снабжения, что на практике привело к фактической ликвидации значительной их части. Поэтому уже в 1922 г. первоочередной задачей для агитпропотделов партийных комитетов по всей РСФСР стало восстановление учреждений политпросвета и обеспечение охвата ими как можно большего количества людей. Состоявшийся в апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) поручил партийным организациям усилить работу по коммунистическому просвещению, объединив ее в «единую согласованную систему»: восстановить из-

⁷ Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1042. Л. 4, 12–13.

бы-читальни на селе, сосредоточить вокруг них пункты ликвидации неграмотности и школы для малограмотных, активно использовать для организации политико-просветительной работы совпартшколы и коммунистические университеты, беспартийные конференции и делегатские собрания работниц и крестьянок, политчасти Красной армии и студенческие организации, клубы и марксистские кружки, театры и кино. В земледельческих районах поиск наиболее оптимальных форм ликвидации политической неграмотности рекомендовалось осуществлять при помощи «культурно-политического шефства» города над деревней (КПСС в резолюциях..., 1983, т. 3, с. 100–114).

Директивы высших органов партии и государства и усилия партийно-советского руководства Сибири привели к тому, что уже в 1923/1924 учебном году здесь возобновили работу 1 735 ликпунктов и 117 школ для малограмотных (они же – школы I ступени), совокупная аудитория которых насчитывала 53 445 чел., 1 312 изб-читален, 799 библиотек, 406 народных домов, 110 клубов и другие заведения⁸. На протяжении нэпа сеть политико-просветительных учреждений Сибири, хоть и непоследовательно, но в целом росла (см. таблицу). По данным на 1 января 1926 г., здесь функционировали 3 747 ликпунктов, в которых обучались 63 562 чел. Еще 3 633 чел. посещали школы для малограмотных, 2 035 чел. – школы повышенного типа (они же – школы II ступени) и 1 055 чел. – советско-партийные школы⁹. Таким образом, в 1925/1926 учебном году система политического просвещения охватывала по меньшей мере 70,3 тыс. чел. Однако к 1 декабря 1928 г. только одними пунктами ликвидации неграмотности, количество которых даже несколько сократилось, были, тем не менее, охвачены 122,3 тыс. чел., т. е. почти вдвое больше, чем позволяла вся политико-просветительная сеть Сибири всего тремя годами ранее (Сибирский край, 1930, с. 737).

Сеть культурно- и политико-просветительных учреждений Сибири в годы нэпа *

Network of cultural, political and educational institutions of Siberia during the years of the New Economic Policy

Учреждения	1923/1924	1924/1925	1925/1926	1926/1927	1928/1929
Ликпункты	1 735	2 813	3 747	3 678	3 304
Школы I ступени	117	181	239	262	372
Школы II ступени	17	10	12	15	–
Совпартшколы	8	9	9	15	35
Избы-читальни	1 312	1 613 **	987	1 085	1 356
Красные уголки	–		1 514	1 650	2 532
Народные дома	406	107	–	146	275
Дома крестьянина	–	–	11	31	22
Клубы	110	124	92	162	186
Библиотеки	799	568	791	1 130	1 568
Театры	11	–	–	21	10
Кинотеатры	27	–	68	124	168
Музеи	13	12	15	12	–

* Составлено по: ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 54. Л. 3–7, 15, 23 – 23 об.; Д. 271. Л. 2 об.; Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 559. Л. 5 об.; Сибирский край, 1930, с. 737–745.

** В статистических сводках за 1924/1925 гг. «красные» уголки были объединены с избами-читальнями.

⁸ ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 54. Л. 23.

⁹ Там же. Л. 3–4.

Следуя решениям XII съезда РКП(б), партийно-советское руководство Сибири активно использовало и более специфические формы идеологического воздействия на население. Так, в селах, волостных и районных центрах на всем протяжении первой половины 1920-х гг. относительно регулярно проводились беспартийные крестьянские конференции. В ходе этих мероприятий местные органы власти доводили до сведения крестьян содержание конкретных директив коммунистической партии и государства, разъясняли им суть нэпа и предлагали к обсуждению другие общественно-политические вопросы. Только в Алтайской губернии в январе – феврале 1923 г. состоялись 70 таких конференций, охвативших почти 7,5 тыс. крестьян [Боженко, Гагарин, 1971, с. 60–63].

Другим важным инструментом воздействия на крестьянство являлся такой уникальный инструмент, как шефство города над деревней, зародившийся в 1922 г., но получивший широкое распространение преимущественно во второй половине 1920-х гг. К 1927 г. рабочие Сибири шефствовали над 289 деревнями, помогая крестьянам создавать кооперативы, организуя и финансируя существование изб-читален, «красных» уголков и ликпунктов [Крестьянство Сибири..., 1983, с. 177]. Шефство способствовало повышению культурного уровня и политической активности крестьянства, а также практическому продвижению в сельской местности представления о том, что Советская власть является не чем иным, как диктатурой пролетариата.

Аналогичную задачу решала так называемая политика выдвигенчества, развернутая в РСФСР, и в том числе в Сибири, именно в годы нэпа. Ее суть заключалась в выдвигении рабочих «от станка» и крестьян «от сохи» с низовой общественной работы на работу исполнительную или ответственную. Однако из-за недостатка у трудящихся необходимого опыта и навыков партийно-советские органы предпочитали направлять их преимущественно на партийные и профсоюзные должности на фабриках и заводах [Морозова, Шишкин, 2020, с. 919]. Тем самым политика выдвигенчества не могла решить проблему нехватки руководящих кадров, однако имела мощное идеологическое значение. Само выдвигенчество и пропагандистская компания вокруг него, так же как и шефство города над деревней, укрепляли и популяризировали «пролетарский» имидж Советской власти.

В годы нэпа власть использовала для трансляции своего образа населению Сибири всю имевшуюся у нее сеть государственных, политических и социальных каналов, а также широкий набор разнообразных инструментов. В ряду каналов важнейшее значение имели такие общероссийские, ставшие затем общесоюзными, общественно-политические институты, как коммунистическая партия, Советы, профсоюзы, комсомол, различные общественные организации, печать, культурно- и политико-просветительные учреждения. В рамках названных каналов власть, как правило, применяла инструменты, которые традиционно практиковались этими институциями и являлись универсальными. Это всевозможные съезды, конференции, совещания, выборы, театры, музеи, клубы, библиотеки, книги, газеты и журналы. Активно обращалась Советская власть к инструментам, рожденным советским строем, создавая и открывая ликпункты, избы-читальни, совпартшколы, Дома крестьянина, «красные» уголки. В то же время иногда она прибегала к уникальным средствам, имевшим пионерный, новаторский характер: выдвигенчество, шефство города над деревней.

В первые годы нэпа значительная часть каналов и инструментов трансляции действовала на Сибирь и в Сибири в ограниченном режиме. Сказывались ограничения демократических норм, процедур и инструментов, введенные верховными властями, и жесточайший финансовый кризис, потребовавший экономии за счет сокращения всех аппаратов власти и ограничения масштабов их функционирования на местах. Особенно пострадала сфера культуры и политпросвета. Но по мере отказа Центра от чрезвычайных методов руководства Сибирью, улучшения экономического положения страны и края были восстановлены и возобновили свою работу в полном объеме местные структурные звенья общероссийских институтов, а также локальные инструменты, выполнявшие функции транслятора образа власти. Всё это позволило власти к концу 1920-х гг. осуществлять самопрезентацию в разных формах, на

разных языках, среди городских и сельских жителей, мужчин и женщин, русских и национальных меньшинств, не только грамотных, но и неграмотных, если не в максимально возможном объеме, то довольно близком к нему.

Список литературы

- Боженко Л. И., Гагарин А. В.** Социально-политические организации в сибирской деревне (1920–1927 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. 136 с.
- Ильина И. Н.** Общественные организации России в 1920-е годы. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 216 с.
- Киселева Е. В.** Власть советов: у истоков создания образа (по материалам Орловской и Брянской губерний). Брянск: Карат-Сервис, 2013. 204 с.
- Конев К. А.** Визит А. В. Луначарского в Томск в мае 1923 г.: особенности репрезентации власти в городском пространстве // Вопросы истории Сибири: Сб. науч. ст. / Под ред. М. К. Чуркина. Омск, 2021. Вып. 17. С. 86–92.
- Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / Отв. ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск: Наука, 1983. 390 с.
- Мазур Л. Н.** Символическая структура и динамика образа власти в раннесоветском обществе // 1917 год: Государство. Власть. Территория: Докл. Междунар. науч. конф. 25 октября 2017 г. М., 2017. С. 234–241.
- Морозова Т. И., Шишкин В. И.** Коммунистическая партия большевиков как советский социальный лифт в условиях новой экономической политики // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 902–932. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.406
- Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е годы: В 2 ч. / Под общ. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Ч. 1: Страна Советов: пространство, власть, экономика. 466 с.
- Сарычева А. М.** Образ советской власти в центральных партийных изданиях в 1917–1927 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 17 с.
- Шалаева Н. В.** Формирование образа власти в массовом сознании советского общества в 1920-е гг. // Человек. История. Культура: Исторический и философский альманах. Саратов, 2006. № 5. С. 113–120.
- Шалаева Н. В.** Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. 39 с.

Список источников

- Антошкин Д.** Профессиональное движение в России. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ВЦСПС, 1925. 384 с.
- Известия Сибирского областного бюро РКП. 1920. 12 ноября.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Изд-во полит. лит., 1983. Т. 3: 1922–1925. 494 с.
- Отчет Сибирского краевого комитета ВКП(б) к IV краевой партконференции. Новосибирск: Сов. Сибирь, 1928. 215 с.
- Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М.: 14-я типография Моск. Сов. нар. хоз., 1921. Т. 1, вып. 3: Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. 18 с.
- Профессиональные союзы СССР. 1922–1924. Отчет ВЦСПС к VI съезду профессиональных союзов. М.: Изд. ВЦСПС, 1924. 455 с.
- Профессиональные союзы СССР. 1926–1928. Отчет ВЦСПС к VIII съезду профессиональных союзов. М.: Изд. ВЦСПС, 1928. 624 с.
- Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск: Полиграфтрест, 1930. 804 с.

- Советы Западной Сибири 1919–1925: Сб. док. / Отв. ред. Б. Л. Борисов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. 191 с.
- XIV Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1929. Бюллетени № 12, 15, 16, 18.

References

- Bozhenko L. I., Gagarin A. V.** Sotsial'no-politicheskie organizatsii v sibirskoi derevne (1920–1927 gg.) [Socio-Political Organizations in the Siberian Village (1920–1927)]. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 1971, 136 p. (in Russ.)
- Gushchin N. Ya.** (ed.). Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.) [The Peasantry of Siberia during the Period of Building Socialism (1917–1937)]. Novosibirsk, Nauka, 1983, 390 p. (in Russ.)
- Ilyina I. N.** Obshchestvennye organizatsii Rossii v 1920-e gody [Public Organizations of Russia in the 1920s]. Moscow, Institute of Russian History RAS Publ., 2000, 216 p. (in Russ.)
- Kiseleva E. V.** Vlast' sovetov: u istokov sozdaniya obraza (po materialam Orlovskoi i Bryanskoi gubernii) [The Power of the Soviets: At the Origins of the Creation of the Image (Based on the Materials of the Oryol and Bryansk Gubernia)]. Bryansk, Karat-Service Publ., 2013, 204 p. (in Russ.)
- Konev K. A.** Vizit A. V. Lunacharskogo v Tomsk v mae 1923 g.: osobennosti reprezentatsii vlasti v gorodskom prostranstve [A. V. Lunacharsky's Visit to Tomsk, May 1923: Features of the Representation of Power in Urban Space]. In: Churkin M. K. (ed.). Voprosy istorii Sibiri [Questions of the History of Siberia]. Omsk, 2021, iss. 17, pp. 86–92. (in Russ.)
- Mazur L. N.** Simvolicheskaya struktura i dinamika obraza vlasti v rannesovetskom obshchestve [The Symbolic Structure and Dynamics of the Image of Power in Early Soviet Society]. In: 1917 god: Gosudarstvo. Vlast'. Territoriya [1917: State. Power. Territory]. Reports of the International Scientific Conference, October 25, 2017. Moscow, 2017, pp. 234–241. (in Russ.)
- Mazur L. N.** (ed.). Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyi proekt, 1917–1930-e gody [Early Soviet Society as a Social Project, 1917–1930s]. In 2 parts. Ekaterinburg, Ural State Uni. Press, 2018, pt. 1: Strana Sovetov: prostranstvo, vlast', ekonomika [Country of Soviets: Space, Power, Economy], 466 p. (in Russ.)
- Morozova T. I., Shishkin V. I.** Kommunisticheskaya partiya bol'shevikov kak sovetskii sotsial'nyi lift v usloviyakh novoi ekonomicheskoi politiki [Communist Party of Bolsheviks as a Soviet Social Elevator in the Context of the New Economic Policy]. *Noveishaya istoriya Rossii [Modern History of Russia]*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 902–932. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.406 (in Russ.)
- Sarycheva A. M.** Obraz sovetskoii vlasti v tsentral'nykh partiinykh izdaniyakh v 1917–1927 gg. [The Image of Soviet Power in the Central Party Publications in 1917–1927]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2019, 17 p. (in Russ.)
- Shalaeva N. V.** Formirovanie obraza vlasti v massovom soznanii sovetskogo obshchestva v 1920-e gg. [Creation of the Image of Power in the Mass Consciousness of Soviet Society in the 1920s]. In: Chelovek. Istoriya. Kul'tura: Istoricheskii i filosofskii al'manakh [Human. Story. Culture: Historical and Philosophical Almanac]. Saratov, 2006, no. 5, pp. 113–120. (in Russ.)
- Shalaeva N. V.** Formirovanie obraza sovetskoii vlasti v rossiiskom obshchestve v 1917–1920e gg.: sotsiokul'turnyi aspekt [Creation of the Image of Soviet Power in Russian Society in the 1917–1920s: Socio-cultural Aspect]. Abstract of Dr. Hist. Sci. Diss. Saratov, 2014, 39 p. (in Russ.)

List of Sources

- Antoshkin D.** Professional'noe dvizhenie v Rossii: tret'e, ispravlennoe i dopolnennoe izdanie [Professional Movement in Russia: The Third, Revised and Enlarged Edition]. Moscow, Izdatel'stvo VTSSPS, 1925, 384 p. (in Russ.)
- Borisov B. L.** (ed.). Sovety Zapadnoi Sibiri 1919–1925 [Soviets of Western Siberia 1919–1925]. Collection of Documents. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980, 191 p. (in Russ.)
- Izvestiya Sibirskogo oblastnogo byuro RKP [News of the Siberian Regional Bureau of the RCP], 1920, November 12.
- KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1983, vol. 3: 1922–1925, 494 p. (in Russ.)
- Otchet Sibirskogo kraevogo komiteta VKP(b) k IV kraevoi partkonferentsii [Report of the Siberian Regional Committee of the AUCP(b) to the IV Regional Party Conference]. Novosibirsk, Sovetskaya Sibii', 1928, 215 p. (in Russ.)
- Predvaritel'nye itogi perepisi naseleniya 28 avgusta 1920 g [Preliminary Results of the Population Census on August 28, 1920]. Moscow, 14-ya tipografiya Moskovskogo Oblastnogo Soveta narodnogo khozyaistva, 1921, vol. 1, iss. 3: Naselenie 58 gubernii Evropeiskoi i Aziatskoi Rossii [Population of 58 Provinces of European and Asian Russia], 18 p. (in Russ.)
- Professional'nye soyuzы SSSR. 1922–1924. Otchet VTsSPS k VI s'ezdu professional'nykh soyuzov [Trade Unions of the USSR. 1922–1924. Report of the AUCCTU to the VI Congress of Trade Unions]. Moscow, Izdanie VTSSPS, 1924, 455 p. (in Russ.)
- Professional'nye soyuzы SSSR. 1926–1928. Otchet VTsSPS k VIII s'ezdu professional'nykh soyuzov [Trade Unions of the USSR. 1926–1928. Report of the AUCCTU to the VIII Congress of Trade Unions]. Moscow, Izdanie VTSSPS, 1928, 624 p. (in Russ.)
- Sibirskii kraj: statisticheskii spravochnik [Siberian Territory: Statistical Reference Book]. Novosibirsk, Poligrafrest, 1930, 804 p. (in Russ.)
- XIV Vserossiiskii s'ezd Sovetov. Stenograficheskii otchet [XIV All-Russian Congress of Soviets. Verbatim Report]. Moscow, 1929, bulletins no. 12, 15, 16, 18. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Игоревна Морозова, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57194705184
WoS Researcher ID M-8817-2016

Information about the Author

Tatiana I. Morozova, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57194705184
WoS Researcher ID M-8817-2016

*Статья поступила в редакцию 15.07.2022;
одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 15.07.2022;
approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 29.08.2022*

Научная статья

УДК 37

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-132-145

Структура власти и дисциплинарные техники в предвоенной советской школе

Ирина Владимировна Волкова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

ivolkova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4835-8082>

Аннотация

Статья посвящена малоизученной стороне деятельности предвоенной советской школы – исправлению дефектов в поведении и дисциплинированию учащихся, поставленным на повестку дня реформой школы 1930-х гг. и приближающейся войной. Нормализующая практика школы не вылилась в репрессивно-карательное давление на учеников с отклоняющимся поведением или нежелательными акцентуациями характера. При заданных «свыше» ограничениях на учительское применение негативных санкций к непокорным подросткам и заметном влиянии ученического актива на внутришкольные дела коррекционная работа школы получила направление, благоприятное для массы учащихся. Универсальной стратегией советской школы стала интеграция подростков в систему дополнительного образования и общественную работу с учетом их персональных склонностей. Эта деятельность содействовала усвоению социальных норм и продвижению в выбранной области внешкольных занятий каждого отдельного учащегося.

Ключевые слова

дисциплинарные техники, дополнительное образование, общественная работа, социализация

Для цитирования

Волкова И. В. Структура власти и дисциплинарные техники в предвоенной советской школе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 132–145. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-132-145

The Structure of Power and Disciplinary Techniques in the Pre-War Soviet School

Irina V. Volkova

National Research University “Higher School of Economics”
Moscow, Russian Federation

ivolkova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4835-8082>

Abstract

The article studies the barely researched area of moral education in pre-war Soviet school, i. e. the correction of defects in the behavior and discipline of students that became highly relevant due to the school reform of the 1930s and the impending war. The main thesis of the article is that the normalizing practice of the school did not result in repressive and punitive pressure on students shown deviant behavior or unwanted character accentuations. Restrictions established by higher authorities to regulate teacher’s use of negative sanctions against recalcitrant teenagers and the noticeable influence of the student collective on school policy determined generally favorable for students direction of the correctional work. The universal strategy of the Soviet school was the integration of adolescents into the system

© Волкова И. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 132–145

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 132–145

of additional education and social work, taking into account their personal inclinations. Even if it did not result in noticeable change in school discipline, it contributed to the assimilation of social norms and gaining achievements in the chosen extracurricular activities for each individual student. And most importantly, it worked on the overall balance of positive impressions about the school and the authorities that stood behind it, which determined the position and mood of the younger generation during the war.

Keywords

disciplinary techniques, “pastoral” authority, additional education, personal potential, socialization

For citation

Volkova I. V. The Structure of Power and Disciplinary Techniques in the Pre-War Soviet School. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 132–145. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-132-145

Предмет статьи имеет прямое отношение к становлению молодого фронтового поколения – возрастной когорты 1922–1926 гг. рождения, переломившей ход Великой Отечественной войны¹. Школа 1930-х стала базовой площадкой, на которой происходило взросление этой генерации, а приемы школьного воспитания имели непосредственное отношение к формированию мотивации и способности вчерашних выпускников к исполнению своего воинского долга. Выбранный для изучения вопрос о способах нормализации проблемных учащихся позволяет оценить ее работу на самом сложном участке. Допущенные здесь ошибки и непродуманные решения несли риски отчуждения большой массы молодежи от учительства как «государевых людей» и от стоявшей за школой государственной власти с непредсказуемыми последствиями для исхода боевых действий. Однако успешно решенные школой воспитательные задачи (если судить по конечному результату) не получили должной оценки в научной литературе.

Школьное дело 1930-х гг. было ознаменовано отказом от дальтон-плана, бригадно-лабораторного метода, самоуправления учащихся, характерных для 1920-х, и переходом на трек классно-урочного обучения, систематического учета успеваемости, учительского контроля, усиленной военно-патриотической подготовки. Эти трансформации, в которых многие исследователи усматривают прямое влияние тоталитарной системы, стали основанием для обвинений школы 1930-х в тяжких пороках: чрезмерной идеологизации учебно-воспитательной работы, унификации и обезличивания учащихся, насаждения жесткой дисциплины и «зубрежки», применения репрессивно-карательных методов по отношению к «трудным» подросткам [Livschiz, 2007, p. 277; Богуславский, 2002, с. 107, 109; Днепров, 2011, с. 24; Лебедева, 2012, с. 101; Гальмарини, 2015, с. 123, 125–126]. При этом такие вердикты, как правило, выносятся на базе разработки узкого круга документов, ограниченного в основном материалами педагогической периодики и некоторого количества мемуаров и дневников. Критика советской школы за неуважительное отношение к личности ребенка сохраняется и тогда, когда под напором непреложных фактов авторы вынуждены признать терпимое отношение учителей и администрации к вызывающим выходкам подростков, в том числе и с антисоветским смыслом [Kelly, 2007, p. 103, 112–113, 129].

Однако и для исследователей, освещающих конкретные аспекты школьной работы преимущественно в положительном свете, своего рода ритуалом, как отмечает известный историк В. А. Сомов, остается указание на тоталитарный, т. е. античеловеческий, характер государства 1930-х, распространяющееся и на школу, которая находилась под его патронажем [Сомов, Сомова, 2013, с. 122]. Эта традиция, заложенная в позднюю Перестройку в рамках развенчания советского опыта, прослеживается на примере обстоятельной и фундированной монографии американского историка Т. Юинга о советских учителях. С одной стороны, автор декларирует развитие «сталинской» школы «в общем русле со школой других стран»,

¹ По оценке одного из современных экспертов Р. Риза, именно это небольшое «преданное ядро», обеспечивало единство Красной армии и способность советского государства вести боевые действия, в особенности в канун и на этапе коренного перелома в войне [Reese, 2011, p. 308, 312].

общность проблем и подходов к их разрешению [Юинг, 2011, с. 191], с другой – подчеркивает, что советские учителя овладевали скрытыми механизмами контроля и выстраивали дисциплинарную власть, аналогичную той, которую М. Фуко относил к современной тюрьме [Там же, с. 205]. Изложенные позиции – и радикального отрицания прогрессивных наработок советской школы, и более умеренные, с признанием за ней отдельных достижений, но и констатацией нанесенного учащимся ущерба, порождают вопрос: каким образом неотделимый от школьного дела жестокий прессинг позволил сформироваться поколению, осуществившему величайшую историческую миссию на основе волевой решимости и добровольной жертвенности? К сожалению, он остается без ответа.

Отдельное место занимают труды А. Л. Андреева и В. А. Сомова, в которых подчеркивается гибкость и конструктивность постановки воспитательной работы, а также заинтересованность руководства страны в поддержке школы как островка реальной жизни, способного укрепить идеалы и преданность подрастающего поколения [Сомов, 2015; Андреев, 2008, с. 225, 227].

В задачи данной статьи входит не только выяснение степени репрессивности школьных дисциплинирующих практик, но и выявление структуры и организации власти в школьном пространстве, а также конкретных методов работы с учениками, выпадавшими из общей массы. Источниковую базу работы составляют документы, не введенные в научный оборот. Это инструктивные письма, приказы, годовые отчеты Наркомпроса (далее – НКП) РСФСР, его переписка с местными органами образования, протоколы заседаний работников НКП и учительского актива, а также Детской комиссии при ВЦИК, сосредоточенные в фондах ГАРФ; это также записки, справки, информационные сводки ЦК ВЛКСМ, политические донесения региональных комитетов комсомола по вопросам комсомольской работы и воспитания в школах, хранящиеся в фондах РГАСПИ; отчеты, стенограммы учительских конференций и совещаний органов образования Москвы из фондов ЦГАМ; эго-документы. Вместе взятые, они дают исчерпывающее представление о том, как реализовывалась деятельность школ в указанных направлениях. Теоретическую рамку исследования составляют концепции дисциплинарности, наказания, нормализации М. Фуко, а также теория фигурации Н. Элиаса.

Проблема укрепления дисциплины, поднимавшаяся в партийно-правительственных постановлениях 1930-х, не была надуманной. Перестройка школьного дела с начала 1930-х гг. породила неконтролируемые выбросы детской энергии. Даже в знаменитой московской опытно-показательной школе им. Лепешинского, по свидетельству завуча Р. М. Михельсона, учителя не могли добиться сколько-нибудь приемлемого порядка². Еще сильнее взорвал школьную обстановку массовый перевод учащихся из специальных школ в обычные, последовавший за осуждением педологии в 1936 г. Согласно приказу Наркомпроса от 8 июля 1936 г. пересмотру подлежал состав школ с особым режимом (для трудновоспитуемых подростков); вспомогательных школ и классов для умственно отсталых детей; школ для детей-психоневротиков; детских домов для трудновоспитуемых; детских домов для умственно отсталых детей. А выведенные из них учащиеся с начала нового учебного года вливались в массовые школы³. По данным Детской комиссии, из 73 детских домов для трудновоспитуемых, имевшихся в РСФСР на 1 января 1936 г., после пересмотра их состава к 1 января 1937 г. осталось 57, а еще через год – 51. Из 50 домов для умственно отсталых детей, имевшихся на 1 января 1936 г., год спустя уцелел 31⁴. Директорам массовых школ вменялось в обязанность «обеспечить чуткое внимательное отношение со стороны педагогов и классных руководителей ко всем переведенным учащимся»⁵. Образовавшийся крайне разношерстный состав учащихся становился препятствием для практического применения популярных идей А. С. Макаренко о нормализующем воздействии коллектива на учеников с отклоняющимся поведением. Дей-

² ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 17. Л. 49.

³ ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 1112. Л. 44.

⁴ Там же. Д. 1111. Л. 62.

⁵ Там же. Д. 1112. Л. 44, 47.

ствительно, на протяжении второй половины 1930-х срывы уроков, хулиганство и даже криминальные происшествия являлись постоянным фоном учебной деятельности. Неуклонно росла и детская преступность [Livschiz, 2007, p. 269, 279].

На первый взгляд в распоряжении школы имелись эффективные рычаги управления обстановкой, или, в терминологии М. Фуко, «нормализующие санкции»: оценки за поведение; персональный выговор; коллективная «проработка» провинившегося на школьных собраниях; исключение из школы, временное или же без права восстановления (Косинская школа..., 2014, с. 41). С формальной точки зрения такая школа идеально подходила под определение фукодианского паноптикона, с его всеподчиняющей властью надзирателя, соотносимой в школьном пространстве с властью директора, учителя. Однако, как показал М. Галлахер, модель паноптикона в принципе не применима к школе хотя бы по причине физической неспособности учителя удерживать под абсолютным контролем класс на протяжении всего урока. Несильный шумовой фон и периодическое отвлечение детей от урока, как установил Галлахер в ходе обследования шотландских школ, представляли собой компромисс с учащимися, на который соглашались учителя ради поддержания приемлемого порядка и продолжения обучающей деятельности [Gallagher, 2010, p. 270–271]. Советская школа, как и почти всякая другая, гораздо в большей степени тяготела к модели синоптикона, в котором большинство (ученики), имели возможность наблюдать за меньшинством (дирекцией и учителями) [Mathiesen, 1997, p. 219].

Но и помимо этих общих практических противопоказаний к отождествлению школы с паноптиконом в советском контексте паноптизацию исключало отсутствие единого локуса надзора. Различные и сталкивавшиеся друг с другом агенты надзора не составляли ансамбля, который, по выражению М. Фуко, был бы способен «видеть всё одним взглядом» [Фуко, 1999, с. 254]. Несмотря на кажущиеся значительные полномочия, директорская власть, как справедливо отмечает Т. Юинг, была ограниченной и даже шаткой [Ewing, 2009, p. 262–263]. Ее могли подорвать или вообще опрокинуть оппозиционная группировка учителей, актив учащихся, обратившихся с жалобой в вышестоящие органы или газету, даже отдельный комсорг или учитель. (В отчетах НКП сообщалось о классной руководительнице из Крюковской школы-семилетки Лопасненского района, которая так настроила своих шестиклассников, что те на любое замечание директора отвечали хором: «Да, что его, дурака, слушать-то!»⁶.) Нередкими были случаи, когда совсем юные ученики обращались с жалобой на директора и учителей в НКП, что влекло за собой разбирательство и нарекания в адрес школьной администрации⁷. Дирекции приходилось считаться с ученическим комитетом (учкомом), который имелся во многих школах, комсоргом, комитетом комсомола и даже отдельными группами учащихся. Последние часто уверенно и успешно продавливали свои требования: например, замены одних учителей на других, выдачи ученикам вилок в школьной столовой, права старшеклассников носить в школе мужские галстуки (Пирожкова, 1998, с. 44; Лесскис, 2019, с. 476).

То же самое относилось и к учителям, которые находились под перекрестным пристрастным наблюдением учеников, школьных комсоргов, директора, родителей. Действовавшие в городских школах с 1935 г. и не подчиненные школьной администрации комсорги часто брали под защиту учеников, которые были у дирекции и учителей на плохом счету, пытались сдержать отсев из школ и вернуть исключенных учеников на учебу. А кроме того, регулярно информировали вышестоящие органы о происшествиях в школе, включая поступки и высказывания работников, расходившиеся с линией партии. Можно сказать, выполняли функции внутришкольного «прожектора» для заинтересованных инстанций. Правда, в свою очередь,

⁶ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 2656. Л. 60.

⁷ Например, пятиклассники 31-й московской школы в 1937 г. в письме в Наркомат рассказывали о том, что учительница арифметики за неверные ответы обзывала их «идиотами», «куриным навозом», и добивались уважения своих прав, особенно важного, по их понятиям, ввиду принятой в 1936 г. Конституции (ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2296. Л. 73).

и комсорг мог стать объектом доноса и внутришкольной травли со стороны учителей [Волкова, 2013, с. 209–212, 226–228].

Следует также иметь в виду, что в любой момент иерархическая конструкция школьного управления могла перевернуться и место на ее вершине занять школьники. Другими словами, синоптикон легко превращался в паноптикон, в котором функции безжалостного «надзирателя» переходили к ученическому коллективу. Например, в 1939 г. десятиклассники одной из школ г. Куйбышева публично обвинили неугодную им директрису в плохом преподавании истории партии: в присутствии должностных лиц города и органов образования один из учащихся выступил с докладом, в котором перечислил допущенные директрисой политические ошибки. Как указывал свидетель, во время доклада «директорша несколько раз в обморок падала» (Дневник девятиклассника, 2008, с. 305). Несмотря на отсутствие в первоисточнике упоминаний о финале этой истории, можно с уверенностью утверждать, что законы «жанра» не оставляли подвергнутой проработке директрисе шансов на сохранение своей должности. Э. Лившиц справедливо указывает на то, что умение многих детей «говорить по-большевистски», освоенное в школе и используемое в своих интересах, пугало учителей и вызывало обеспокоенность властей [Livschiz, 2007, p. 268]. Иногда детский коллектив парализовал учебный процесс, запираясь в классной комнате и не допуская к себе учителей или другим способом срывая уроки⁸. Иногда массовая дезорганизация порядка достигала масштабов, которые требовали стороннего вмешательства. Так было в 20-й школе Ленинского района Москвы, которая была взята под коллективный контроль районных органов образования, комсомола и партии⁹.

Однако наиболее серьезным вызовом учителям, дирекции и системе в целом являлись подростковые суициды или их попытки, вызванные теми или иными обстоятельствами школьной жизни. Если, по словам Ш. Фицпатрик, в самоубийстве взрослых граждан власть искала протестный мотив [Фицпатрик, 2008, с. 208], то в отношении несовершеннолетних к этой посылке добавлялся идеологический постулат счастливого и радостного советского детства, в котором нет и не может быть оснований для пессимизма и отчаяния, а потому поводы к суициду безальтернативно усматривались в ошибочной линии поведения учителей. Дело завершалось, как правило, не только увольнением с работы, но и отдачей под суд найденного виновника¹⁰.

Получалось, что учительской попытке закручивания гаек всегда могла быть противопоставлена угроза коллективного протеста учеников или же импульсивной психопатической реакции отдельного школьника (побег из школы и дома, суицид). Подобная возможность побуждала учителя искать источник наведения порядка за рамками дисциплинарной власти, тем более что на это же ориентировали органы управления образованием, старавшиеся удерживать учителей от применения радикальных мер, прежде всего от исключения из школы. И хотя ежегодный отсев в 1930-е гг. составлял 6–8 % учащихся [Holmes, 2005, p. 66], эта мера считалась из ряда вон выходящей и рассматривалась комсомолом, органами образования и даже НКВД под углом зрения двойного поражения – педагогического, так как вслед за осужденной педологией подразумевала неисправимость отдельных подростковых типов, и социального, поскольку вытолкнутые на улицу дети выбывали из нормальной социальной среды и быстро усваивали криминальные привычки¹¹.

Так же настойчиво, как и от применения репрессивных мер, при помощи инструкций и проверок НКП отвращал педагогов от категоризации детей по особенностям поведения

⁸ ЦГАМ. Ф. П-3810. Оп. 1. Д. 16, коробка 1. Л. 13, 19, 50, 97.

⁹ Там же. Л. 23–24.

¹⁰ Примером может служить дело шестиклассницы 268-й московской школы Л. Коростелиной, активной пионерки и отличницы, которая весной 1937 г. пыталась отравиться каустиком из-за постоянных необоснованных придириков учительницы Жебровской. Это дело, получившее большую огласку, закономерно было взято в разработку прокуратурой (ЦГАМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 504. Л. 9–9 об.; Ф. П-635. Оп. 1. Д. 177. Л. 21–22; Ф. П-634. Оп. 1. Д. 516. Л. 25).

¹¹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2296. Л. 77; Ф. 5207. Оп. 1. Д. 1112. Л. 170.

и потенциалу развития. Подобная практика расценивалась как пережиток педологии, разделявшей детей на классы идиотов, психопатов, субнормы и нормы¹². Органы управления образованием настраивали педагогов на опровержение практическими делами «педологического закона» о «фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды», теории «предела» обучаемости отдельных учащихся¹³. Характерно, что даже помещение детей в школы специального типа не считалось окончательным, а задача этих учреждений виделась в том, чтобы через год-два работы с учеником коррекционных педагогов вернуть его в нормальную школу¹⁴. Можно сказать, постановка учебно-воспитательной работы второй половины 1930-х гг. не поощряла дисциплинарной техники, обозначаемой М. Фуко как распределение учащихся по разным ячейкам учета, превращение их в «живые таблицы» [Фуко, 1999, с. 216]. В этой же связи советским педагогам категорически не рекомендовались такие методы, как прикрепление к слабым учащимся сильных, проверка исполнения домашних заданий у одноклассников дежурным учеником, вывешивание списка учеников с плохими оценками по предметам и поведению, которое рассматривалось как инвариант доски позора¹⁵.

Таким же неприемлемым и изгоняемым средством считалось милитарное дисциплинирование. Последнее, как пишет М. Фуко, гражданские учреждения нередко заимствовали у армии как технику производства послушных тел [Там же, с. 202]. Т. Юинг отмечает, что и среди советских учителей были поборники методов «воинской части», хотя одновременно указывает на то, что они всё же сочетались с индивидуальным подходом к ребенку, а чиновники от образования старались всячески сдерживать проникновение признаков казармы в школу [Юинг, 2011, с. 206–207]. К этому можно добавить, что и в канун войны НКП противился милитаризации школы, осуждая распространившиеся в ряде населенных пунктов РСФСР линейки, на которых плохие ученики подвергались публичному осуждению, а также практиковавшиеся перед началом урока рапорты, которые сопровождалась командами дежурного к классу «встать!», «смирно!», докладом учителю об отсутствующих или не выполнивших домашнее задание учениках. В приказе наркома просвещения В. П. Потемкина от 18 апреля 1941 г. указывалось, что такая попытка военизации школьного дела «представляла собой явную подмену учебно-воспитательной работы внешним и формальным воздействием на неуспевающих учеников»¹⁶.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод о целенаправленном сокращении объема и списка дисциплинарных правомочий учителя, исходившим от руководства образованием, прежде всего от НКП. Параллельно это же руководство уклонялось от собственного нормативного регулирования школьной деятельности и поведения школьников. Так, еще правительственным Постановлением от 3 сентября 1935 г. специальной комиссии поручалась разработка Устава школы, включающего в себя Правила поведения учащихся, а также предусматривающего раздельное обучение мальчиков и девочек. Предварительный текст этого документа, как и решение о раздельном обучении, призванное укрепить школьную дисциплину, были готовы к весне 1941 г.¹⁷, однако не были введены в действие¹⁸. Отказываясь от формальной регламентации школьной жизнедеятельности и обозначения четких границ нормы, которые в фукодианском понимании и составляют существо дисциплинарности, государственный заказчик, с одной стороны, пытался, насколько мог, избежать своей идентификации с принуждением, подавлением, навязыванием, изъятием, унификацией и т. п. функциями в созна-

¹² ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2285. Л. 35.

¹³ Там же. Оп. 70. Д. 2427. Л. 40; Оп. 69. Д. 2323. Л. 14; Д. 2285. Л. 38.

¹⁴ ЦГАМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 496. Л. 19.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2239. Л. 103, 107.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 2. Л. 64–65.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 2. Л. 40–43; Д. 3. Л. 24; Д. 2. Л. 77–86; ЦГАМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 678. Л. 6.

¹⁸ Это последовало только в 1943 г., в иных исторических условиях, когда после перерыва, вызванного тяжелой военной обстановкой, пришлось заново «собирать» школу и отвыкших от учебы и порядка детей. Анализ этого документа см.: [Маслинский, 2015].

нии молодых. С другой стороны, стремился удержать динамическое равновесие учительства и ученической массы, предоставляя последней определенные опции корректировки школьного режима под свои запросы. Эта позиция определялась приближающейся войной: школа как институт и репрезентативная модель государства должна была не только обеспечить лояльность его молодых граждан, но и заложить мотивацию сознательного и самоотверженного отстаивания его суверенитета и системы ценностей в предстоящих сражениях.

Обширный массив данных, характеризующих воспитательную работу, не подтверждает вывода о репрессивном давлении на проблемных учащихся и расширявшемся участии структур НКВД в их ресоциализации [Kelly, 2007, p. 258; Гальмарини, 2015, с. 125–126]. За 1936 г., по данным Детской комиссии при ВЦИК, контингент детских домов для умственно отсталых и трудновоспитуемых по ряду краев и областей РСФСР сократился на 40–50 %, а, например, из 14 домов для трудных подростков Московской области осталось только 6¹⁹. По данным организатора советского здравоохранения и председателя этой комиссии Н. А. Семашко, за 1937 г. по РСФСР было закрыто пять больших детских трудовых колоний НКВД²⁰. Как отмечалось выше, сами сотрудники НКВД возражали против направления в их учреждения значительного количества неблагополучных подростков и полагали, что большую часть задач по их интеграции в нормальную общественную жизнь могла и должна была выполнять школа. Эта позиция встречала поддержку со стороны партийных, комсомольских комитетов, органов образования и реализовывалась на практике, что хорошо иллюстрируют два показательных «кейса». Первый – история подростковой банды из Лодейного Поля Ленинградской области, промышлявшей в течение трех лет разбоями и грабежами магазинов, ларьков, граждан и раскрытой угрозой в конце 1936 г. Из 40 чел., главным образом, 13–16-летних учеников местных двух школ, выявленных следствием, под суд было отдано только 13 подростков²¹. Аналогичная группа, но уже численностью в 200 чел., под названием «Золотой зуб» орудовала в Ташкенте в 1935 г. и держала в страхе школьников и даже часть взрослого населения города. Здесь также под суд было отдано меньшинство участников, а остальные, как и в Лодейном Поле, либо направлялись на производство, под надзор местного партийного и комсомольского актива, либо возвращались в школу. К каждому из таких возвращенных прикреплялся персональный куратор из авторитетных комсомольцев или старших пионеров. А основным методом перевоспитания этих ребят стало их вовлечение в дополнительную систему образования и культурно-массовую работу. При этом городские власти значительно расширяли спектр предложений внешкольных занятий и культурного досуга²².

Эти случаи можно рассматривать как модельные. Приобщение трудных подростков к интересным для них видам деятельности, с использованием детского тщеславия и страсти к самоутверждению, доказавшее свою эффективность еще в коммунах-колониях А. С. Макаренко и С. Т. Шацкого, стало универсальной технологией педагогического сообщества 1930-х [Григорьева, 2015, с. 165–166, 169–170]. Направляя такого учащегося в увлекательную для него область самореализации, где сублимировались разрушительные импульсы и избыточное напряжение психики, школа добивалась его нормализации и даже получала носителя компетенций, составлявших ее собственный «фирменный знак». Академик Н. П. Бехтерева отмечала подобный эффект применительно к самой себе и своим соученикам по ленинградскому интернату – детям репрессированных родителей, с тяжелой психической травмой, которых последовательно и умело реабилитировал умный директор: «Лучшие спортсмены, лучшие ученики, лучшие актеры, лучшие, лучшие, лучшие... лучшие – это гордость единиц» [Бехтерева, 2007, с. 38].

Но даже если максимы преобразования девиации в поведенческую норму, а отстаивания в развитии – в проявленный талант были не всегда достижимы на практике, оздоровитель-

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 1111. Л. 62.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 692. Л. 16.

²¹ Там же. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1188. Л. 19–20.

²² Там же. Л. 23, 72.

ный эффект занятий вне программы был бесспорным. Вот, скажем, как это описывала бывшая школьница из Уфы на примере открывшегося в их классе литературного кружка, или, как его назвала учительница, – «семинара»: «На семинар валом повалили из других классов. Появились и хулиганы. Они явно не знали, как себя вести, но, в конце концов, выбрали солидность» (Морозова, 2011, с. 264). Быстро уловив связь положительных сдвигов в поведении с внешкольными занятиями, управляющие органы на протяжении предвоенного десятилетия неуклонно наращивали объем предложений в этой сфере. Сеть площадок дополнительного образования во второй половине 1930-х гг. включала в себя детские городки в парках культуры и отдыха, пионерские форпосты, технические, юннатские станции, дома и дворцы пионеров. Важнейшим критерием в оценке их деятельности становилась максимально возможная пропускная способность²³. Для ее обеспечения в типовое положение о работе дворцов (домов) пионеров и школьников 1938 г. был включен пункт о зачислении детей в кружки, команды, клубы, студии по направлениям, полученным в школах²⁴. В некоторых городах эквивалентом подобных учреждений была детская железная дорога («Малая Кагановическая»), на которой под присмотром профессиональных железнодорожников все операции – от обслуживания путей до вождения поезда с пассажирами – детьми и их родителями, – выполняли школьники. Бывший школьник из Мелитополя с восторгом вспоминал о десятках кружков, действовавших на детской дороге в их городе, – от хорового и струнного до юннатского и радиолюбительского (Дубровский, 2009, с. 9–11). Прекрасно выстроенная работа с детьми во всех таких центрах давала многим путевку в профессиональную жизнь, а ощущение «сказочности» и «праздничности», которое доставляло их посещение, подкрепляло мотивацию продвижения на избранном направлении (Зиновьев, 2013, с. 102).

Однако и сама школа на протяжении 1930-х гг. непрерывно отстраивала и расширяла собственную сеть кружков, секций, студий. Например, в обычной школе маленького Новодвинска имелись театральная студия, струнный оркестр, множество спортивных секций и кружки оборонной подготовки²⁵. Но и сельские школы, а также интернаты, включая те, в которых были размещены дети – жертвы «большого террора», старались предоставить своим питомцам разные интересные и полезные внепрограммные занятия: хоровое пение, танцы, гимнастику, плавание, греблю, подготовку к сдаче норм ГТО, театральное искусство, столярное дело, кройку и шитье [Слезкин, 2019, с. 793–794, 800–801; Бехтерева, 2007, с. 37]. Кружки и усиленная спортивная подготовка изначально закладывались в работу интерната для трудновоспитуемых подростков²⁶.

Сам факт настойчивого и нарастающего охвата внепрограммными занятиями детей, особенно с отклоняющимся поведением, указывал на категорический выбор воспитательно-педагогических, а не репрессивных методов нормализации. Безусловно, описанная практика и связанные с ней ожидания несли на себе заметный отпечаток революционного утопизма с его верой в возможность кардинальной переделки человека в условиях социального освобождения и социалистического строительства. Очевидно, что такая работа не приводила и не могла привести к одномоментному перелому в положении вещей. «Хромающая» дисциплина оставалась ахиллесовой пятой большинства довоенных школ. Т. Юинг отмечает лишь небольшое улучшение ситуации с поведением учащихся к концу 1930-х гг. [Ewing, 2002, p. 206, 208]. На такой же результат указывает воссозданный Л. Холмсом «кейс» лучшей в г. Кирове

²³ На совещании актива Мосгороно в начале 1937 г. подверглись «разносу» директриса детской технической станции Кировского района за пассивность в вовлечении безнадзорных детей в работу станции и директор открывшегося летом 1936 г. Московского дома пионеров Паншин за отказ в приеме 5 тыс. ребят на основании их недостаточных способностей. Отныне ставка на одаренных учеников в учреждениях внешкольного образования рассматривалась под углом зрения протаскивания педологических принципов и саботажа партийно-правительственной линии (ЦГАМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 504. Л. 84 об., 86 об.; Д. 483. Л. 7; Ф. 635. Оп. 1. Д. 153. Л. 130).

²⁴ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 2606. Л. 61.

²⁵ Первым пионером города... URL: <http://dvina29.ru/all-materials/item/12091-pervym-pioneram-goroda> (дата обращения 12.10.2021).

²⁶ ЦГАМ. Ф. 528. Оп. 1 Д. 510. Л. 10 об.

(Вятке) 9-й школы с волевым и распорядительным директором, разработавшим для своих воспитанников подробный сценарий правильного поведения. Однако при всех стараниях его осуществить количество нарушений порядка и дисциплины со стороны учащихся осталось на уровне, сопоставимом с показателями в других учебных заведениях [Holmes, 2008, p. 37, 70]. Означало ли это, что путь, по которому пошла советская школа, был ошибочным?

Поддерживая серьезные увлечения учащихся, школа в лице педагогов или же пионерского и комсомольского актива старалась предоставить каждому из них социальный выход в самых разных формах: руководство пионерским отрядом, а иногда и школьным кружком (!), участие в пионерских конгрессах и сборах, смотрах и концертах художественной самодеятельности, драматических спектаклях, в том числе выездных, шахматные турниры, спортивные состязания, конкурсы творческих работ, туристические походы и экскурсии, викторины и доклады по разным направлениям науки, презентации различных технических устройств, выпуск стенгазет и литературных альманахов, беседы на политические и антирелигиозные темы с жителями рабочих бараков, рейды «легкой кавалерии» в городе и «общественного контроля» в деревне и т. п. О всеобщей ученической встроенности в общественно полезную работу в стенах школы или за их пределами как об универсальной стратегии 1930-х писала учительница А. В. Федорова: «Интроверт, возмутитель спокойствия, изгой – все волей-неволей оказывались втянутыми в общественную жизнь. Отсидеться в уголке мало кому удавалось. Не хочешь выступать на концерте? Делай стенгазету. Не рисуешь? Собирай команду и иди собирать макулатуру. Не любишь гулять? Помогай двоечникам учиться»²⁷. В терминах Н. Элиаса эту школьную практику можно было бы описать как создание определенных фигураций, т. е. устойчивых сетей межличностных связей и взаимозависимостей [Элиас, 2000]. Помещенный в них проблемный подросток и без педагогического принуждения должен был принимать предписанные правила игры, усваивать культурные нормы и преодолевать нежелательные акцентуации характера. Например, хронические дезорганизаторы с определенными лицедейскими задатками, включенные в работу театральной студии, впервые научались реагировать на команды и действовать слаженно с остальными членами коллектива [Дмитриева, 1939, с. 82–83; Полонская, 1958]. Беспокойные или же не уверенные в себе ученики, занявшие по предложению дирекции и учителей должности членов или даже председателей ученических комитетов (учкомов), овладевали солидной и уравновешенной манерой держаться (Наймарк, 2017; Милановский, 1997, с. 425). В некоторых интернатах для трудновоспитуемых администрация оформляла на работу воспитателями предводителей неформальных подростковых групп, пытаясь таким способом побудить подростков к скорейшему исправлению. Иногда этот прием срабатывал и способствовал освоению положительных образцов поведения²⁸.

Интересно, что на той же основе укрепления взаимосвязей и персональной ответственности учащихся, но уже по своей инициативе старшеклассники ряда школ «подтягивали» дисциплину в ученическом коллективе. И. В. Страхов – профессор Саратовского пединститута, в порядке подготовки докторской диссертации по школьной психологии обследовавший в 1939 г. целый ряд школ своего города, зафиксировал неплохое качество дисциплины в тех классах, где имелся заинтересованный в этом авторитетный классный организатор (староста) или же ученический костяк²⁹. Это наблюдение подтверждается рассказами о довоенном детстве в ряде эго-документов (Квок, 1995, с. 10; Все о Гуле Королевой, 2019, с. 251, 254; Коршунов, Терехова, 2002, с. 69–70). Оно позволяет утверждать, что некоторое улучшение дис-

²⁷ Из воспоминаний А. В. Федоровой. URL: http://lanasvet1991.blogspot.com/2012/11/blog-post_6389.html (дата обращения 30.10.2021).

²⁸ НА РАО. Ф. 18. Д. 448. Л. 17, 29. Иногда, как это было в Рязанском, Клементьевском, Наро-Фоминском интернатах, дело заканчивалось хищением интернатского имущества и групповым побегом «воспитателя» вместе с воспитуемыми. Тем не менее, попытки построить асоциальных подростков в интернатское самоуправление и тем самым подстегнуть их исправление продолжались.

²⁹ НА РАО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 13. Л. 31, 33 – 33 об., 34 – 34 об.

циплины, имевшее место, согласно Т. Юингу, в конце десятилетия, достигалось не столько за счет усовершенствования дисциплинарной власти учителя (удержание класса в поле зрения на протяжении урока, снижение громкости голоса в случае шума и т. п.) [Юинг, 2011, с. 204–205], сколько за счет частичного перераспределения этой власти в пользу учащихся.

Изучение порядков и отношений в предвоенной школе позволяет сделать уверенный вывод о том, что она не стала доменом учительско-директорского права «надзирать и наказывать». Более того, в ее пространстве наличествовали как минимум два центра силы – ученический и педагогический, которые ограничивали и неплохо дополняли друг друга. Вместе с отказом от деспотического давления на непокорных учеников и помощью в развитии персональных склонностей это определило совершенно особую роль школы в судьбе молодого фронтового поколения.

Британская исследовательница К. Меридейл в книге, посвященной ментальности и поведению красноармейцев Великой Отечественной, пишет о том, что готовность сражаться молодых городских призывников во многом определялась памятью о своем довоенном детстве как о «счастье» [Meridale, 2010, p. 42]. Однако на самом деле это заключение можно отнести и к абсолютному большинству других молодых людей – и городских, и проживавших вдали от городских очагов цивилизации, зачастую в ущемленном социальном положении³⁰.

Совершенно очевидно, что опыт предвоенной советской школы, с ее ценными наработками в деле нормализации и социализации учащихся, заслуживает дальнейшего изучения.

Список литературы

- Андреев А. Л. Российское образование. Социально-исторический контекст. М.: Наука, 2008. 359 с.
- Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. М.; СПб.: Сова, 2007. 383 с.
- Богуславский М. В. XX век Российского образования. М.: Per se, 2002. 319 с.
- Волкова И. В. Школа 1937 г. глазами историка (по архивным материалам) // Развитие личности. 2013. № 4. С. 206–238.
- Гальмарини М. К. Морально дефективный, преступник или психически больной? Детские поведенческие девиации и советские дисциплинирующие практики 1935–1957 гг. // Острова утопии. Педагогическое социальное проектирование послевоенной школы. М., 2015. С. 107–151.
- Григорьева О. А. Школьная театральная педагогика. М.; СПб.; Краснодар: Планета музыки, 2015. 255 с.
- Дмитриева Н. Воспитательная работа в театральном кружке // Сов. педагогика. 1939. № 5. С. 82–89.
- Днепров Э. Д. Новая политическая история российского образования: опыт и уроки. М.: Мариос, 2011. 456 с.
- Лебедева М. В. Реформа советской школы 1930–1934 гг. в зеркале становления отечественной психологии // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. С. 88–103.
- Маслинский К. Правила поведения в советской школе. Ч. 1. Слово государства в устах учителя // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2015. Вып. 1. С. 56–72.
- Полонская Н. Драматический кружок в сельской школе // Театр в школе. М., 1958. С. 22–30.
- Слезкин Ю. Л. Дом правительства. Сага о русской революции. М.: АСТ, 2019. 1760 с.
- Сомов В. А. Первое советское поколение: испытание войной. М.: АИРО-XXI, 2015. 176 с.

³⁰ Скажем, сын спецпереселенцев, финн Т. Ряннель характеризовал свою Южно-Енисейскую школу-интернат с художественным уклоном, где вместе обучались дети вольнонаемных работников с приисков и ссыльных, как «открытую дверь на свободу, в большой белый свет, в искусство». Именно благодаря ей он и его товарищи «прошли все бои и войны, искренне служили советской Родине, забыв неправые гонения и простиив незабываемые обиды» (Ряннель, 1996, с. 92).

- Сомов В. А., Сомова Д. В.** Детство 1930-х: советская политика в области воспитания подрастающего поколения // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4. С. 121–127.
- Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
- Фуко М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
- Элиас Н.** Понятие фигурации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 62–65.
- Юинг Т.** Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 358 с.
- Ewing T. E.** The Teachers of Stalinism: Policy, Practice, and Power in Soviet Schools of the 1930s. New York, Peter Lang, 2002, 333 p.
- Ewing T. E.** A Precarious Position of Power: Soviet School Directors in 1930s. *Journal of Educational Administration and History*, 2009, vol. 41, no. 3, pp. 253–266.
- Gallagher M.** Are Schools Panoptic? *Surveillance & Society*, 2010, vol. 7, no. 3/4, pp. 262–272.
- Holmes L. E.** School and Schooling under Stalin. 1931–1953. In: Educational Reform in Post-Soviet Russia. London, New York, Frank Coss, 2005, pp. 56–101.
- Holmes L. E.** Power, Privilege, and Excellence in the Provinces, 1933–1945. Kirov, Loban, 2008, 124 p.
- Kelly C.** Children's World. Growing Up in Russia. 1890–1991. New Haven; London, Yale Uni. Press, 2007, 714 p.
- Livschiz A.** Growing Up Soviet: Childhood in the Soviet Union. 1918–1958. PhD Diss. Stanford Uni., 2007, 1029 p.
- Mathiesen T.** The Viewer Society: Michel Foucault's "Panopticon" Revisited. *Theoretical Criminology: An International Journal*, 1997, vol. 1, no. 2, pp. 215–232.
- Merridale C.** Ivan's War. Inside the Red Army, 1939–1945. London, Faber & Faber, 2010, 352 p.
- Reese R.** Why Stalin's Soldiers Fought: The Red Army's Military Effectiveness in World War II. Modern War Studies. Kansas, Uni. Press, 2011, 386 p.

Список источников

- Все о Гуле Королевой. Письма. Воспоминания / Сост. Е. Ракитина. СПб.; М.: Речь, 2019. 317 с.
- Дневник девятиклассника (г. Самара) // Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990). Антология текстов. Взрослые о детях и дети о себе. М.; Тверь, 2008. Ч. 1. С. 381–394.
- Дубровский Д. И.** Воспоминания. Моим детям, внукам и правнукам. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2009. 472 с.
- Зиновьев А.** Русская судьба. Исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф, 2000. 506 с.
- Квок О. Г.** Это было недавно... это было давно. Калининград: Янтарный сказ, 1995. 240 с.
- Коршунов М., Терехова В.** Тайны и легенды Дома на набережной. М.: Слово, 2002. 400 с.
- Косинская школа Пермского края. История и современность. Сб. материалов / Сост. и науч. ред. Е. В. Протасова. Кудымкар, 2014. 234 с.
- Лесскис Г.** Политическая история моей жизни, или развитие социализма от утопии к действительности. М.: Onebook, 2019. 752 с.
- Милановский Е.** Учитель Божьей милостью // Арбатский архив. Историко-краеведческий альманах. 1997. Вып. 1. С. 424–429.
- Морозова Н.** Мое пристрастие к Диккенсу. Семейная хроника. XX век. М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.
- Наймарк Е. А.** «Под твоей бессмертной сенью...». СПб.: Свет, 2019. 63 с.
- Пирожкова В.** Потерянное поколение. Воспоминания о детстве и юности. СПб.: Нева, 1998. 220 с.

Рянная Т. Мой черный ангел. Воспоминания, или рассказы о себе, о треклятых тридцатых, роковых сороковых. Красноярск: Платина, 1996. 186 с.

References

- Andreev A. L.** Rossiiskoe obrazovanie. Sotsial'no-istoricheskii kontekst [Russian Education. Socio-Historical Context]. Moscow, Nauka, 2008, 359 p. (in Russ.)
- Bekhtereva N. P.** Magiya mozga i labirinty zhizni [The Magic of the Brain and the Labyrinths of Life]. Moscow, St. Petersburg, Sova, 2007, 383 p. (in Russ.)
- Boguslavsky M. V.** XX vek Rossiiskogo obrazovaniya [20th Century of Russian Education]. Moscow, Per se, 2002, 319 p. (in Russ.)
- Dneprov E. D.** Novaya politicheskaya istoriya rossiiskogo obrazovaniya: opyt i uroki [New Political History of Russian Education: Experience and Lessons]. Moscow, Marios, 2011, 456 p. (in Russ.)
- Dmitrieva N.** Vospitatel'naya rabota v teatral'nom kruzhke [Education in the Theater Club]. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet Pedagogy], 1939, no. 5, pp. 82–89. (in Russ.)
- Elias N.** Ponyatie figuratsii [The Concept of Figuration]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2000, no. 3, pp. 62–65. (in Russ.)
- Ewing T. E.** The Teachers of Stalinism: Policy, Practice, and Power in Soviet Schools of the 1930s. New York, Peter Lang, 2002, 333 p.
- Ewing T. E.** A Precarious Position of Power: Soviet School Directors in 1930s. *Journal of Educational Administration and History*, 2009, vol. 41, no. 3, pp. 253–266.
- Ewing T. E.** Uchitelya epokhi stalinizma: vlast', politika i zhizn' shkoly 1930-kh gg. [The Teachers of Stalinism: Policy, Practice, and Power in Soviet Schools of the 1930s]. Moscow, ROSSPEN, 2011, 358 p. (in Russ.)
- Fitzpatrick Sh.** Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod [Everyday Stalinism. Social History of the Soviet Russia in the 1930s: City]. Moscow, ROSSPEN, 2008, 336 p. (in Russ.)
- Foucault M.** Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem, 1999, 480 p. (in Russ.)
- Gallagher M.** Are Schools Panoptic? *Surveillance & Society*, 2010, vol. 7, no. 3/4, pp. 262–272.
- Galmarini M. K.** Moral'no defektivnyi, prestupnik ili psikhicheski bol'noi? Detskie povedencheskie devyatsii i sovetskie distsipliniruyushchie praktiki 1935–1957 [Morally Defective, Criminal or Mentally Ill? Children's Behavioral Deviations and Soviet Disciplinary Practices of 1935–1957]. In: Ostrova utopii. Pedagogicheskoe sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly [Islands of Utopia. Pedagogical Social Design of the Post-War School]. Moscow, 2015, pp. 107–151. (in Russ.)
- Grigoryeva O. A.** Shkol'naya teatral'naya pedagogika [School Theatrical Pedagogy]. Moscow, St. Petersburg, Krasnodar, Planeta Muzyki, 2015, 255 p. (in Russ.)
- Holmes L. E.** School and Schooling under Stalin. 1931–1953. In: Educational Reform in Post-Soviet Russia. London, New York, Frank Cass, 2005, pp. 56–101.
- Holmes L. E.** Power, Privilege, and Excellence in the Provinces, 1933–1945. Kirov, Loban, 2008, 124 p.
- Kelly C.** Children's World. Growing Up in Russia. 1890–1991. New Haven; London, Yale Uni. Press, 2007, 714 p.
- Lebedeva M. V.** Reforma sovetskoi shkoly 1930–1934 gg. v zerkale stanovleniya otechestvennoi psikhologii [Reform of the Soviet School 1930–1934 in the Mirror of the Formation of Russian Psychology]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological Science and Education], 2012, no. 3, pp. 88–103. (in Russ.)
- Livschiz A.** Growing Up Soviet: Childhood in the Soviet Union. 1918–1958. PhD Dissertation. Stanford Uni., 2007, 1029 p.

- Maslinsky K.** Pravila povedeniya v sovetskoj shkole. Ch. 1. Slovo gosudarstva v ustakh uchitelya [Rules of Conduct in the Soviet School. Part 1. The Message of the State Delivered by the Teacher]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV. Pedagogika. Psihologiya* [St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology], 2015, iss. 1, pp. 56–72. (in Russ.)
- Mathiesen T.** The Viewer Society: Michel Foucault's "Panopticon" Revisited. *Theoretical Criminology: An International Journal*, 1997, vol. 1, no. 2, pp. 215–232.
- Merridale C.** Ivan's War. Inside the Red Army, 1939–1945. London, Faber & Faber, 2010, 352 p.
- Polonskaya N.** Dramaticheskii kruzhok v sel'skoj shkole [Drama Club in a Rural School]. In: *Teatr v shkole* [Theater in School]. Moscow, 1958, pp. 22–30. (in Russ.)
- Reese R.** Why Stalin's Soldiers Fought: The Red Army's Military Effectiveness in World War II. *Modern War Studies*. Kansas, Uni. Press, 2011, 386 p.
- Slezkine Yu.** Dom pravitel'stva. Saga o russkoi revolyutsii [The House of Government. A Saga of the Russian Revolution]. Moscow, AST, 2019, 1760 p. (in Russ.)
- Somov V. A.** Pervoe sovetskoe pokolenie: ispytanie voinoi [First Soviet Generation: Ordeal of War]. Moscow, AIRO-XXI, 2015, 176 p. (in Russ.)
- Somov V. A., Somova D. V.** Detstvo 1930-kh: sovetskaya politika v oblasti vospitaniya podrastayushchego pokoleniya [Childhood of the 1930s: Soviet Policy in the Sphere of Youth Upbringing]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2013, no. 4, pp. 121–127. (in Russ.)
- Volkova I. V.** Shkola 1937 g. glazami istorika (po arkhivnym materialam) [School of 1937 in the Eyes of a Historian (Based on Archival Materials)]. *Razvitie lichnosti* [Development of Personality], 2013, no. 4, pp. 206–238. (in Russ.)

List of Sources

- Dnevnik devyatiklassnika (g. Samara) [Diary of a Ninth-Grade Student (Samara)]. In: *Gorodok v tabakerke. Detstvo v Rossii ot Nikolaya II do Borisa El'tsina (1890–1990). Antologiya tekstov. Vzroslye o detyakh i deti o sebe* [Town in a Snuffbox. Childhood in Russia from Nicholas II to Boris Yeltsin (1890–1990). Anthology of Texts. Adults about Children and Children about Themselves]. Moscow, Tver, 2008, pt. 1, pp. 381–394. (in Russ.)
- Dubrovsky D. I.** Vospominaniya. Moim detyam, vnukam i pravnukam. [Memories. To my Children, Grandchildren and Great-Grandchildren]. Moscow, Kanon + ROOI "Reabilitatsiya", 2009, 472 p. (in Russ.)
- Korshunov M., Terekhova V.** Tainy i legendy Doma na naberezhnoi [Secrets and Legends of the House on the Embankment]. Moscow, Slovo, 2002, 400 p. (in Russ.)
- Kvok O. G.** Eto bylo nedavno... eto bylo davno [It Was Recently... It Was a Long Time Ago]. Kaliningrad, Yantarnyi skaz, 1995, 240 p. (in Russ.)
- Lesskis G.** Politicheskaya istoriya moei zhizni, ili razvitiye sotsializma ot utopii k deystvitelnosti [The Political Story of My Life, or the Development of Socialism from Utopia to Reality]. Moscow, Onebook, 2019, 752 p. (in Russ.)
- Milanovsky E.** Uchitel' Bozh'ei milost'yu [Teacher by God's Grace]. *Arbatskii arkhiv. Istoriko-kraevedcheskii al'manakh* [Arbat Archive. Historical and Local History Almanac], 1997, iss. 1, pp. 424–429. (in Russ.)
- Morozova N.** Moe pristrastie k Dikkensu. Semeinaya khronika. XX vek [My Addiction to Dickens. Family Chronicle. 20th Century]. Moscow, Novyi khronograf, 2011, 352 p. (in Russ.)
- Naimark E. A.** "Pod tvoei bessmertnoi sen'yu..." [Under your Immortal Shadow]. St. Petersburg, Svet, 2019, 63 p. (in Russ.)
- Pirozhkova V.** Poteryannoe pokolenie. Vospominaniya o detstve i yunosti [Lost Generation. Memories of Childhood and Adolescence]. St. Petersburg, Neva, 1998, 220 p. (in Russ.)

- Protasova E. V.** (ed.). Kosinskaya shkola Permskogo kraia. Istoriya i sovremennost' [Kosinskaya School of the Perm Krai. History and Modernity]. Collection of Materials. Kudymkar, 2014, 234 p. (in Russ.)
- Rakitina E.** (ed.). Vse o Gule Korolevoi. Pisma. Vospominaniya [All about Gulya Koroleva. Letters. Memories]. St. Petersburg, Moscow, Rech', 2019, 317 p. (in Russ.)
- Ryannel T.** Moi chernyi angel. Vospominaniya, ili rasskazy o sebe, o treklyatykh tridtsatykh, rokyvykh sorokovykh [My Black Angel. Memories, or Stories about Myself, about the Damn Thirties, Doomed Forties]. Krasnoyarsk, Platina, 1996, 186 p. (in Russ.)
- Zinovyev A.** Russkaya sud'ba. Ispoved' otshchepentsa [Russian Fate. The Confession of a Renegade]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2000, 506 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Ирина Владимировна Волкова, доктор исторических наук, доцент
WoS Researcher ID N-8371-2016

Information about the Author

Irina V. Volkova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor
WoS Researcher ID N-8371-2016

*Статья поступила в редакцию 21.11.2021;
одобрена после рецензирования 10.04.2022; принята к публикации 22.05.2022
The article was submitted 21.11.2021;
approved after reviewing 10.04.2022; accepted for publication 22.05.2022*

Научная статья

УДК 94(571.1).084

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-146-158

Положение протестантских общин Западной Сибири в контексте усиления антирелигиозной политики СССР в конце 1950-х – начале 1960-х годов

Петр Константинович Дашковский¹
Наталья Петровна Зиберт²

^{1,2} Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

¹ dashkovskiy@fpm.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

² zibert.natalya18@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8505-6422>

Аннотация

Рассматривается положение протестантских общин Западной Сибири в контексте реализации государственно-конфессиональной политики СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В ходе исследования установлено, что с 1958 г. направление государственно-конфессиональной политики начинает значительно меняться. В результате этого зарегистрированные протестантские общины Западной Сибири всё больше подвергались административному давлению со стороны советских органов власти. Одновременно с этим некоторые протестантские деноминации были объявлены «антигосударственными». Это привело к тому, что часть протестантских общин лишилась возможности легального существования и стала подвергаться преследованиям со стороны государства. В начале 1960-х гг. меры, предпринимаемые советской властью для предотвращения распространения религиозных вероучений на территории Западной Сибири, окончательно лишили протестантские общины самостоятельности и поставили их под особый контроль государственных органов.

Ключевые слова

государственно-конфессиональная политика, Западная Сибирь, протестанты, религиозные общины, советский период

Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023)

Для цитирования

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Положение протестантских общин Западной Сибири в контексте усиления антирелигиозной политики СССР в конце 1950-х – начале 1960-х годов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 146–158. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-146-158

The Status of Protestant Communities in Western Siberia in the Context of Strengthening of the Anti-Religious Policy of the USSR in the Late 1950s – Early 1960s

Pyotr K. Dashkovskiy¹, **Natalia P. Ziebert**²

^{1,2} Altay State University

Barnaul, Russian Federation

¹ dashkovskiy@fpm.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

² zibert.natalya18@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8505-6422>

Abstract

In modern Russia, the issue of the relationship between the state and religious organizations is among the most urgent. One of the most controversial is the policy toward Protestant communities carried out by the government at different times. It is important to note that a significant part of the works of Russian historiography is devoted to particular as-

© Дашковский П. К., Зиберт Н. П., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 8: История. С. 146–158

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 146–158

pects of the activities of Protestant communities in Siberia. At the same time, the history of the relations between the latter and the Soviet authorities often remained without due attention, which determined the topic of this article. The authors came to the following conclusions. The state-confessional policy implemented by the government since 1958 has placed religious communities of various faiths in an unequal position. For example, while the communities of the Russian Orthodox Church were trying to cope with administrative pressure from the Soviet authorities, majority of the Protestant denominations in the region switched to illegal existence. This was due not only to the state policy that had developed against them, which prohibited certain areas of Protestantism, but also to the position of the believers themselves, who were accustomed to conspiracy in previous years. As a result, during the period under review, it was not Protestant communities that were subjected to administrative persecution in Siberia, as a rule, but specific individuals who actively and publicly professed one of the directions of Protestantism. In some cases, the leadership of rural areas preferred not to spoil the statistics and not to notice the believers living in the territories under their jurisdiction. As a result, reports to higher management often kept silent about the facts of the manifestation of religiosity among the population. Similar motives were among the management of enterprises and institutions that did not want to lose valuable employees because of the latter's religious beliefs. It should be noted that the situation in Siberia was not unique and in the period under review was typical for many regions of the country.

Keywords

state and confessional policy of the USSR, Western Siberia, Protestants, religious communities

Acknowledgements

The work was prepared within the framework of the Russian science foundation grant on the topic "Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the 19th – 20th centuries" (project no. 19-18-00023)

For citation

Dashkovskiy P. K., Ziebert N. P. The Status of Protestant Communities in Western Siberia in the Context of Strengthening of the Anti-Religious Policy of the USSR in the Late 1950s – Early 1960s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 8: History, pp. 146–158. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-8-146-158

В России вопросы государственно-конфессиональной политики продолжают оставаться актуальными на протяжении длительного периода. В настоящее время перед государством, которое играет главенствующую роль в регулировании межконфессиональных и межнациональных отношений, стоит задача построения эффективной государственно-конфессиональной системы отношений. При этом следует учитывать то влияние, которое религиозные объединения оказывают на общественные процессы, активно продвигая свои социальные инициативы, а также накопленный исторический опыт в сфере государственно-религиозного взаимодействия.

Особое место в системе государственно-конфессиональных отношений занимают протестантские общины, история функционирования которых является достаточно сложной и мало изученной. Следует отметить, что в отечественной историографии есть ряд работ, посвященных отдельным аспектам деятельности протестантских общин в Западной Сибири в рассматриваемый период. В качестве примера можно привести работы А. В. Горбатова [2008; 2015], Е. А. Серовой [2011], Е. В. Конева [2020], Л. И. Сосковец [2003]. Значительный вклад в изучение истории деятельности протестантских общин Сибири внесли В. П. Клюева, А. И. Савин, В. Дённингхаус. Рассматривалась региональная специфика государственно-конфессиональных отношений, в том числе некоторые аспекты функционирования различных протестантских деноминаций [Белякова, Клюева, 2018; Клюева, 2015; Глушаев, Клюева, 2014; Клюева, 2012; 2009; Савин, Дённингхаус, 2017; Савин, 2020].

Исследованием протестантских общин на территории Алтайского края советского периода занималась Е. Е. Жеребятьева [2009; 2012]. Кроме того, среди работ, отчасти касающихся данной проблематики, следует отметить монографии, опубликованные в последние годы, некоторые разделы которых освещают положение протестантских общин на территории Западной Сибири в советский период [Серова, 2019; Дашковский, Дворянчикова, 2019; Дашковский, Зиберт, 2020; Протестантизм..., 2006; Волохов, 2009; Черказьянова, 2009; Вибе, Сенникова, 2009; Савин, 2015; Савин, Смирнова, 2021].

В данной статье предпринята попытка комплексного исследования положения протестантских общин Западной Сибири в конце 1950-х – середине 1960-х гг. При этом в качестве

основной источниковой базы исследования выступили архивные материалы, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, что позволяет существенно расширить историографию изучаемого вопроса.

Государственно-конфессиональная политика, проводимая в годы нахождения у власти Н. С. Хрущева, несомненно, является одной из самых сложных для протестантских общин за весь период их функционирования в СССР. Первые годы руководства страной Н. С. Хрущевым характеризовались сохранением в государственно-конфессиональной политике страны курса, сложившегося в последние годы жизни И. В. Сталина, в ходе реализации которого не предполагалось значительного наступления на религию [Болтрушевич, 2020, с. 220]. Одновременно с этим деятельность религиозных организаций тщательно контролировалась государственными органами власти, опасавшимися усиления религиозных настроений среди населения.

Постепенное и систематическое ужесточение религиозной политики началось после состоявшегося в феврале 1956 г. XX съезда КПСС (Доклад..., 1959, с. 60), но наибольшего размаха, борьба с религией приобрела в период с 1958 по 1964 г. [Шкаровский, 2010, с. 59].

Так, 12 сентября 1958 г. вышла записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды». В этом документе отмечалось значительное ослабление научно-атеистической пропаганды в ряде регионов, усиление миссионерско-проповеднической деятельности религиозных групп, активизация деятельности и количественный рост сектантов¹. Спустя месяц, в октябре 1958 г. ЦК КПСС было выпущено секретное постановление «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”» [Костылев и др., 2014, с. 168], согласно которому следовало начать наступление на «религиозные пережитки» советских людей. Помимо этого, ставилась задача развернуть широкую сеть по подготовке атеистических кадров и усилить научно-атеистическую пропаганду среди трудящихся [Пибаев, 2021, с. 21].

С целью усиления контроля за различными аспектами религиозной жизни населения в 1958 г. были выпущены такие постановления, как «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей», «О монастырях в СССР» [Там же], «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”» [Арапов, 2011, с. 328]. Следует отметить, что в результате действия данных постановлений в Западной Сибири под усиленный контроль попали зарегистрированные общины Русской православной церкви, а также некоторые общины нехристианских конфессий. Необходимость отслеживания и пресечения деятельности нелегальных групп, еще в ноябре 1958 г. отмечал председатель СДРК РСФСР А. А. Пузин, выступающий на Всесоюзном совещании уполномоченных СДРК РСФСР. По его данным, в 1958 г. в стране насчитывалось 1 715 «сект изуверческого и антигосударственного характера», требующих особого внимания уполномоченных на местах [Одинцов, 2020, с. 382].

Новый курс государственно-конфессиональной политики нашел свое выражение в «Инструкции по применению законодательства о культах», окончательный проект которой в 1961 г. был представлен в ЦК КПСС [Там же, с. 387]. Одновременно с этим определялся перечень «запрещенных сект», не подлежащих регистрации. Проведенный единовременный учет действовавших в СССР религиозных объединений выявил к началу 1961 г. 6 486 неправославных религиозных общин, функционировавших без регистрации. Следует отметить, что лишение некоторых общин возможности получить регистрацию, с одной стороны, упростило задачу по пресечению деятельности таких объединений верующих. С другой стороны, это обстоятельство вывело из-под контроля органов власти большое количество религиозных общин во всех регионах страны. К началу 1960-х гг. верующие успели привыкнуть к «подпольной» жизни, научились соблюдать конспирацию и не боялись лишиться регистрации

¹ URL: <https://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/> (дата обращения 09.10.2021).

[Никольская, 2009, с. 183]. Обозначенная тенденция сохранялась и в период определенных демократических преобразований в СССР вплоть до его распада [Никольская, 2021, с. 122–129].

Впоследствии уполномоченных СДРК РСФСР и СДРПЦ РСФСР обязали информировать центральные аппараты Советов о количестве действующих в регионах не зарегистрированных религиозных объединений [Одинцов, 2020, с. 389, 390, 392–393]. В результате на территории Западной Сибири было установлено большое количество незарегистрированных религиозных групп. Так, в начале 1960-х гг. в Новосибирской области насчитывалось около 100 нелегальных общин. Сектантские объединения имелись в 14 районах и 9 городах Алтайского края [Сосковец, 2003, с. 72]. В Омской области на 1 января 1962 г. было учтено 76 незарегистрированных религиозных групп, в которых состояло не менее 5 тыс. чел.², в 1963 г. на учете в данной области числилось уже более 80 незарегистрированных религиозных групп³. В то же время руководство некоторых районов в своих отчетах фиксировало только зарегистрированные религиозные группы, умалчивая о наличии нелегальных религиозных групп и отдельных верующих⁴.

В октябре 1961 г. состоялся XXII съезд партии, на котором было принято решение о расширении антирелигиозного наступления [Егоров, 2018, с. 42]. Последнее выражалось в усилении административного давления на зарегистрированные религиозные группы, а также в уголовном преследовании лиц, подозревавшихся в нарушении законодательства о религиозных культурах. Чаще всего для этого использовались ст. 142 («Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви») и ст. 227 («Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов») Уголовного кодекса РСФСР. На территории СССР в 1961–1965 гг. за нарушение законодательства о религиозных культурах было привлечено к уголовной ответственности 1 234 чел. [Одинцов, 2020, с. 395]

Кроме того, в качестве метода борьбы с так называемым сектантством широкое распространение получила высылка в отдаленные районы страны религиозных служителей и наиболее активных верующих. При этом активно использовалось постановление «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. По имеющимся данным, в 1961–1964 гг. в отдаленные районы страны было выслано более 400 верующих [Никольская, 2009, с. 188]. Следует отметить, что руководители нелегальных религиозных групп зачастую продолжали поддерживать связь с единоверцами, оставшимися на прежнем месте жительства, и пытались организовать новые религиозные объединения в месте ссылки [Конев, 2020, с. 22]. Так, например, руководитель Всесоюзного объединения адвентистов седьмого дня П. А. Мацанов, высланный в Новосибирск, не только предпринимал меры по восстановлению ликвидированной группы адвентистов седьмого дня, но и направлял своих агентов во Владивосток, Барнаул, Семипалатинск, Алма-Ату и Кемерово⁵. На территории Томской области организаторами новых религиозных объединений выступали 7 ссыльных адвентистов седьмого дня, в том числе Ю. В. Мориц, С. С. Дубняк, Ю. А. Данильсон [Там же]. На основании ст. 227 УК РСФСР руководитель барнаульской общины евангельских христиан-баптистов С. Пиджаков и его помощник М. Пилипенко были осуждены на 5 лет лишения свободы [Дашковский, Дворянчикова, 2015, с. 81]. В 1961 г. руководитель омской общины евангельских христиан-баптистов П. Г. Ковалев был осужден на 5 лет⁶. В этом же году состоялся общественный суд над руководителями омской группы свидетелей Иеговы⁷. Сложившаяся в Западной Сибири ситуация не являлась исключитель-

² ГИАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 32.

³ Там же. Д. 39. Л. 7.

⁴ ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 15. Л. 12, 44, 116.

⁵ ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 64. Л. 8.

⁶ ГИАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 32. Л. 17.

⁷ Там же. Л. 21.

ной и наблюдалась во многих регионах РСФСР. Так, например, Уполномоченный СДРК РСФСР по Оренбургской области отмечал: «Когда одних, более активных организаторов изымали из поселков, их заменяли другие, малозаметные до того проповедники» [Тюлюлюкин, 2006, с. 159].

Другой особенностью рассматриваемого периода стало значительное усиление административного давления на зарегистрированные общины и закрытие молитвенных домов. После многочисленных притеснений в 1960 г. были закрыты общины евангельских христиан-баптистов Новосибирска и Купино Новосибирской области⁸. В Омске двум объединившимся для регистрации общинам молокан под руководством Дружина и Коробова было отказано в удовлетворении соответствующего ходатайства⁹. О широком распространении грубого администрирования свидетельствуют «закрытые» доклады Председателя СДРК РСФСР А. А. Пузина. В них отмечалось повсеместное незаконное закрытие молитвенных домов, отказы в регистрации, разгон религиозных собраний, незаконное увольнение верующих с работы и привлечение последних к уголовной ответственности [Ярыгин, 2015, с. 67]. Характерной является ситуация, сложившаяся в Омске. После того как в 1949 г. исполком областного Совета депутатов трудящихся лишил регистрации местную общину евангельских христиан-баптистов, насчитывавшую около 300 верующих, последняя распалась на 18 более мелких групп, которые стали собираться на нелегальные молитвенные собрания в различных частях города. Причем к 1963 г. количество верующих, посещающих данные собрания, увеличилось до 1 000 чел.¹⁰ Кроме того, из числа верующих выделилась реакционная группа в составе 400 чел., члены которой отказывались соблюдать советское законодательство о культах и сознательно выступали против регистрации¹¹. Еще одним поводом для разногласий в среде протестантских групп стало принятие пленумом ВСЕХБ «Положения о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР» и «Инструктивного письма старшим пресвитерам ВСЕХБ» [История Евангельских христиан-баптистов в СССР, 1989, с. 240], текст которых был воспринят большинством верующих, как «отступление от заветов Христа и учения апостолов». Лишь незначительная часть верующих согласилась с данными нововведениями, в то время как большинство выразили несогласие и возмущение. По всей видимости, подготовка данных документов велась под непосредственным контролем СДРК РСФСР, что косвенно подтверждается как содержанием последних, так и речью председателя ВСЕХБ Я. И. Жидкова на пленуме ВСЕХБ в 1959 г. [Там же, с. 240–241]. Ограничение автономии поместных церквей, запрещение некоторых видов проповеднической деятельности и религиозного обучения детей привели к публичной критике позиций руководящего состава ВСЕХБ со стороны верующих и формированию инициативной группы во главе с А. Ф. Прокофьевым и Г. К. Крючковым [Глушаев, 2017, с. 105], которая позднее была преобразована в Оргкомитет и положила начало движению баптистов-инициативников [Никольская, 2003, с. 25].

В 1962 г. на Всесоюзной конференции по научно-атеистической пропаганде в очередной раз был поднят вопрос о вытеснении религиозных обычаев и традиций новыми советскими праздниками и ритуалами [Егоров, 2018, с. 42]. В результате во всех регионах страны развернулась широкая антирелигиозная пропаганда, направленная на подавление деятельности религиозных организаций. Местные газеты регулярно писали о реакционной сущности религии, разоблачали священнослужителей. Так, например, одна из новосибирских газет опубликовала заметку с порицанием неблагоприятных поступков некоторых проповедников общины евангельских христиан-баптистов¹².

В целом следует отметить что, несмотря на то что усиление антирелигиозной пропаганды привело к сокращению количества официальных заявлений и обращений верующих, существ-

⁸ ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 20. Л. 148, 188; Д. 60. Л. 1.

⁹ ГИАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 32. Л. 20.

¹⁰ Там же. Д. 39. Л. 8.

¹¹ Там же.

¹² ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 58. Л. 17.

венных изменений в количестве людей, посещающих религиозные собрания, не наблюдалось. Более того, в ряде регионов местные власти продолжали фиксировать нелегальные религиозные группы, деятельность которых не поддавалась контролю. Уполномоченный СДРК РСФСР по Новосибирской области в своих отчетах отмечал слабое и разобщенное проведение антирелигиозной работы учреждениями области. По мнению последнего, областные финансовые органы недостаточно контролировали руководителей религиозных организаций, областной отдел здравоохранения неудовлетворительно вел работу по атеистическому воспитанию медицинских работников. Органы МВД попустительствовали деятелям религиозных обществ, которые, как считалось, совершали уголовные преступления¹³. Случаи лояльного отношения к верующим со стороны руководства предприятий и учреждений фиксировались и в других регионах страны [Никольская, 2009, с. 200].

Практически во всех районах и городах Западной Сибири фиксировались незарегистрированные религиозные группы, действия которых слабо контролировались. В Омской области уполномоченный СДРК РСФСР по данному региону И. Бутюгов отмечал, что выполнение постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. об усилении контроля за выполнением законодательства о культах было сопряжено с множеством трудностей. В частности при учете фактически действующих, но не зарегистрированных объединений выяснилось, что большинство исполкомов районных и сельских советов ранее не занимались изучением наличия религиозных групп, действующих на подведомственной им территории, либо знали о наличии таких групп, но не придавали данным фактам должного значения. Зачастую представители органов власти знали только проповедников нелегально действующих групп и не имели представления ни об их численном составе, ни о проводимой деятельности и содержании религиозного учения. Атеистическая работа при этом проводилась нерегулярно и не координировалась местными партийными организациями. В антирелигиозной работе отсутствовало определенное направление на то или иное религиозное течение¹⁴. При этом, несмотря на значительное усиление атеистической работы среди населения через печать, радио, телевидение и устную пропаганду, фактов сокращения деятельности сектантов всех толков и направлений не наблюдалось. Кроме того, И. Бутюгов ставил под сомнение эффективность народных судов, проведенных в первом полугодии 1962 г.¹⁵

Не менее показательны данные по Новосибирской области. В Новосибирске функционировала незарегистрированная община евангельских христиан-баптистов, в которой на 1 января 1964 г. состояло 1 468 чел.¹⁶ Кроме того, в городах и селах Новосибирской области действовали группы лютеран, меннонитов, пятидесятников, свидетелей Иеговы, истинно-православных христиан¹⁷. В Омской области к 1 января 1964 г. на учете состояло более 80 незарегистрированных религиозных групп верующих¹⁸.

Важно отметить, что деятельность большинства религиозных групп, перечисленных выше, была установлена путем тайного наблюдения. Рядовые верующие в условиях жесткой антирелигиозной пропаганды и уголовного преследования, как правило, избегали демонстративного поведения и предпочитали не афишировать свою религиозность. В свою очередь, местные органы государственной власти зачастую предпочитали закрывать глаза на наличие в некоторых населенных пунктах религиозных групп, до тех пор, пока о данных фактах не становилось известно вышестоящим органам власти. Кроме того, в среде верующих фиксировались лица, активно заявляющие о своей религиозности, несмотря на угрозу уголовного преследования и возможную высылку в другой регион. Как уже отмечалось, такая ситуация не являлась исключительной. В рассматриваемый период во многих регионах РСФСР фиксировались

¹³ ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 58. Л. 2, 5, 3.

¹⁴ ГИАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 32. Л. 15, 16.

¹⁵ Там же. Л. 13, 14.

¹⁶ ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 80. Л. 3, 4.

¹⁷ Там же. Д. 64. Л. 18, 21.

¹⁸ ГИАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 39. Л. 7.

сировались нелегально действующие группы верующих, отношение к которым со стороны руководства предприятий и учреждений в некоторых случаях было достаточно лояльным. Кроме того, ссылка в отдаленные районы зачастую рассматривалась верующими не как наказание, а как один из способов распространения религиозного учения. В последствии данный метод борьбы с религией был признан властями «не всегда оправданным, а иногда даже вредным» [Никольская, 2009, с. 188].

Противоречивые результаты были получены и в отношении регулирования деятельности общин непротестантской направленности. Так, по данным М. В. Шкаровского, в 1958–1964 гг. в РСФСР православная обрядность оставалась примерно на одном уровне: 33 % умерших отпевали и 30 % новорожденных крестили [Шкаровский, 2010, с. 63]. При этом в силу широкого распространения выполнения религиозных треб на дому у священников сложно установить точную численность и динамику православных обрядов, совершенных в Западной Сибири в период с 1958 по 1964 г.¹⁹ В то же время следует отметить активную благотворительную деятельность духовенства Ставропольского и Алтайского краев, Томской, Оренбургской, Свердловской, Владимирской, Тамбовской, Новосибирской, Кировской, Вологодской и других областей, осуществляемую в рассматриваемый период и выражающуюся в финансовой помощи «бедным», «сиротам», «погорельцам» и прочим нуждающимся²⁰. К 1964 г. снизились доходы в функционирующих в Новосибирске иудейской, мусульманской и старообрядческой общинах. При этом выплаты персоналу в иудейской общине увеличились с 1 433 руб. в 1964 г. до 1 683 руб. в 1964 г.²¹

Таким образом, активная наступательная антирелигиозная пропаганда, лишение регистрации значительного количества религиозных общин, в том числе и протестантских, объявление некоторых из религиозных групп «изуверческими антигосударственными сектами» привели к тому, что к середине 1960-х гг. внешние проявления религиозной жизни среди населения рассматриваемого региона заметно уменьшились. Одновременно с этим увеличилось число различных религиозных групп, осуществлявших свою деятельность скрытно. При этом в условиях государственной антирелигиозной политики не только верующие предпочитали скрывать свои религиозные убеждения. Зачастую, об истинном положении дел умалчивали руководители районов, пытающиеся таким образом улучшить статистику, а также руководство предприятий и учреждений, нежелающее терять своих сотрудников.

Список литературы

- Арапов Д. Ю.** Ислам и советское государство (1944–1990): Сб. док. М.: ИД Марджани, 2011. Вып. 3. 529 с.
- Белякова Н. А., Ключева В. П.** «Она привела меня к баптистам, а я ее к пятидесятникам». Специфика коммуникативных практик евангельских общин в позднем СССР // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 294–311.
- Болтрушевич Н. Г.** Политика советского государства в отношении православной церкви в 1954–1958 гг. (по материалам БССР) // Науч. тр. Республ. ин-та высшей школы. 2020. № 20-1. С. 219–230.
- Вибе П. П., Сенникова Л. И.** Религиозная жизнь немецкого населения Сибири во второй половине XX в. // История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 523–548.
- Волохов С. П.** Гражданская инициатива и протест немцев Сибири по вопросу восстановления национальной автономии и осуществления права на эмиграцию // История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 503–512.
- Глушаев А. Л.** Раскол в баптизме: «инициативники» и «религиозный экстремизм» в интерпретациях советской атеистической литературы 1960–1980-х гг. // Вестник Православно-

¹⁹ ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 37. Л. 84.

²⁰ Там же. Д. 47. Л. 14.

²¹ ГАНУ. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 80. Л. 14, 15, 16, 17.

го Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. № 71. С. 104–118.

- Глушаев А., Клюева В.** «Новые» меннониты Урала и Сибири: генезис и трансформация этноконфессиональных сообществ в 1940–1960-е годы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32, № 4. С. 295–313.
- Горбатов А. В.** Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 406 с.
- Горбатов А. В.** Объединения Евангельских христиан-баптистов в Сибири и религиозная политика государства в 1940–1960-е гг. // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул, 2015. Т. 2. С. 119–140.
- Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.** Правовое положение христианских общин в 1953–1964 гг. // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул, 2015. Т. 2. С. 75–83.
- Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.** Государственное регулирование деятельности христианских общин во второй половине 1960-х – середине 1970-х гг. // Этнорелигиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX – начале XXI в. Барнаул, 2019. С. 165–172.
- Дашковский П. К., Зиберт Н. П.** Государственное регулирование деятельности христианских общин во второй половине 1960-х – середине 1970-х гг. // Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 – середине 1960-х гг. Барнаул, 2020. С. 76–96.
- Егоров Д. Е.** Антирелигиозная политика советского государства в середине 50-х – 60-х годов XX века // Инновации и перспективы современной науки. Исторические, социогуманитарные и философские науки. Астрахань, 2018. С. 40–43.
- Жеребятьева Е. Е.** Правовое положение протестантских организаций и атеистическая работа в Алтайском крае (1945–1980-е гг.) // Изв. АлтГУ. 2009. № 4-1 (64). С. 79–82.
- Жеребятьева Е. Е.** Государственно-конфессиональные отношения в Алтайском крае в 1945–1990 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012. 242 с.
- История Евангельских христиан-баптистов в СССР. М.: Изд. Всесоюз. совета евангельских христиан-баптистов, 1989. 622 с.
- Клюева В. П.** Религиозная активность населения Тюменской области (1940–1960-е гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 95–101.
- Клюева В. П.** Религиозная жизнь в Тюменской области в конце 1950 – середине 1960-х гг.: по материалам периодической печати // Вестник Ишим. гос. пед. ин-та им. П. П. Ершова. 2012. № 2 (2). С. 66–72.
- Клюева В. П.** «В настоящее время религия переживает серьезный кризис»: реакция советских верующих на антирелигиозную пропаганду // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 143–150.
- Конев Е. В.** Адвентисты седьмого дня Западной Сибири в 40–60-е гг. XX века // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 6. С. 20–25.
- Костылев П. Н., Антонов К. М., Воронцова Е. В.** «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. 263 с.
- Никольская Т. К.** Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 28 с.
- Никольская Т. К.** Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2009. 356 с.
- Никольская Т. К.** Возрождение или кризис? Вызовы «перестройки» в конфессиях русского протестантизма // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 2. С. 121–131.

- Одинцов М. И.** Живущие надеждой. Церковь христиан-адвентистов седьмого дня в России. 1886–1991 гг. М.: Полит. энцикл., 2020. 575 с.
- Пибаев И. А.** Конституционно-правовой статус светского государства в России и Италии. М.: Проспект, 2021. 224 с.
- Протестантизм в Тюменском крае: история и современность / Под ред. И. В. Боброва. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 222 с.
- Савин А. И.** Меннониты Сибири в 1940–1980-е годы: религиозные диссиденты. Документы и материалы. Новосибирск: Посох, 2015. 559 с.
- Савин А. И.** Библия в Советском Союзе: к истории ввоза из-за границы, издания и распространения // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 33–50.
- Савин А. И., Дёнингхаус В.** Массовые религиозные мероприятия немцев Сибири как проявление «своенравного упрямства» (1960–1980-е годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 8: История. С. 114–126.
- Савин А. И., Смирнова Т. Б.** Немцы Сибири // Российские немцы. М., 2021. С. 231–245.
- Серова Е. А.** К вопросу об истории общин Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области в 1940–1960-е гг. // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 277–280.
- Серова Е. А.** Общины Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области в 1960-е – первой половине 1980-х гг. // Этнорелигиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX – начале XXI в. Барнаул, 2019. С. 147–165.
- Сосковец Л. И.** Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е гг. XX в. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 348 с.
- Тюлюлюкин Е. Ф.** Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX – XX в.). Оренбург: Пресса, 2006. 194 с.
- Черказьянова И. В.** Проблема немецкого образования в Сибири в 1940–1990-е гг. // История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 513–522.
- Шкаровский М. В.** Русская православная церковь в XX веке // Страницы: богословие, культура, образование. 2010. Т. 14, № 1. С. 50–75.
- Ярыгин Н. Н.** Евангельское движение в России. Калининград: Изд-во КГТУ, 2015. 141 с.

Список источников

Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях. М.: Госполитиздат, 1959. 80 с.

References

- Arapov D. Yu.** Islam i sovetskoe gosudarstvo (1944–1990) [Islam and the Soviet State (1944–1990)]. Moscow, Mardzhani Publ., 2011, iss. 3, 529 p. (in Russ.)
- Belyakova N. A., Klyueva V. P.** “Ona privela menya k baptistam, a ya ee k pyatidesyatnikam”. Spetsifika kommunikativnykh praktik evangel’skikh obshchin v pozdnem SSSR) [“She Led Me to the Baptists, and I Led Her to the Pentecostals”. Specificity of Communicative Practices of Evangelical Communities in the Late USSR]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*, 2018, no. 62, pp. 294–311. (in Russ.)
- Bobrov I. V.** (ed.). Protestantizm v Tyumenskom krae: istoriya i sovremennost’ [Protestantism in the Tyumen Region: History and Modernity]. St. Petersburg, St. Petersburg State Uni. Press, 2006, 222 p. (in Russ.)
- Boltrushевич N. G.** Politika sovetskogo gosudarstva v otnoshenii pravoslavnoi tserkvi v 1954–1958 gg. (po materialam BSSR) [The Policy of the Soviet State Regarding the Orthodox Church in 1954–1958. (By the Materials of the BSSR)]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo*

instituta vysshei shkoly [Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education], 2020, no. 20–1, pp. 219–230. (in Russ.)

- Cherkaziyanova I. V.** Problema nemetskogo obrazovaniya v Sibiri v 1940–1990-e gg. [The Problem of German Education in Siberia in the 1940s –1990s]. In: *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and Ethnography of Germans in Siberia]. Omsk, 2009, pp. 513–522. (in Russ.)
- Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S.** Pravovoe polozhenie khristianskikh obshchin v 1953–1964 gg. [The Legal Status of Christian Communities in 1953–1964]. In: *Religiozniy landschaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii* [Religious Landscape of Western Siberia and Adjacent Regions of Central Asia]. Barnaul, 2015, vol. 2, pp. 75–83. (in Russ.)
- Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S.** Gosudarstvennoe regulirovanie deyatelnosti khristianskikh obshchin vo vtoroi polovine 1960-kh – seredine 1970-kh gg. [State Regulation of the Activities of Christian Communities in the 2nd Half of the 1960s – Mid-1970s]. In: *Etnoreligioznye protsessy v transgranichnom prostranstve Zapadnoi Sibiri, Kazakhstana i Mongolii v kontekste gosudarstvennoi politiki v XX – nachale XXI v.* [Ethnoreligious Processes in the Cross-Boundary Space of Western Siberia, Kazakhstan and Mongolia in the Context of State-Confessional Policy in the 20th – the Beginning of 21st Century]. Barnaul, 2019, pp. 165–172. (in Russ.)
- Dashkovskiy P. K., Siebert N. P.** Gosudarstvennoe regulirovanie deyatelnosti khristianskikh obshchin vo vtoroi polovine 1960-kh – seredine 1970-kh gg. [State Regulation of the Activities of Christian Communities in the 2nd Half of the 1960s – Mid-1970s]. In: *Gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoi Sibiri v kontse 1917 – seredine 1960-kh gg.* [State-Confessional Policy in the South of Western Siberia in the Late 1917 – Mid-1960s]. Barnaul, 2020, pp. 76–96. (in Russ.)
- Egorov D. E.** Antireligioznaya politika sovetskogo gosudarstva v seredine 50-kh – 60-kh godov XX veka) [Anti-Religious Policy of the Soviet State in the mid 1950s – 1960s]. In: *Innovatsii i perspektivy sovremennoi nauki. Istoricheskie, sotsiologicheskie i filosofskie nauki* [Innovations and Perspectives of Modern Science. Historical, Social, Humanitarian and Philosophical Sciences]. Astrakhan, 2018, pp. 40–43. (in Russ.)
- Glushaev A. L.** Raskol v baptizme: “initsiativniki” i “religiozniy ekstremizm” v interpretatsiyakh sovetskoi ateisticheskoi literatury 1960–1980-kh gg. [Schism in Baptists' Church: Initiatives and “Religious Extremism” in Interpretations of Soviet Atheistic Literature of the 1960s–1980s]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies], 2017, no. 71, pp. 104–118. (in Russ.)
- Glushaev A., Klyueva V.** “Novye” mennonity Urala i Sibiri: genezis i transformatsiya etnokonfessional'nykh soobshchestv v 1940–1960-e gody [The “New” Mennonites of the Ural and Siberia: Genesis and Transformation of Ethnoconfessional Communities in the 1940s – 1960s]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and Worldwide], 2014, vol. 32, no. 4, pp. 295–313. (in Russ.)
- Gorbatov A. V.** Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-e – 1960-e gody [The State and Religious Organizations of Siberia in the 1940s – 1960s]. Tomsk, TSPU Press, 2008, 406 p. (in Russ.)
- Gorbatov A. V.** Ob'edineniya Evangel'skikh khristian-baptistov v Sibiri i religioznaya politika gosudarstva v 1940–1960-e gg. [Unification of Evangelical Christians-Baptists in Siberia and the Government Religious Policy in the 1940s – 1960s]. In: *Religiozniy landschaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii* [Religious Landscape of Western Siberia and Adjacent Regions of Central Asia]. Barnaul, 2015, vol. 2, pp. 119–140. (in Russ.)
- Istoriya Evangel'skikh khristian-baptistov v SSSR* [The History of Evangelical Christians-Baptists in the USSR]. Moscow, Izdanie Vsesoyuznogo soveta evangel'skikh khristian-baptistov, 1989, 622 p. (in Russ.)

- Klyueva V. P.** Religioznaya aktivnost' naseleniya Tyumenskoï oblasti (1940–1960-e gg.) [Religious Activity of the Population of the Tyumen Region (1940–1960s)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2009, no. 9, pp. 95–101. (in Russ.)
- Klyueva V. P.** Religioznaya zhizn' v Tyumenskoï oblasti v kontse 1950 – seredine 1960-kh gg.: po materialam periodicheskoi pechati [Religious Life in the Tyumen Region in the Late 1950s – mid-1960s: Based on Materials from Periodicals]. *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P. P. Ershova* [Bulletin of the Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov], 2012, no. 2 (2), pp. 66–72. (in Russ.)
- Klyueva V. P.** “V nastoyashchee vremya religiya perezhivaet ser'eznyi krizis”: reaktsiya sovet-skikh veruyushchikh na antireligioznuyu propagandu [“At the Present Time Religion is Going through a Serious Crisis”: the Reaction of Soviet Believers to Anti-Religious Propaganda]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2015, no. 4 (31), pp. 143–150. (in Russ.)
- Konev E. V.** Adventisty sed'mogo dnya Zapadnoi Sibiri v 40–60-e gg. XIX veka [Seventh-Day Adventists of Western Siberia in the 1940s – 1960s]. *Manuskript* [Manuscript], 2020, vol. 13, no. 6, pp. 20–25. (in Russ.)
- Kostylev P. N., Antonov K. M., Vorontsova E. V.** “Nauka o religii”, “Nauchnyi ateizm”, “Religiovedenie”: aktual'nye problemy nauchnogo izucheniya religii v Rossii XX – nachala XXI v. [“Science on Religion”, “Scientific Atheism”, “Religious Studies”: Challenging Problems of Scientific Study of Religion in Russia in the 20th – Early 21st Century]. Moscow, Izdatel'stvo PSTGU, 2014, 263 p. (in Russ.)
- Nikolskaya T. K.** Russkii protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 gg. [Russian Protestantism and State Power in 1905–1991]. Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss. St. Petersburg, 2003, 28 p. (in Russ.)
- Nikolskaya T. K.** Russkii protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godakh [Russian Protestantism and State Power in 1905–1991]. St. Petersburg, Europe Uni. Press, 2009, 356 p. (in Russ.)
- Nikolskaya T. K.** Vozrozhdenie ili krizis? Vyzovy “perestroiki” v konfessiyakh russkogo protestantizma [Revival or Crisis? Challenges of “Perestroika” for the Confessions of Russian Protestantism]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 121–131. (in Russ.)
- Odintsov M. I.** Zhivushchie nadezhdoi. Tserkov' khristian-adventistov sed'mogo dnya v Rossii. 1886–1991 gg. [Living in Hope. Church of Seventh-Day Adventist Christians in Russia. 1886–1991]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2020, 575 p. (in Russ.)
- Pibaev I. A.** Konstitutsionno-pravovoi status svetskogo gosudarstva v Rossii i Italii [Constitutional and Legal Status of a Secular State in Russia and Italy]. Moscow, Prospekt, 2021, 224 p. (in Russ.)
- Savin A. I.** Mennonity Sibiri v 1940–1980-e gody: religioznye dissidenty. Dokumenty i materialy [Mennonites of Siberia in the 1940–1980s: Religious Dissidents. Documents and Materials]. Novosibirsk, Posokh Publ., 2015, 559 p. (in Russ.)
- Savin A. I.** Bibliya v sovetskom Soyuze: k istorii vvoza iz-za granitsy, izdaniya i rasprostraneniya [The Bible in the Soviet Union: The History of Import from Abroad, Publication and Distribution]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], 2020, no. 2 (10), pp. 33–50. (in Russ.)
- Savin A. I., Dönninghaus V.** Mass Religious Events of the Siberian Germans as an Expression of “Willful Stubbornness” (1960s – 1980s). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2017, vol. 16, no. 8: History, pp. 114–126. (in Russ.)
- Savin A. I., Smirnova T. B.** Nemtsy Sibiri [Siberian Germans]. In: Rossiiskie nemtsy [Russian Germans]. Moscow, 2021, pp. 231–245. (in Russ.)
- Serova E. A.** K voprosu ob istorii obshchin Evangel'skikh khristian-baptistov Kemerovskoi oblasti v 1940–1960-e gg. [To the Question on History of Communities of Evangelical Christian-

Baptists in the Kemerovo Region in the 1940s – 1960s.]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2011, no. 5 (30), pp. 277–280. (in Russ.)

- Serova E. A.** Obshchiny Evangel'skikh khristian-baptistov Kemerovskoi oblasti v 1960-e – pervoi polovine 1980-kh gg. [Communities of Evangelical Christians-Baptists of the Kemerovo Oblast in the 1960s – the 1st Half of the 1980s]. In: *Etnoreligioznye protsessy v transgranichnom prostranstve Zapadnoi Sibiri, Kazakhstana i Mongolii v kontekste gosudarstvennoi politiki v XX – nachale XXI v.* [Ethno-Religious Processes in the Transboundary Territories of Western Siberia, Kazakhstan and Mongolia in the Context of Government Policy in the 20th – Early 21st Century]. Barnaul, 2019, pp. 147–165. (in Russ.)
- Shkarovsky M. V.** Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke [Russian Orthodox Church in the 20th Century]. *Stranitsy: bogoslovie, kul'tura, obrazovanie* [Pages: Theology, Culture, Education], 2010, vol. 14, no. 1, pp. 50–75. (in Russ.)
- Soskovets L. I.** Religioznye konfessii Zapadnoi Sibiri v 40–60-e gg. XX v. [Religious Confessions of Western Siberia in the 1940s – 1960s]. Tomsk, TSU Pres, 2003, 348 p. (in Russ.)
- Tyulyulyukin E. F.** Rossiiskie nemtsy v istorii Orenburzh'ya (konets XIX – XX v.) [Russian Germans in the History of the Orenburg Region (Late 19th – 20th Century)]. Orenburg, Pressa, 2006, 194 p. (in Russ.)
- Vibe P. P., Sennikova L. I.** Religioznaya zhizn' nemetskogo naseleniya Sibiri vo vtoroi polovine XX v. [Religious Life of the German Population of Siberia in the 2nd Half of the 20th Century]. In: *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and Ethnography of Germans in Siberia]. Omsk, 2009, pp. 523–548. (in Russ.)
- Volokhov S. P.** Grazhdanskaya initsiativa i protest nemtsev Sibiri po voprosu vosstanovleniya natsional'noi avtonomii i osushchestvleniya prava na emigratsiyu [Public Initiative and Protest of the Germans of Siberia in Support of the Restoration of National Autonomy and the Exercise of the Right to Emigrate]. In: *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and Ethnography of Germans in Siberia]. Omsk, 2009, pp. 503–512. (in Russ.)
- Yarygin N. N.** Evangel'skoe dvizhenie v Rossii [Evangelical Movement in Russia]. Kaliningrad, KSTU Press, 2015, 141 p. (in Russ.)
- Zherebyatieva E. E.** Pravovoe polozhenie protestantskikh organizatsii i ateisticheskaya rabota v Altaiskom krae (1945–1980-e gg.) [The Legal Status of Protestant Organizations and Atheistic Activism in the Altai Territory (1945–1980s)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University], 2009, no. 4-1 (64), pp. 79–82. (in Russ.)
- Zherebyatieva E. E.** Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya v Altaiskom krae v 1945–1990 gg. [State-Confessional Relations in the Altai Krai in 1945–1990]. Cand. Hist. Sci. Diss. Barnaul, 2012, 242 p. (in Russ.)

List of Sources

Doklad na zakrytom zasedanii XX s'ezda KPSS “O kul'te lichnosti i ego posledstviyakh” [Report at a Closed Session of the 20th Congress of the CPSU “On the Cult of Personality and Its Consequences”]. Moscow, Gospolitizdat, 1959, 80 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Петр Константинович Дашковский, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 54410356600

WoS Researcher ID ААН-1161-2020

Наталья Петровна Зиберт, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57219342868

WoS Researcher ID ABG-2282-2021

Information about the Authors

Pyotr K. Dashkovskiy, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 54410356600

WoS Researcher ID AAH-1161-2020

Natalia P. Siebert, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57219342868

WoS Researcher ID ABG-2282-2021

*Статья поступила в редакцию 23.10.2021;
одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 22.02.2022
The article was submitted 23.10.2021;
approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 22.02.2022*

Апробация и проблематизация новых подходов в исторических исследованиях: опыт проведения регулярного научно-методологического семинара «История межкультурной коммуникации в политическом пространстве Евразии (XV–XIX вв.)» (апрель – декабрь 2021 года)

Накопленный историографический базис и комплекс нарративных и документальных источников, введенных в научный оборот, а также воздействие конкурентной, плюралистической академической среды, которой во многом поспособствовало развитие информационных ресурсов и онлайн технологий, позволяет современным историкам перейти к новым уровням концептуального осмысления исторического наследия, формулировать оригинальные и комплексные (требующие междисциплинарных подходов) направления исследований. Одним из таких направлений, которое во многом было актуализировано лингвистическим поворотом и развитием методов культурной антропологии, стало исследование на материале истории взаимодействия Российского государства с народами Урало-Поволжья, Сибири и Центральной Азии различных моделей, форм и механизмов политической коммуникации. Изучение этих научных проблематик инициировано и реализовывалось на базе созданного в 2019 г. научно-образовательного центра «Наследие» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (далее – НОЦ «Наследие»). Деятельность НОЦ «Наследие» развивал сетевой коллектив исследователей из России (Новосибирск, Москва, Тюмень) и зарубежья (Узбекистан, Казахстан, Таджикистан), благодаря чему удалось сформировать «академическое ядро» специалистов-историков, готовых развивать круг изучаемых вопросов, расширять географические и территориальные рамки исследований межкультурной коммуникации до пределов Евразии в XV–XIX вв.

По инициативе директора НОЦ «Наследие» д-ра ист. наук, профессора А. С. Зуева, специалиста в области русско-аборигенных отношений в Сибири в XVII–XVIII вв., и канд. ист. наук М. В. Моисеева (в настоящее время – доцента Московского педагогического государственного университета), специалиста в области дипломатии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени в апреле 2021 г. был запущен регулярный онлайн семинар.

Задачами семинара были апробация и продвижение новаторских исследований, посвященных международным и межкультурным коммуникациям на территории Евразии в XV–XIX вв., выработка в дискуссиях конвенциональных положений и оценок исторического процесса, а также проектирование перспективных направлений исследований и методологических приемов изучения феномена коммуникации на материалах исторических источников. Семинар проводился в формате модерлируемой дискуссии по содержанию представленного доклада, в ходе которой все желающие могли вступать в научную полемику с докладчиком, выносить свои суждения и рекомендации. Такой формат выгодно отличается от традиционных регламентов секционных заседаний на конференциях, в которых значительно ограничен временной ресурс докладчика, а коммуникация слушателей, как правило, сведена только к возможности задавать уточняющие вопросы.

В работе семинара и обсуждениях приняли участие представители ведущих научных и образовательных центров России: А. В. Беляков, В. В. Трепавлов, И. И. Юрганова (Институт российской истории РАН, Москва); К. Ю. Ерусалимский (Российский государственный

гуманитарный университет, Москва); Р. Ю. Почекаев, И. Д. Пузырев А. А. Селин (Высшая школа экономики, Санкт-Петербург); М. В. Моисеев (Музей г. Москвы, Московский педагогический государственный университет); Д. В. Сень (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону); Г. Х. Самигулов (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск); Д. Н. Маслюженко (Курганский государственный университет); А. Ю. Конев (Тюменский научный центр СО РАН); П. Н. Барахович (Красноярский государственный педагогический университет, Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскание», Красноярск); А. А. Борисов, А. И. Архипова, П. П. Петров, А. Д. Васильев (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск), А. С. Зуев (Новосибирский государственный университет), В. А. Слугина (Институт истории СО РАН, Новосибирск).

Всего за время работы семинара с апреля по декабрь 2021 г. было представлено шесть докладов.

1. «Легитимация власти российского монарха над Сибирью и ее народами в конце XVI – начале XVIII века», докладчики канд. ист. наук В. А. Слугина, д-р ист. наук А. С. Зуев.
2. «Источники “жалованного слова” XV–XVI вв.», докладчик д-р ист. наук А. В. Беляков.
3. «Некоторые моменты вхождения Южного и Среднего Зауралья в состав Российского государства: конец XVI – XVII в.», докладчик канд. ист. наук Г. Х. Самигулов.
4. «Служба воеводы Ивана Кобыльского в Киргизской земле 1642 г. и ее значение», докладчик канд. ист. наук П. Н. Барахович.
5. «История межкультурной коммуникации в политическом пространстве Евразии», докладчик канд. ист. наук А. Ю. Конев.
6. «О событиях 1642 г. в Якутском уезде», докладчик д-р ист. наук А. А. Борисов.

В рамках семинара обсуждались вопросы выявления динамики восприятия народами друг друга, установления комплекса факторов, определявших коммуникативные стратегии и практики в политической сфере, реализации различных приемов и инструментов легитимации государствами своей власти над территориями и народами, происхождения и синтеза социально-политических институтов, традиций и практик, сформированных разными культурами. Участниками также рассматривались и современные проблемы методологии, историографии и источниковедения, фиксировались параметры, по которым можно проводить сравнительные исторические исследования по темам межкультурной коммуникации.

Результаты работы семинара нашли отражение в статьях участников семинара (А.С. Зуев, В. А. Слугина, В. В. Трепавлов, М. В. Моисеев, И. Д. Пузырев), опубликованных в тематическом выпуске «Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: История России» (2021. Т. 20, № 3, тема номера: «Модели политической коммуникации Российского государства с народами Урало-Поволжья, Сибири и Центральной Азии в XVI–XIX вв.»). Также регулярными участниками семинара – А. А. Борисовым, А. Ю. Коневым, М. В. Моисеевым, Г. Х. Самигуловым, В. В. Трепаловым И. И. Юргановой – были представлены доклады по тематикам языковой идентификации и коммуникации на XI Международной научно-практической конференции «Коммуникативная культура: история и современность» (Новосибирск, 29 октября 2021 г.). На Всероссийской научной конференции с международным участием «Кочевые окраины Азиатской России XVII – начала XX в.: актуальные проблемы истории управления, социальных отношений хозяйственного освоения и культуры (Якутск, 10 декабря 2021 г.) доклады представили А. И. Архипова, А. А. Борисов, А. Д. Васильев, П. П. Петров, В. А. Слугина и И. И. Юганова.

Благодаря организации и проведению регулярного научно-методологического семинара «История межкультурной коммуникации в политическом пространстве Евразии» (XV–XIX вв.) и налаженной информационной связи между участниками сформировалось активное экспертное сообщество историков, готовых через дискуссии развивать новые тематики исследований, совершенствовать научный инструментарий, формировать научные коллабо-

рации и создавать общие базы знаний, внося тем самым значимый вклад в развитие отечественной исторической науки.

Семинар продолжает свою деятельность и в текущем году, в его повестке – рассмотрение вопросов формирования языковых моделей описания неправославных народов и установления особенностей политической коммуникации в ходе реализации воеводской системы управления нерусскими окраинами.

Виктория Александровна Слугина

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры отечественной истории
Гуманитарного института НГУ
Новосибирск, Россия
slugina881@gmail.com

Материал поступил в редколлегию

Received
17.08.2022

Список сокращений

ГААК	– Государственный архив Алтайского края, Барнаул
ГАИО	– Государственный архив Иркутской области, Иркутск
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации, Москва
ГИАОО	– Государственный исторический архив Омской области, Омск
НА РАО	– Научный архив Российской академии образования, Москва
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив, Москва
РГИА	Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
СПбФ АРАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ЦГА РУз	Центральный государственный архив Республики Узбекистан, Ташкент
ЦГАМ	Центральный государственный архив г. Москвы
ЦДНИ ТО	Центр документации новейшей истории Томской области, Томск

Информация для авторов

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Историография. Источниковедение», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь – февраль (№ 1) и октябрь – ноябрь (№ 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в № 1 осуществляется с мая по октябрь, в № 8 – с ноября по апрель каждого календарного года. Рукописи, поступившие в редколлегию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем:

- *статья* – до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков);
- *документальная публикация* – до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источника именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера;
- *рецензия и научная информация* – до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редколлегии.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание Ф. И. О., сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона, электронный адрес автора, ORCID, а также другие коды автора (Scopus, WoS, RSCI, SPIN), если есть.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Новосибирский государственный университет
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 26
E-mail: history@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»